

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2023

Том 23

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

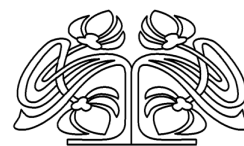
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Романов М. Ю.** Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин 284
- Ежова С. А., Шишкин В. И.** «Жизнь, сплошь занятая одним только упорным трудом...»: Алексей Иванович Михайловский в истории Казанского университета 295
- Воейков Е. В.** Танковый бой под Прохоровкой: ключевые оценки и суждения в современной отечественной историографии 304
- Бичеховст А. Ф.** Организация агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной работы среди советских репатриантов (1944–1946) 313
- Власова Н. Н.** Работа студенческих клубов вузов Украинской ССР как средство организации досуга в период «хрущевской оттепели» 322

Всеобщая история и международные отношения

- Чернова Л. Н.** Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны 327
- Семиков М. О.** Джованни Агуто – кондотьер на службе итальянских государств 338
- Старокожева Н. А.** Ханна Мор о значении благотворительности для бедных и богатых 343
- Киясов С. Е.** Архитекторы нового масонства в Англии (1646–1723) 350
- Крылов В. А.** Испания и испанцы глазами чрезвычайного британского посла Сэмюэля Хора (1940–1944) 357

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова Иван Иванович Косагов (1660–1662) 364
- Варфоломеев Ю. В.** Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) 378
- Герман А. А.** Идеология и практика антибольшевистской «Крестьянской войны» 1921 года в Саратовском Поволжье 383
- Акопян З. В.** Калмыцкий национальный район и проблема выбора его административного центра 391
- Чолахян В. А.** Развитие промышленности Нижнего Поволжья в предвоенные годы (1937–1941) 400

Критика и библиография

Представляем книгу

- Смирнов Ю. Н.** Новый французский источник о России восемнадцатого столетия в жанре исторического анекдота 408

Приложения

Хроника

- Галямичев А. Н.** Окно в мастерскую историка-медиевиста (к 110-летию со дня рождения С. М. Стама) 413

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.23.

Подписано в свет 31.08.23.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 92-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;

– оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Romanov M. Yu.** A man and his time: The sovereign stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin 284
- Ezhova S. A., Shishkin V. I.** "Life is full of hard work alone...": Alexei Ivanovich Mikhailovsky in the history of Kazan University 295
- Voeikov E. V.** Tank Battle near Prokhorovka: Key assessments and judgments in Modern Russian Historiography 304
- Bichevost A. F.** Organization of propaganda, cultural and educational work among Soviet repatriates (1944–1946) 313
- Vlasova N. N.** The work of student clubs of universities of the Ukrainian SSR as a means of organizing leisure during the "Khrushchev thaw" 322

World History and International Relations

- Chernova L. N.** London and the towns of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War 327
- Semikov M. O.** Giovanni Aguto – condottiere in the service of the Italian states 338
- Starokozheva N. A.** Hannah More on the significance of charity for the rich and the poor 343
- Kiyasov S. E.** Architects of New Masonry in England (1646–1723) 350
- Krylov V. A.** Spain and the Spaniards through the eyes of the Extraordinary British Ambassador Samuel Hoare (1940–1944) 357

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Voivode of Saratov Ivan Ivanovich Kosagov (1660–1662) 364
- Varfolomeev Yu. V.** The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov Province) 378
- German A. A.** Ideology and practice of the anti-Bolshevik "Peasant War" of 1921 in the Saratov Volga region 383
- Akopyan Z. V.** Kalmyk National District and the problem of choosing its administrative center 391
- Cholakhyan V. A.** Industrial development of the Lower Volga region in the pre-war years (1937–1941) 400

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Smirnov Yu. N.** A new French source about Russia in the eighteenth century in the genre of historical anecdote 408

Appendices

Chronicle

- Galyamichev A. N.** Window to the workshop of the Medieval historian (To the 110th Anniversary of the birth of S. M. Stam) 413

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

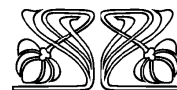
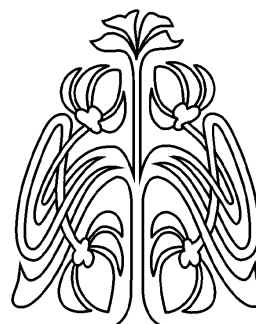
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

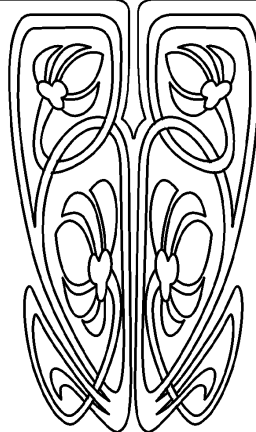
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–294

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–294

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

Научная статья

УДК [94:323.317](470+571)|16|+929Ознобишин

Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин

М. Ю. Романов

Московское краеведческое общество Союза краеведов России, Россия, 129366, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2

Романов Максим Юрьевич, moscovit64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, AuthorID: 1186761

Аннотация. Статья посвящена биографии одного из рядовых служилых людей по отечеству XVII в. Михаила Федоровича Ознобишина. Жизненный путь царедворца рассматривается через призму его личного восприятия такого ценностного понятия, как родовая «честь», что нашло отражение в фамильном родословии, составленном Ознобишиным в 1686 г. Впервые приводятся сведения о некоторых этапах его служебной карьеры, а также о ранее неизвестном воеводе Саратова, ставшем преемником Ознобишина на воеводском посту.

Ключевые слова: воеводское управление, Коротояк, Острогожск, родословие, Саратов, царедворцы

Для цитирования: Романов М. Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–294. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A man and his time: The sovereign stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin

M. Yu. Romanov

Moscow Local History Society of the Union of local historians of Russia, 2 Kosmonavtov St., Moscow 129366, Russia

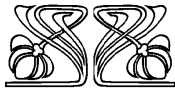
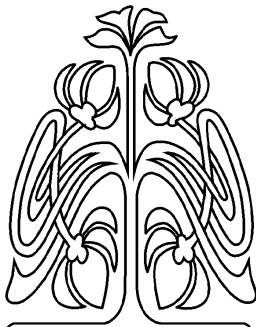
Maxim Yu. Romanov, moscovit64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, AuthorID: 1186761

Abstract. The article is devoted to the biography of one of the ordinary serving people of the XVII century Mikhail Fedorovich Oznobishin. The life path of the courtier is considered through the prism of his personal perception of such a moral concept as generic “honor”, which is reflected in the family pedigree compiled by Oznobishin in 1686. For the first time, information is given about some stages of his official career, as well as about the previously unknown voivode of Saratov, who became Oznobishin’s successor at the voivodeship.

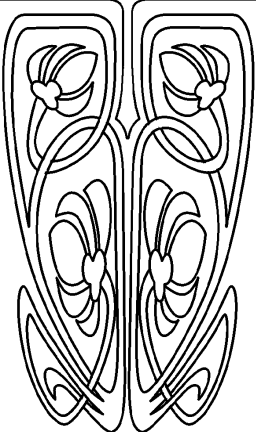
Keywords: voivodeship administration, Korotoyak, Ostrogzhsk, genealogy, Saratov, courtiers

For citation: Romanov M. Yu. A man and his time: The sovereign stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Краткие сведения о служебной деятельности М. Ф. Ознобишина – представителя старинного русского дворянского рода – стали известны широкому кругу любителей отечественной истории уже давно. Впервые небольшая справка о его карьере, не содержащая дат, относящихся к исполнению им функций воеводы в разных городах, была составлена кн. А. Б. Лобановым-Ростовским еще в первом издании «Русской родословной книги», увидевшей свет в 1873 г. [1, с. 260]. Позднее, при подготовке второго издания своего труда, вышедшего из печати в 1895 г., автор внес дополнение, указав 1677 г. как дату пребывания Ознобишина в Саратове в качестве воеводы [2, с. 45].

В дальнейшем эта информация неоднократно воспроизводилась в различных тематических справочных изданиях и энциклопедических словарях. Среди них следует отметить известный справочник А. П. Барсукова о должностных лицах воеводского управления XVII в., в котором, видимо, по недоразумению имя Михаила Федоровича не было включено в общий список саратовских воевод, но впервые были конкретизированы сроки его пребывания на службе в других городах – Коротояке и Острогжске [3, с. 111, 166].

Данный пробел был восполнен А. А. Герклитовым при составлении отдельного списка воевод Саратова и Царицына, в котором М. Ф. Ознобишин как саратовский воевода также упоминается только под 1677 г. Необходимо отметить ошибку историка, неверно определившего придворный чин Ознобишина, на тот момент стольником не являвшимся [4, с. 69].

В более широком контексте жизненный путь воеводы нашел отражение в статье Е. Лихача, подготовленной для «Русского биографического словаря» [5, с. 199]. В нее были включены ранее неизвестные эпизоды служебной карьеры Михаила Федоровича. При этом также по не совсем ясной причине автор не учел данные «Русской родословной книги» и не менее известного «Алфавитного указателя фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах ...» 1853 г. издания [6, с. 304], ограничив жизнеописание стольника событиями 1682 г.

Однако для нашего исследования главной задачей является не сколько пополнение имеющихся данных новыми сведениями и исправление допущенных ранее разными авторами ошибок, а совершенно иное целеполагание. Говоря в целом о биографическом жанре в научной литературе, не будет преувеличением сказать о том, что личностные качества рядовых служилых людей Московского царства нечасто становились предметом целенаправленного изучения. Дошедшие до нас письменные источники обычно крайне скупно освещают присущие им когда-то индивидуальные черты. Но в случае с героем нашего

очерка сохранилось достаточно много документальных свидетельств, позволяющих представить его личные воззрения в отношении таких важных для человека XVII столетия понятий, как родовая честь и служебный долг.

Как известно, немалую долю в деятельности Разрядного приказа, ведавшего назначением на службу служилых людей по отечеству, а также верстанием их поместьями и денежными окладами, занимало рассмотрение местнических дел, в которых представители московского и городского дворянства отстаивали свои интересы в стародавних спорах о «чести» и «местах» их родни в иерархии военных и административных чинов. Даже после официальной отмены местничества в 1682 г. прежнее восприятие межродовых отношений по службе продолжало доминировать в самых широких кругах русского дворянства, что в полной мере нашло отражение в «поколенных росписях», поданных служилыми людьми по распоряжению властей в конце XVII в. в специально созданную Палату родословных дел.

Роспись, представленная от рода Ознобишиных в августе 1686 г. Михаилом Федоровичем, довольно ярко иллюстрирует его персональные представления о «местах» предков и сродников в истории государства Российского и их служебной «чести». То, что составителем росписи являлся именно М. Ф. Ознобишин, не вызывает сомнения. Он первым собственным рукоприкладством за себя и за своего сына Дмитрия заверил поданные сведения, предоставив аналогичное право только одному из своих младших сородичей. На авторство Михаила Федоровича указывает и тот факт, что самая обстоятельная справка о служебной карьере одного из здравствовавших на тот момент представителей рода также связана с его именем.

Взявшись за работу по составлению родословия, Михаил Федорович возложил на себя большую ответственность, так как любые представленные в росписи сведения о служебной деятельности родственников могли быть истолкованы гипотетическими местниками в «бесчестье» и в «укоризну» всем Ознобишиным. Данное обстоятельство определяло задачу не только минимизировать саму такую возможность, но и максимально наполнить повествование выигрышными, с точки зрения местнического счета, деталями.

Исходя из необходимости решения этой непростой задачи, сформулировав справку в отношении собственной службы в третьем лице, Михаил Федорович отмечал: «У Федора Афонасьева сына Михайло сын. И во 140-м году пожалован в стольники к великому государю святейшему Филарету Никитичу патриарху Московскому и всея России, и был воеводою на Коротояке да в Острогжском, на Саратове. Да Михайло ж был с полком стрельцами

воеводою в Чернигове и ныне служит великим государям в стольниках» [7, с. 297].

В данной смысловой конструкции обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Указание точной даты пожалования определенным чином, отсутствующие в тексте росписи в отношении других лиц еще раз убеждает нас в авторстве Михаила Федоровича. Интересно, что свое кратковременное пребывание в чине патриаршего стольника, упраздненного вскоре после кончины Филарета 1 октября 1633 г., Ознобишин выделяет как особую «честь», подчеркивая тем самым давность своей службы при Государевом дворе и подспудно связывая ее с продолжением службы в чине государева стольника в 1680-е гг. Особую значимость личного вклада автора в служебное достоинство своего рода должен был подчеркнуть перечень городов, в которых Михаил Федорович в разные годы занимал должность воеводы.

Для лиц незаинтересованных составленная стольником справка о собственной карьере выглядела сюжетом вполне заурядным, и только сведущий представитель соперничавшей фамилии мог уличить его в некотором лукавстве. Как бы невзначай, но за рамками повествования остался почти 40-летний период службы Михаила Федоровича, отдельные эпизоды которой с позиций местничества могли быть расценены как умаляющие родовую честь Ознобишиных. Именно подобные факты он и стремился тщательно умолчать.

Однако прежде чем озвучить детали, сознательно опущенные автором, необходимо отметить, что нет оснований предъявлять ему какие-либо претензии, так как действовал он сугубо в рамках законов особого жанра, в нашем случае жанра родословца, вовсе не предполагавшего объективного изложения истории фамилии.

При сличении с аналогичными «поколенными росписями» становится очевидным, что для «худородного» служилого человека главными критериями достоинства рода выступали следующие обстоятельства: давность службы представителей фамилии московским государям; их доблесть при выполнении служебных обязанностей; наличие пожалований наиболее статусными чинами и должностями.

На соответствующие факты и был сделан акцент в родословии Ознобишиных. Согласно семейным преданиям их общим родоначальником являлся некий «муж честен» Филипп Ознобиша, выехавший на службу в Москву из Польши еще при великом князе Василии Дмитриевиче. Подтвердить приведенные сведения его потомкам было затруднительно, так как «от войны, когда польской король воевал с Смоленским и Дорогобуж во 118 и во 119 годах, родственников наших жен и детей посекали и в полон побрали, и дома их в конец разорили, и в то время выезд родителя

нашего и жалованные милостивые великого князя грамоты в таком разорении утерялись. И от такого смертного разорения службе и чести в подлиннике изъявить не можно» [7, с. 296].

По всей видимости, семейное предание Ознобишиных имело под собой реальные основания, так как внук и правнук Филиппа Ознобиши – Василий Остафьевич и Никита Васильевич – в конце правления великого князя Ивана III уже занимали третьестепенные административные должности волостелей в замосковских уездах страны, на что имели соответствующие кормленные грамоты, упомянутые в родословии. Сделанные с них позднейшие списки сохранились в семейном архиве Ознобишиных и дошли до нашего времени, как и списки с жалованных грамот, выданных Василию Остафьевичу на села в Суздальском и Муромском уездах [8, с. 291–292].

Несомненно, фамильной гордостью Ознобишиных являлись их предки, сложившие головы на полях сражений. Только в печально известном сражении под Конотопом 1659 г. пало пятеро представителей фамилии. Необычные обстоятельства гибели в бою подчеркивались особо – Никифор Иванов сын Ознобишин, жилец, убит «под Вильною из пушки»; жильцу Никифору Максиму сыну Ознобишину «под Чигириным турецкие люди отсекли голову». В отношении своего родного деда Афанасия Михайловича Михаил Федорович писал: «... Убит на службе под Шкловым, как посыланы ратные люди от царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца под Шклов из Полоцка» [7, с. 297].

Говоря о своем отце и его брате, стольник отмечал: «У Афонасья Михайлова сына дети: Федор, Василий – а служили великому государю царю и великому (sic) Федору Ивановичу всея России самодержцу в житие, а великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России самодержцу служили по московскому списку. А за осадное московское сиденье, как сидели при царе Василье Иоанновиче всея России ... [и д]ана им жалованная грамота царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца. Василий Афонасьев сын был воеводою на Крапивне. Да он же был воеводою на Волокуланском». С этого времени многие Ознобишины стали включаться в число царедворцев, служа при Государевом дворе «из житья», по московскому списку, стряпчими, стольниками, что и было подробно зафиксировано в росписи наряду с назначением одного из дальних родственников на воеводство в Серпейск [7, с. 297–298].

Но о чем же умолчал Михаил Федорович? Оставляя за кадром явные неточности в определении степени родства отдельных предков, живших в XVI столетии, пропуски имен некоторых из них, отметим наиболее существенное. В своем изложении скрупулезно продуманного генеалогического материала стольник ни разу

не упоминает тот факт, что на протяжении значительной части истории рода большинство его представителей являлись рядовыми городовыми детьми боярскими, служившими по Дорогобужу. Упоминание об общей малой родине Ознобишиных встречается только раз в связи с разорением Смоленской земли поляками в годы Смуты и гибели там многих родных и близких людей. Возможно, тем самым составитель росписи, объясняя обстоятельство утраты древних жалованных грамот, желал отдать дань памяти невинно убиенным родственникам, но в дальнейшем повествовании постарался всячески избегать упоминаний о давней связи рода с дорогобужским «служилым городом».

В этом был свой резон. Дело в том, что среди корпораций уездных служилых людей существовала своя внутренняя иерархия, в которой дорогобужане имели далеко не самый высокий статус. Данный вопрос остается практически неизученным, и можно только предположить, что иерархия «служилых городов» определялась временем формирования местных сообществ служилых землевладельцев и их первоначальным персональным составом [9, с. 350–360]. Даже после утраты по итогам Смуты своих родовых поместий и вотчин дорогобужские дворяне и дети боярские сохраняли свою прежнюю организационную структуру, по факту являясь экстерриториальным соединением служилых людей, испомещенных в различных уездах страны. К нему и относилась большая часть лиц, упомянутых в «поколенной росписи» Ознобишиных.

Данное обстоятельство вынуждало Михаила Федоровича быть особо внимательным к отдельным эпизодам семейной истории, раскрывавшим дорогобужские корни его рода. В частности, выделяя как значимую заслугу участие своего отца и дяди в «московском осадном сиденье» при царе Василии Шуйском, удостоверенную жалованной грамотой новоизбранного государя Михаила Федоровича, он умалчивал тот факт, что документ подтверждал прежнее пожалование братьев Ознобишиных вотчиной в Дорогобужском уезде.

Упомянутое в грамоте сельцо Лопатино с деревнями и пустошами, как следует из документа, составляли старинное поместье данной ветви Ознобишиных, часть которого передавалась братьям в вотчинное владение за то, что они «против врагов стояли мужественно, без всякого позыбанья» [10, с. 44–45]. Несомненно, это владение являлось основой благосостояния семьи, сохранить которое в условиях междоусобицы братья стремились любыми средствами, о чем свидетельствует получение Василием Афанасьевичем в сентябре 1610 г. «листа» от польского короля на их общую с братом Лопатинскую «отчизну и поместье» [11, с. 352]. Однако в реалиях 1614 г., когда составлялась новая жалованная грамота

царя Михаила Федоровича [12, с. 356], данное пожалование скорее выступало моральным поощрением, вселявшим лишь надежду на возможный возврат утраченной собственности.

Еще более весомым свидетельством осторожного и вдумчивого подхода Михаила Федоровича к изложению сведений из прошлого своей семьи выступают данные о его отце – Федоре Афанасьевиче. Из текста росписи следует, что он вместе с младшим братом Василием (возможно, и братом-близнецом) прошел по жизни плечом к плечу – вместе служили «в житье» при царе Федоре Ивановиче, а затем дворянами московскими при новой царской династии. Однако документы раскрывают перед нами совершенно иную действительность.

Василий Афанасьевич стал первым представителем рода Ознобишиных, которому удалось пробиться в ряды дворян московских. В этом чине он известен, по крайней мере, с мая 1624 г. [13, стб. 617]. Его брат продолжал службу по Дорогобужу и в 1622 г. числился выборным дворянином, имевшим высокий поместный оклад в 850 четей, денег из чети 42 руб. Правда, с наполнением окладов реальными материальными составляющими дело обстояло не столь благополучно.

Во время проведения в 1622 г. разбора смолян, вязмичей, дорогобужан и других владимирских помещиков выяснилось, «что он собою добр и служить ему мочно, а ныне беден, и поместье за ним худо, в дачах сто осмнатцать чети, крестьяне из за него все разбежались в те же поры, как ему поместье дано, потому что за помещики наперед сево не бывали, а ныне свозил по государеве грамоте восемь бобылей, на службе наперед сево бывал на добром коне, и простая лошадь за ним бывала, а ныне, толко государь пожалует ево денежным жалованьем, и ему мочно быть на службе на коне ж с пищалью с саблею да человек в кошу, денег ему из чети сорок два рубли, да и сам Федор сказал тож, что и окладчики про него сказали, у него ж сын Михайло дву лет» [14, л. 47–47 об.].

Сведения из разборной десятины 1622 г. указывают не только на истинное материальное положение Федора Афанасьевича, но и раскрывают преклонный возраст его единственного сына на момент составления родословия, датой рождения которого следует считать 1620 г. Как следует из более поздних сведений, детство Михаила прошло в одном из поместий отца во Владимирском или Суздальском уезде, за которым в 1632 г. уже числилось 286 с половиною четей земли и 22 крестьянских и бобыльских двора [15, с. 166]. К 1630 г. несколько увеличился и денежный оклад дорогобужанина – «владимирского помещика», составлявший теперь 44 руб. Здесь небезынтересно отметить, что к этому времени остальные его сродственники, состоявшие

на службе, значились в числе «*рязанских помещиков*» [16, с. 530, 535–536].

Одним из последних земных дел Федора Афанасьевича стало определение 12-летнего сына на службу при Патриаршем дворе в 1632 г., что открывало перед ним определенные перспективы. В том же году Федор Афанасьевич, выслуживший на склоне лет чин дворянина московского [17, с. 499], скончался, ненадолго пережив своего брата Василия. Однако обозначенной в родословии их совместной службы по московскому списку никогда не было в силу того, что пожалование в царедворцы отца Михаила Федоровича состоялось уже после кончины Василия Афанасьевича 4 августа 1630 г. Его место занял брат, переведенный из дорогобужан в московские дворяне 22 августа того же года [17, с. 375, 391]. Вместе с чином брата Федор Афанасьевич унаследовал и его незавершенное «государское дело». В 1627 г., вскоре после возвращения Василия Афанасьевича с воеводства в Волоколамске, ему было поручено проведение земельного описания Белевского уезда [18, с. 96], которое удалось завершить его преемнику только в 1631 г. [19, с. 85].

С момента кончины отца Михаил Федорович на некоторое время стал единственным представителем своей ветви рода Ознобишиных, прожив достаточно долгую жизнь, однако отдельные ее периоды остаются неясными. Как упоминалось выше, большая часть его служебной карьеры и вовсе не нашла отражения в «поколенной росписи», что никак нельзя объяснить скромностью ее составителя. К настоящему времени удалось установить, что после непродолжительного пребывания в чине патриаршего стольника в 1634 г. он был переведен на службу жильцом [20, с. 39, 58], на которой оставался вплоть до 1641 г. [21, с. 286]. Затем следы М. Ф. Ознобишина теряются.

Судя по тому, что в материалах жилецкого разбора 1643 г., сохранившихся достаточно полно, а также в боярских списках 1640–1660-х гг. его имя отсутствует, можно предположить, что около 1642 г. он был переведен в сотенную службу и, скорее всего, зачислен по родству в общий список дорогобужских дворян и детей боярских. К сожалению, данные по их персональному составу за интересующий нас период пока не обнаружены.

Однако нельзя исключить и другой ситуации, при которой бывший жилец после определения на службу со своим «городом» через некоторое время получил новое назначение на должность, не относившуюся к ведению Разрядного приказа, например, был назначен в начальные люди (сотником или головой) в один из городских стрелецких приказов. Подобная версия также имеет право на существование, хотя проверить ее практически невозможно в силу утраты большей части архива Стрелецкого

приказа. В пользу подобного развития событий в карьере М. Ф. Ознобишина указывает факт его назначения в конце 1657 г. головой 10-го приказа московских стрельцов [22, стб. 1512], расквартированного на Арбате, вблизи Смоленских ворот Земляного города, которым он командовал до января 1668 г. [23, с. 271].

Стрелецкая служба Михаила Федоровича складывалась вполне успешно и даже сделала его известным лично государю Алексею Михайловичу. Уже в своем первом походе в составе полка воеводы кн. И. А. Хованского, сосредоточенного в Пскове и периодически вступавшего в приграничные боевые столкновения со шведами, ему довелось стать участником переговоров о перемирии с парламентарями начальника шведского гарнизона осажденной Нарвы. 21 апреля 1658 г. стрелецкий голова лично сообщил шведам о согласии русских на временное прекращение военных действий [24, с. 51].

По окончании службы, уже в период пребывания в столице, 6 июля 1658 г. М. Ф. Ознобишин был включен в число стрелецких голов, которым было доверено стоять у государева стола во время торжественной трапезы в Грановитой палате по случаю приема грузинского царя Теймураза Давыдовича, касимовского и сибирских цариц [25, стб. 141].

В ходе кампании 1659 г. Михайлов приказ Ознобишина находился в составе полка боярина и воеводы кн. Ю. А. Долгорукова, прикрывавшего южные границы страны в районе тульских засек. По возвращении в Москву 30 сентября М. Ф. Ознобишина совместно с другими начальными людьми «за переградою жаловал великий государь к своей государевой руке» [23, с. 34–35].

23 февраля 1660 г. начался новый поход, «за пол 2-часа до ночи или на государеву службу головы стрелецкие: Василей Пушечников, Тимофей Полтев, Михайло Ознобишин с своими приказы; а великий государь изволил смотреть их службы с переходов... у Михаила Ознобишина: 4 лошади, 6 ч. людей» [23, с. 60]. В начале мая приказы влились в соединение воеводы кн. И. А. Хованского, безуспешно осаждавшего г. Ляховичи в Белоруссии [26, с. 79]. Однако быстрое приближение основных сил польского войска вынудило воеводу принять бой 18 июня в не самых выгодных для себя условиях, что привело к тяжелому поражению его корпуса. Это сражение вошло в историю, как битва под Полонкою. Потери русского войска были значительными, а судьба нашего героя на некоторое время оказалась неопределенной.

Спустя три недели после получения вестей о трагическом исходе сражения государь Алексей Михайлович писал одному из своих приближенных: «*Да будет тебе ведомо, что Поляки боярина нашего и воеводу князь Ивана Андреевича Хованского за его беспутную дерзость, что он кинулся с двумя тысячами конными да с тремя*

приказы Московскими противу двадцати тысяч, а шел не строем, ... не успели и отыкатца, а конные выдали побегжали; а пеших лучших людей пбили с две тысячи человек, а конных малая часть побито, да Михайла Ознобишина убили ж ...» [27, с. 257].

Однако вскоре выяснились, что стрелецкий голова в том бою выжил, но оказался в плену у поляков. Возможно, не без личного участия государя в июне 1661 г. после годового «полонного терпенья» он был обменен на шляхтича Миколая Сологуба, «поручика гусарского строя» [28, с. 183], и затем продолжил командовать своим стрелецким приказом, вместе с которым зимой 1663/64 г. находился на гарнизонной службе в Смоленске [29, с. 115].

Трудно сказать, насколько пережитое повлияло на мировоззрение Михаила Федоровича, но в марте 1664 г. мы встречаем его среди покупателей дорогостоящего издания Библии, впервые осуществленного Московским Печатным двором годом ранее по личному распоряжению царя. Цена книги достигала 5 руб. серебром [30, с. 132, 150] – суммы по тем временам весьма значительной. Этот факт позволяет судить о стрелецком голове не просто как о человеке грамотном, а более как о человеке глубоко религиозном, стремящемся к максимальному познанию Слова Божьего, хотя нельзя исключать, что данная книга должна была стать его вкладом в один из московских храмов в знак благодарности Всевышнему за избавление от преждевременной гибели.

Незадолго до завершения службы в стрелецких головах, в мае 1667 г. по случаю заключения Андрусовского перемирия с Польшей М. Ф. Ознобишина наряду с другими командирами пехотных частей государь пожаловал 10 аршинами атласа, а также серебряным кубком, вместо которого было дано деньгами – 11 руб., 13 алтын, 2 денги [31, л. 196 об.]. Особо отмечался вклад командиров в боевую подготовку подчиненных – «и стрельцов выучили всякому ратному строю» [32, с. 153]. Однако ни одно из упомянутых обстоятельств, связанных с десятилетним периодом стрелецкой службы составителя родословия, даже явно выигрышных с точки зрения служебной «чести» (в частности, «полонное терпенье»), не нашло отражения в «поколенной росписи».

Этот факт можно объяснить тем обстоятельством, что согласно давней традиции служба родни в стрелецких рядах рассматривалась в кругах столичного дворянства как дело малопочетное, наносящее урон родовой чести. Например, современники и сослуживцы М. Ф. Ознобишина стольники и стрелецкие полковники Н. Д. Глебов и А. И. Данилов в 1683 г. настойчиво требовали своей отставки, утверждая, что сродники их в таком чине никогда не бывали, и просили официально зафиксировать, чтобы их нынешняя

стрелецкая служба «впредь от иных родов была не в упрек и не в укоризну» [33, с. 273].

Умалчивая о своей длительной службе в стрелецких головах, Михаил Федорович не мог полностью обойти стороной эту главу своей биографии, так как именно его повторное назначение командиром одного из московских стрелецких полков, состоявшееся в начале стрелецкого бунта в мае 1682 г. [34, с. 289], обеспечило ему возможность получения чина стольника. По сложившейся к этому времени практике лицам, назначаемым на должность стрелецких полковников, автоматически присваивался данный придворный чин [35, с. 626]. Результатом осторожной подборки формулировок в отношении этого факта стал не до конца внятный комментарий, внесенный в родословие: «*Да Михайло ж был с полком стрельцами воеводою в Чернигове и ныне служит великим государям в стольниках*» [7, с. 297]. Совершенно очевидно, что в данной смысловой конструкции акцент делался на занятие Ознобишиным более почетной должности городского воеводы, оттенявшей обстоятельства ее получения.

События 1682–1683 гг. для личностной характеристики новоиспеченного стольника заслуживают особого внимания. Возвращение Михаила Федоровича в стрелецкую службу, прежде всего, было вызвано острой потребностью властей в опытных командирах, на которых возлагалась задача по усмирению взбунтовавшихся стрельцов, которые в ходе вооруженного выступления добились не только отставки и наказания наиболее неугодных им полковников, но и некоторых вновь назначенных командиров «*начали отгонять от себя, палками в них бросать, камнем метать и сквернословить их, что едва тогда они, полковники, живот свой от них, стрельцов, уходя, спасали*» [36, с. 368].

В этих непростых условиях Ознобишину, возглавившему Седьмой полк, размещавшийся в Заяузье, удалось добиться не только подчинения и успокоения рядовых стрельцов, но и купировать влияние полчан, ставших активными участниками движения раскольников, развернувшегося в Москве летом 1682 г. Все это свидетельствует об определенном авторитете стольника в стрелецкой среде и незапятнанности его имени неблаговидными поступками по службе.

Осенью 1682 г. (не ранее октября) Михайлов полк Ознобишина получил распоряжение выступить на годовую службу в Чернигов, где ему предстояло сменить находившийся там Второй полк московских стрельцов под командованием подполковника Б. Ф. Дементьева. Источники довольно противоречиво освещают события, происходившие в это время в городе. Видимо, Михаилу Федоровичу были предоставлены расширенные полномочия, предполагавшие параллельное исполнение им воеводских функций

по причине убытия из Чернигова прежнего воеводы Г. Камынина [37, с. 60]. По указу от 15 октября 1682 г. его должен был сменить окольный И. Ф. Пушкин [38, с. 134], но он задержался в Москве по причине болезни [39, с. 157]. По крайней мере, в середине ноября именно Ознобишину пришлось оглашать перед местным гарнизоном царскую грамоту об умиротворении стрелецкого гарнизона Москвы и составлять отписку в Малороссийский приказ о взятии со стрельцов Борисова полка Дементьева «сказок» об их верности государям [37, с. 235–236].

В начале 1683 г. престарелый стольник получил отставку из стрелецких полковников, а кратковременное исполнение воеводских обязанностей в Чернигове пополнило его довольно длинный послужной список как опытного администратора, не раз занимавшего аналогичные должности в других порубежных городах юга России.

Наиболее ярко организаторские способности Ознобишина и его ответственный подход к исполнению должностных обязанностей проявились в период исполнения им функций городского воеводы в Коротояке, а затем в близлежащем Острогожске. Указ о его посылке на воеводство состоялся весной 1670 г. Первоочередная задача, поставленная перед ним, состояла в проведении розыска в отношении прежнего воеводы Федота Вындомского, якобы из корыстных побуждений не огласившего царскую грамоту о запрете торговым людям проезда на Дон по причине набиравшего силу антиправительственного движения под предводительством атамана Степана Разина. Следственные действия новый воевода провел в кратчайшие сроки и по мере выяснения всех обстоятельств дела де-факто оправдал обвиняемого, поручив ему лично отправиться в Москву с текущей служебной отпиской, которая была доставлена Вындомским в Разряд 17 сентября [40, с. 171, 177–178, 229, 240–241; 41, с. 36].

Параллельно с проведением следствия Ознобишину пришлось решать значительно более сложную задачу по усилению обороноспособности вверенного ему города. В течение июля – августа 1670 г. спешно были проведены масштабные работы по обновлению укреплений Коротояка – *«построил вновь город рубленой з башни и покрыл тесом и ров около города выкопал и ослонял дубовым лесом»*. Столь же быстро новому воеводе удалось пополнить местный стрелецкий гарнизон, насчитывавший к моменту его прибытия всего 30 чел. К ним в прибавку было набрано еще 370 чел. и вместе с прибывшей из столицы сотней московских стрельцов [42, с. 377–378] в распоряжении воеводы оказалось полноценное подразделение огнестрельной пехоты. В целом под началом Михаила Федоровича находились довольно крупные силы, так как по смете Белгородского разряда на Коротояке

числились 1280 служилых людей полковой и городской службы, хотя на деле их реальное число было значительно меньше [40, с. 229].

С первых же дней нахождения в Коротояке особой заботой воеводы стал сбор сведений о передвижениях отрядов «воровских казаков» и крымских татар. Поступавшие сведения незамедлительно отправлялись как в столицу, так и воеводам близлежащих крепостей и, в первую очередь, воеводе Белгородского полка боярину кн. Г. Г. Ромодановскому. В связи с этим заслуживает особого внимания наблюдение воронежского историка В. М. Брезгуновой, посвятившей событиям в Коротояке отдельное исследование. В частности, она отмечала, что отписки Ознобишина по своему содержанию являлись довольно эмоциональными, что выдавало «ощутимое волнение воеводы» [43, с. 373]. Однако для этого были все основания.

Благодаря оперативным действиям Ознобишина 14 сентября 1670 г. в самом зародыше был подавлен мятеж в соседнем Острогожске, где группа донских казаков при молчаливой поддержке изменившего государю рыбенского казачьего полковника И. Дзинковского расправилась с местным воеводой и начала чинить всякое «воровство». Воеводе удалось убедить острогожцев оставаться верными крестоцелованию и содействовать аресту участников мятежа. Во многом успеху дела способствовали заверения Михаила Федоровича о скором прибытии в Острогожск основных сил Белгородского полка.

Отчитываясь о произошедших событиях, Ознобишин сообщил в Москву, что, убывая из Коротояка, он оставил город под началом своего сына Степана, видимо, на тот момент еще совсем молодого человека, которому должны были содействовать капитан В. Макиновский и сотник московских стрельцов И. Тебеньков. Предпринятые Михаилом Федоровичем действия получили в столице полное одобрение: *«Великий государь слушав, указал к Михайлу Ознобишину послать свою государеву грамоту с милостивым словом, и чтоб он и впредь государю служил и жил с великим береженьем и вести проводывал»* [41, с. 30].

В течение сентября гарнизон Коротояка был усилен подразделениями рейтарского полка Г. Полтева и сумскими казаками полковника Г. Кондратьева. Присланное пополнение оказалось очень своевременным, так как 27 сентября вблизи города показались струги и будары «воровских казаков» Фрола Разина, отряд которого насчитывал около 2 тыс. чел. Стремясь не допустить «воров» к городским стенам, воевода и полковники вывели своих ратных людей к берегу речки Коротоячки, где в течение 3 ч они сдерживали натиск разинцев вплоть до подхода из Острогожска главных сил боярина и воеводы кн. Г. Г. Ромодановского. «Жестокое наступление» государевых ратных людей предопределило

исход сражения, завершившегося полным разгромом повстанцев [41, с. 50–51].

На завершающем этапе своей службы в Коротояке, продолжавшейся вплоть до конца 1671 г., М. Ф. Ознобишин, следуя царским указам, основное внимание уделял отслеживанию передвижения торговых и рабочих людей, из которых никто не должен был миновать установленные повсеместно заставы [42, с. 161]. Немало времени занимали розыски в отношении подозрительных лиц, появлявшихся на территории уезда, хлопоты по обустройству новоприбранных стрельцов.

В декабре 1671 г. Ознобишин получает указание занять должность воеводы в г. Острогоске, в котором он находился, по меньшей мере, до лета следующего года. Вероятно, данное назначение было связано с нехваткой деятельных администраторов, имевших должный опыт военной службы, так как весной стала очевидной резкая активизация крымских татар, отряды которых появлялись в самых разных местах Придонья. Ярким свидетельством тому служат отписки Ознобишина, содержавшие сведения о численности и маршрутах перемещения татарских «воинских людей», которые посылались им в Коротояк к новому воеводе В. И. Философову [44, с. 264–266, 268–269].

К числу неясных эпизодов биографии М. Ф. Ознобишина относится вопрос: в каком чине после отставки из стрелецких голов он убыл на воеводство в 1670 г.? Впервые в перечне дворян московских его имя появляется только в боярском списке 1673/74 г. [45, л. 93 об., 95]. Этот факт можно расценивать как пожалование Михаила Федоровича за проявленное усердие. Необходимо также отметить, что реальное материальное вознаграждение за его прошлую «радетельную службу» на воеводских постах в период разинщины была отмечена правительством только 10 лет спустя.

24 августа 1682 г. последовал царский указ «за тое службу и за городовое строенье и за прибор стрельцов к прежнему ево окладу учинено придачи помесного 200 чети, денег 30 рублей» [42, с. 378]. По всей видимости, инициатива рассмотрения вопроса о пожаловании принадлежала самому Ознобишину, не удовлетворенному только моральным поощрением своего служебного рвения и попытавшемуся в условиях стрелецкой смуты добиться более ощутимого вознаграждения. При этом практическая реализация указа заняла довольно длительное время, и переписка между ведомствами по данному вопросу продолжалась еще в сентябре 1683 г. [46, с. 199–200, 237].

Десятилетний период жизни Михаила Федоровича (1672–1682 гг.) источники освещают фрагментарно. Наиболее значимым событием за это время стало его назначение на воеводство в Саратов. Но и здесь имеются только

отрывочные сведения о его административной деятельности. Как удалось установить дореволюционному саратовскому краеведу В. П. Юрьеву, М. Ф. Ознобишин находился в городе летом – осенью 1677 г. На него было возложено решение задачи по землеустройству сенных угодий в окрестностях новопостроенной саратовской крепости во избежание конфликтов между местными жителями – «... и в те сенные покосы нашим дворцовым крестьяном в градское, а градским людям в крестьянские не въезжать и сена не косить и скотин не пускать и лугов не толочить, налог и обид никаких не чинить» [47, с. 219]. Работа, проведенная М. Ф. Ознобишиным в полном объеме, на десятилетия решила спорные вопросы в этой сфере городской жизни, а результаты его межевания оставались обязательными для местных властей еще и в начале XVIII в. [47, с. 217–219, 224].

К сожалению, точных данных о временных рамках пребывания Ознобишина на воеводстве в Саратове обнаружить не удалось. Однако можно предположить, что именно ему довелось сменить весной 1676 г. первого воеводу правобережного Саратова стольника М. И. Глебова. Косвенным свидетельством тому выступает челобитная бывшего соратника Михаила Федоровича по стрелецкой службе Аф. И. Левшина, подавшего вскоре после своей отставки в 1676 г. на имя царя Федора Алексеевича челобитную с просьбой: «Вели Государь мне быти на своей Государеве службе на Саратове на Михайлово место Ознобишина, как ему Михайлу минет указное число» [48, с. 387].

Судя по тому, что в большинстве случаев присылаемые из Москвы воеводы в царствование Алексея Михайловича находились на службе в Саратове в течение двух лет, можно также предполагать, что «указное число» плановой замены Ознобишина определялось на начало 1678 г. Если проведенный расчет верен, то мы узнаем имя царедворца, ранее неизвестного, которому Михаилу Федоровичу в действительности предстояло передать служебные дела. Им являлся стольник Михаил Романович Воейков, в родословии которого имеется запись: «И по указу государя царя и великого князя Феодора Алексеевича ... Михайла был на Саратове воеводою» [7, с. 282]. Следовательно, период воеводства М. Р. Воейкова падает на 1678–1680 гг. – временную лауну, до настоящего времени не заполненную исследователями, занимавшимися вопросами истории городского управления Саратова.

Приведенный эпизод из административной деятельности Михаила Федоровича в Саратове наряду с другими примерами из его служебной карьеры позволяет сделать некоторые обобщения. Характеризуя его личность как руководителя, не будет преувеличением сказать, что перед нами предстает человек ответственный и весьма

расторопный при достижении реальных результатов своей деятельности. В отличие от многих его сослуживцев и современников не находится ни единого намека на какие-либо допущенные им злоупотребления или нерадение по службе. Нельзя не отметить и его вдумчивый подход при исполнении тех или иных задач, что нашло отражение как во многих деталях его служебной переписки, так и при составлении родословия. Завершая его написание, Михаил Федорович не забыл упомянуть о том, что «*окромя их, вышеупомянутых, в роде нашем других Ознобишиных нет. А которые служат по Алексине и по Алексине изпомещены, пишутся Ознобишиными, и те Ознобишины не нашего роду*» [7, с. 298]. Тем самым стольник ставил еще один заслон возможным «укоризнам» в адрес своей фамилии, «честь» которой выступала для него очевидной ценностью.

«Поколенная роспись» дорогобуждцев Ознобишиных оставила нам и одну нерешенную загадку. Нельзя исключать, что она стала следствием оплошности переписчика, делавшего копию документа спустя многие десятилетия. Однако не находится ни следов частичной утраты текста из-за ветхости оригинала, что отмечалось копиистом особо, ни каких-либо стилистических несоответствий.

Говоря о своем потомстве, стольник писал: «*У Михайла Федорова сына Дмитрий сын – служит в стольниках*» [7, с. 298]. Но из документов мы знаем, что Ознобишин имел двух сыновей – Федора и Степана. И если в отношении младшего сына, упоминаемого в одной из служебных отписок 1670 г., можно с определенной долей уверенности утверждать, что тогда было использовано мирское прозвище либо крестильное имя Дмитрия Михайловича, то отсутствие в родословии имени его старшего брата пока не поддается объяснению.

Известно, что Федор Михайлович Ознобишин был пожалован в стряпчие рейтарского строя [49, с. 142] в апреле 1663 г., но служба его оказалась непродолжительной по причине преждевременной смерти в 1668 г. [50, с. 282] Незадолго до своей кончины он был случайно вовлечен в уличный конфликт, произошедший 11 января 1668 г. на Большой Знаменской улице в Москве. Федору пришлось заступиться за М. Голохвастова и его холопов, жизнь которых оказалась под угрозой во время нападения на них дворовых людей дворян Головиных. Спасаясь от обидчиков, они устремились «*ко двору (к) голове московских стрелцов к Михаилу Федорову сыну Ознобишину*», откуда вслед за денщиками и караульщиками стрелецкого командира «*выбежал из двора ево ж сын ево Михайлов Федор Ознобишин*» [51, с. 76]. Он укрыл пострадавших на подворье отца, а спустя некоторое время, дал им для оберегания сопровождавших из числа стрельцов [51, с. 76].

Чем завершились разбирательства по данному конфликту и обстоятельства смерти одного из главных его свидетелей, неизвестно, но описанный случай выступает еще одним, пусть незначительным, но показательным штрихом к славной истории рода Ознобишиных, многие из которых продолжили служение Отечеству вплоть до падения Российской империи. Сам Михаил Федорович, скончавшийся на исходе XVII столетия, останется в истории одним из достойных его представителей.

Список литературы

1. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Издание «Русской старины» : в 2 т. СПб. : Тип. Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1873. Т. 1. 379 с.
2. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга : в 2 т. Изд. 2-е. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 481 с.
3. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
4. Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов : Тип. Союза Печатного Дела, 1913. С. 61–82.
5. Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова : в 25 т. СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1905. Т. 12 (Обезьянинов – Очкин). 481 с.
6. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М. : Тип. С. Селивановского, 1853. 505 с.
7. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в. : выборное московское дворянство / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 138–402.
8. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий / ред. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. Вып. 8. 652 с.
9. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 509 с.
10. Опись делам Шацкого архива, отобранным для хранения членом Комиссии П. И. Пискаревым : Приложение 17 // Известия ТУАК. 1889. Тамбов : Тип. Губернского Правления, 1889. Вып. 25. С. 44–45.
11. Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. С. 320–427.
12. Веселовский С. Б. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М. : Наука, 1994. 479 с.

13. Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелению изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые Разряды) : в 5 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI с., 1184, XII стб.
14. Десятня розных городов смолян, вязмич, дорогобужан, дмитровцев, дворян и детей боярских разных помещиков, списана с разборного списка разбора во Владимире боярина князя Ивана Федоровича Хованского да дьяка Василия Юдина 130 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 4. Дела десятен. № 18.
15. *Шташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М. : Историкородословное общество, 1911. 237 с.
16. Служилые «города» Замосковского края и «от Литовской украины» : указатель состава дворян и детей боярских по десятням и спискам 1620-х – 1630-х годов / сост. В. Н. Козляков // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. Вып. 10. С. 273–710.
17. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735 с.
18. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (далее – ОДИБ МАМЮ) : в 21 кн. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1869. Кн. 1. 558 с.
19. Писцовая и межевая выпись Василия и Федора Афанасьевичей Ознобишиных и подьячего Андрея Галкина строителю Троицкого Жиздринского монастыря Иосифу на монастырскую вотчину ... (1627–1631) // Описание Грамот Коллегии экономии / подг. А. В. Антонов : в 3 т. Т. 1 (А – И). М. : Древлехранилище, 2016. 1192 с.
20. Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634) / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2017. Вып. 2. С. 21–67.
21. Записная книга Московского стола, 1640/1641 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Тип. Министерства Внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
22. Дела Тайного приказа. Книги персидских товаров // РИБ : в 39 т. СПб. : Сенатская типография, 1904. Т. 23. Стб. 1413–1583.
23. Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7185 гг./публикация С. А. Белокурова. М. : Имп. об-во истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1908. 347 с.
24. *Гадзяцкий С. С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки : в 118 т. Т. 16 / отв. ред. акад. Б. Д. Греков. М. : Акад. наук СССР, Ин-т истории, 1945. С. 14–57.
25. Дополнения к Тому 3-му Дворцовых разрядов издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1854. 484 стб.
26. *Бабулин И. Б.* Битва под Полонкою. 1660 год. // Рейтар : военно-исторический журнал. 2005. № 15 (3). С. 70–84.
27. Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасью Матюшкину. 1650–1661 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. С. 252–258.
28. ОДИБ МАМЮ : в 21 кн. Кн. 18. М. : Синодальная Типография, 1913. [7], 411, 110 с.
29. *Бабулин И. Б.* Московский поход короля Яна II Казимира 1663–1664 гг. М. : Фонд «Русские витязи», 2022. 136 с.
30. Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / публ. документов и исслед. С. П. Лупова. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1983. 167 с.
31. Именная роспись служилых людей старшего и среднего командного звена подразделений «пешего строя», пожалованных по случаю заключения перемирия с Речью Посполитой. 1667 г., мая 24 // РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. № 321
32. *Романов М. Ю.* «И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого приказа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 149–160. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>
33. *Миллер Г. Ф. (Ф. И.)*. Известие о дворянах российских. СПб. : Издано И[ваном] Р[ахманиновым], 1790. [6], 494, [4] с.
34. *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М. : [б. и.], 2004. 350 с.
35. *Романов М. Ю.* К вопросу о служебной «чести» начальных людей московских стрельцов в иерархии чинов Государева двора XVII века // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вып. 5 : Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы к Международной научной конференции (Москва, 9–10 ноября 2017 г.). М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. С. 623–629.
36. *Матвеев А. А.* Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 359–414.
37. Восстание в Москве 1682 г. : сборник документов / сост. Н. Г. Савич. М. : Наука, 1976. 348 с.
38. Наказ окольничему Ивану Пушкину об исправлении должности черниговского воеводы. 1682 г., октября 15 // ДАИ : в 12 т. Т. 10. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1867. С. 134–141.
39. ОДИБ МАМЮ : в 21 кн. Кн. 19. М. : Синодальная Типография. 1914. [7], 278, 86 с.
40. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов (далее – КВСР) / сост. Е. А. Швецова : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 1. 323 с.
41. КВСР : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 2, ч. 2. 242 с.
42. КВСР : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 3. 491 с.

43. Бреззунова В. М. Город Коротояк во время восстания Степана Разина в 1670–1671 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-3-372-376>
44. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты / изд. Воронежского Губернского Статистического Комитета : в 2 т. Воронеж : Типо-литография Губернского Правления, 1887. Т. 1. 420 с.
45. Боярский список 7182 (1673/74) г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Боярские списки. Д. 12.
46. КВСР : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1976. Т. 4 (дополнительный). 280 с.
47. Материалы к истории городского землевладения / сост. В. П. Юрьев // Труды СУАК. Т. 4, вып. 3. Саратов : Типография Губернского Земства, 1894. С. 157–230.
48. Указы, наказы, грамоты, памяти и другие канцелярские бумаги, относящиеся до фамилии Левшиных // Древняя российская вивлиофика, Содержащая в себе : собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся ; Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете ; Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. Ч. 11. М. : В типографии Компании типографической, 1789. С. 368–419.
49. Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин ; подг. текста В. А. Кадик. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 2004. 333 с.
50. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
51. Челобитная М. В. Голохвастова на людей Головиных в бое, озорничестве и воровстве. 1668, не ранее 11 января // Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М. : Наука, 1968. № 63. С. 76.

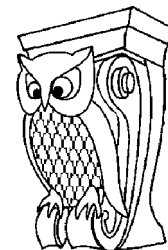
Поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 295–303
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 295–303
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-295-303>, EDN: ZDNOKX

Научная статья
УДК 378.4(470.41-25)(09)+929Михайловский

«Жизнь, сплошь занятая одним только упорным трудом...»: Алексей Иванович Михайловский в истории Казанского университета

С. А. Ежова[✉], В. И. Шишкин

Казанский федеральный университет, Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35

Ежова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, главный библиограф научно-библиографического отдела, sezhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-110X>, AuthorID: 317707

Шишкин Владислав Иванович, главный библиограф научно-библиографического отдела, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, vishishkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5087-3633>, AuthorID: 1185644

Аннотация. В статье впервые представлена биография и рассмотрены обстоятельства трагической гибели Алексея Ивановича Михайловского, лектора английского языка и составителя фундаментального трехтомного справочника «Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804–1904 гг.)». Уделено внимание условиям работы Михайловского над справочным изданием в связи с подготовкой к 100-летию Казанского университета. Выявлены особенности опубликованного им материала как уникального источника по истории университета.

Ключевые слова: Казанский университет, 100-летний юбилей, преподаватели, А. И. Михайловский, биографии, справочные книги

Для цитирования: Ежова С. А., Шишкин В. И. «Жизнь, сплошь занятая одним только упорным трудом...»: Алексей Иванович Михайловский в истории Казанского университета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 295–303. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-295-303>, EDN: ZDNOKX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Life is full of hard work alone...”: Alexei Ivanovich Mikhailovsky in the history of Kazan University

S. A. Ezhova[✉], V. I. Shishkin

N. I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University, 35 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Svetlana A. Ezhova, sezhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-110X>, AuthorID: 317707

Vladislav I. Shishkin, vishishkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5087-3633>, AuthorID: 1185644

Abstract. The article for the first time presents a biography and considers the circumstances of the tragic death of Alexei Ivanovich Mikhailovsky, a lecturer in English and a compiler of the fundamental three-volume reference book “Teachers who studied and served at the Imperial Kazan University (1804–1904)”. Attention is paid to the conditions of Mikhailovsky’s work on a reference book in connection with the preparations for the 100th anniversary of Kazan University. The features of the material published by him as a unique source on the history of the university are revealed.

Keywords: Kazan University, 100 th anniversary, teachers, A. I. Mikhailovsky, biographies, reference books

For citation: Ezhova S. A., Shishkin V. I. “Life is full of hard work alone...”: Alexei Ivanovich Mikhailovsky in the history of Kazan University. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 295–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-295-303>, EDN: ZDNOKX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Лектор английского языка Алексей Иванович Михайловский преподавал в Казанском университете относительно недолго – 14 лет, однако оставил о себе благодарную память историков на многие поколения вперед. К 100-летней годовщине университета им был подготовлен

трехтомный справочник «Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804–1904 гг.): материалы для истории университета» [1] – один из фундаментальных источников по истории высшего учебного заведения. Труд Михайловского давно стал

неотъемлемой частью общеуниверситетской истории, но при этом его личность, биография, обстоятельства трагической гибели долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Хронологическая канва жизни А. И. Михайловского представлена в двухтомном биографическом словаре профессоров и преподавателей Казанского университета, изданном в 1904 г., и доведена до начала службы в Казанском университете [2, с. 249].

Алексей Иванович Михайловский (фото) родился 10 марта 1851 г. в с. Курумочеве Ставропольского уезда Самарской губернии в семье священника [2, с. 249]. Село Курумочев во второй половине XIX в. насчитывало до 2000 жителей. Имелась небольшая белокаменная церковь, там служил его отец Иоанн Михайловский. Сыновья представителей духовенства обычно продолжали дело отцов, получали соответствующее образование и впоследствии служили по духовному ведомству.

Алексей Иванович Михайловский. Казань. 1904 (ОРРК НБЛ. Ед. хр. 7685/146)

Alexei Ivanovich Mikhailovsky. Kazan. 1904 (Department of Manuscripts and Rare books, N. I. Lobachevsky Scientific Library, item 7685/146)

Учеба в духовных учебных заведениях

Отучившись в Самарском и Бугурусланском духовных училищах, Алексей Михайловский в 1866 г. поступил в Самарскую духовную

семинарию, где обратил на себя внимание руководства отличными способностями. В 1869 г. ректором Самарской духовной семинарии стал архимандрит Владимир (Никольский Василий Степанович) [3]. Перед этим он 5 лет служил в Казанской епархии, сначала в Казанской духовной семинарии, а с 1867 по 1969 г. был инспектором и профессором Казанской духовной академии. Имел отличную репутацию, студенты уважали и любили его. В 1872 г. Алексея Михайловского как лучшего выпускника направили для продолжения образования в Киевскую духовную академию за казенный счет. Примечательно, что на период его учебы пришлась реформа семинарий 1867 г. и введение нового устава 1869 г. для духовных академий. В результате преобразования системы духовного образования в семинариях в первые 4 года обучения учащиеся проходили гимназический курс (с добавлением некоторых богословских предметов), а 2 последних года изучали исключительно богословские науки. Благодаря утверждению 30 мая 1869 г. Александром II нового устава духовных академий существенные перемены произошли также в их учебном процессе и внутреннем устройстве. Главным нововведением стала специализация и открытие 3-х отделений: богословского, церковно-исторического и церковно-практического. Предметы были разделены на общеобязательные и «отделенские», которые изучали на одном из 3-х вышеназванных отделений.

В Киевской духовной академии устав был введен уже в 1869/70 учебном году, с 1869 г. набор студентов осуществлялся ежегодно [4]. К 1873 г. было уже 4 полных студенческих курса, ежегодными стали академические выпуски. Количество казеннокоштных студентов в академии определялось в 120 чел. (по 30 на курсе). По окончании академического курса они обязаны были прослужить за каждый год содержания в академии полтора года по духовно-учебному ведомству. Помощником ректора по церковно-практическому отделению был В. Ф. Певницкий, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор и член правления Киевской духовной академии, духовный писатель, автор воспоминаний о Киевской духовной академии. Именно на это отделение казеннокоштным студентом был принят А. И. Михайловский. «После введения в действие, новый учебный план Устава 1869 г. принес много добрых и ценных плодов, — писал историк церкви И. К. Смолич. — Студенты стали несравненно серьезнее, чем прежде, относиться к изучению наук, в особенности отделенских. Вообще во всех классных занятиях прошла какая-то бодрая, живая струя» [5, с. 462]. Обучение было рассчитано на 4 года: в первые 3 года студенты проходили все дисциплины и писали выпускную работу. На основании этой квалификационной работы присваивалась степень

кандидата богословия. В 1875 г. А. И. Михайловский представил выпускное сочинение «Звезда Пресветлая. Сборник чудес Пресвятой Богородицы» [6, с. 318], а по результатам итоговых экзаменов был зачислен на IV курс. В академии он изучал латинский, французский и английский языки, по каждому из них имел средний балл «отлично» [7, с. 76]. В России XIX в. наиболее популярные языки – французский и немецкий. Преподавателей английского языка меньше и они востребованы. В 1863–1878 гг. лектором английского языка в Киевской духовной академии был В. В. Даниель, одновременно лектор Киевского университета св. Владимира и автор книги «Практическое руководство к изучению английского языка» (Киев, 1873). Изучение языков привлекало Михайловского. На IV курсе он выбрал специальностью латинский язык и гомиетику – учебную дисциплину, посвященную искусству проповедничества. Данные им пробные уроки латинского языка в испытательной комиссии на право преподавания в духовных семинариях были признаны удовлетворительными [8, с. 351]. Однако неудовлетворительная оценка, полученная на экзамене по гомиетике в конце курса, не позволила получить степень магистра. Он окончил академию кандидатом богословия и ждал назначения.

Псаломщик в Нью-Йорке. Лектор английского языка в Киевской и Санкт-Петербургской духовных академиях

В июле 1876 г. митрополит Санкт-Петербургский Исидор обратился к Совету Киевской духовной академии с предложением найти выпускника, желающего поступить на должность псаломщика русской православной церкви в Нью-Йорке на трехлетний срок [9, с. 7]. Скорее всего, предложение было сделано не случайно, так как Исидор был митрополитом Киевским в 1858–1860 гг. и академию хорошо знал. До этого псаломщиками на приход присылались лучшие выпускники Санкт-Петербургской духовной академии, изучавшие английский язык¹. В конце июля ректор академии Филарет довел до сведения митрополита, что вакансию псаломщика в Нью-Йорке пожелал занять Алексей Михайловский и дал ему краткую характеристику: «... Прошел первые три курса в академии по церковно-практическому отделению при поведении очень хорошо и показал очень хорошие успехи в науках ... Он с отличным успехом занимался в Академии английским и французским языками, а также упражнялся в чтении и пении на клиросе при церковном богослужении, – вообще признается благонадежным кандидатом» [9, с. 8]. Кандидатура Михайловского была принята и с 1876 по 1879 г. он служил псаломщиком церкви в Нью-Йорке с жалованьем 1100 долл.

в год [9, с. 7]. Первый православный приход в Нью-Йорке был основан в 1870 г., а обязанности священника исполнял Николас Бьерринг [10]. Церковь находилась в частном доме на 2nd Avenue, 951 (между 50th и 51st Street) и объединяла православных иммигрантов Нью-Йорка: греков, сербов и арабов. Однако основную часть прихожан составляли сотрудники консульства, и храм называли «консульским» или «посольским». Богослужения совершались попеременно по-английски и по-славянски, при храме издавался журнал на английском языке. В 1880 г. церковь была упразднена.

Накануне возвращения Михайловского из Америки в Киевской духовной академии появилась вакансия лектора английского языка: в 1878/79 учебном году английский язык в Киевской академии не преподавался из-за смерти лектора В. В. Даниеля. На ее замещение был объявлен конкурс, заявку-прошение подали А. И. Михайловский, Я. Я. Госкинс из Киевского университета и некто Гроссмит из Казани (в 1879 г. попечитель Казанского учебного округа не утвердил Гроссмита лектором университета из-за отсутствия преподавательского звания). Совет Киевской духовной академии 19 октября 1879 г. провел баллотировку и преобладающим большинством голосов прошел А. И. Михайловский [7, с. 76–77]. Девять лет он прослужил в Киевской академии, совмещая обязанности лектора английского языка с преподаванием всеобщей истории в Киевском епархиальном женском училище (1880–1888). В 1880–1883 гг. А. И. Михайловский занимал должность помощника инспектора духовной академии [11, л. 7 об.]. В 1883 г. за выслугу лет произведен Сенатом в чин надворного советника [12, с. 3], в 1887 г. – в чин коллежского советника. В 1886 г. за усердную службу он был награжден орденом Станислава 3-й степени [13, с. 3]. Осенью 1887 г. пропустил по болезни 4 месяца и в январе 1888 г. уволился из академии [14, с. 30].

В конце января 1888 г. образовалась вакансия в Санкт-Петербургской духовной академии: умер лектор английского языка П. М. Нурок, служивший в этой академии с 1867 г., автор многократно переиздаваемой «Практической грамматики английского языка». С 1 сентября 1888 г.² эту должность занял А. И. Михайловский [15, с. 214–215]. Однако дороговизна жизни в столице не соответствовала его скудному доходу. Жалованье профессоров и доцентов духовных академий всегда было ниже, чем жалованье профессоров светских высших учебных заведений. Будучи лектором английского языка в академии, он получал по штату 480 руб. в год, вместе со 120 руб., выделяемыми на питание, выходило 600 руб. [11, л. 6 об.]. По общеуниверситетскому уставу 1884 г. лектор в университете получал вместе с квартирными и столовыми 1000 руб. в год [16, с. 16], т. е. почти в 2 раза больше.

Вероятно, это и побудило его принять участие в конкурсе на вакантную должность лектора английского языка в Казанском университете.

В Казанском университете

Отработав в академии 4 года, 24 ноября 1892 г. Михайловский перешел на такую же должность в Казанский университет. В конце января 1892 г. он прочел в университете вступительную лекцию на тему «Краткое изложение начала и истории английского языка, изменения и образы языка, грамматическое изучение английского языка» [11, л. 18]. На историко-филологическом факультете язык преподавался на первых двух общих курсах. Количество часов, отводимое на изучение английского языка, не было постоянным. В 1891/92 учебном году он преподавался 6 раз в неделю [17, с. 103]. В 1899–1900 гг. Михайловский имел 5 занятий (часов) в неделю: 3 – для начинающих изучение языка и 2 – для продолжающих обучение студентов. Краткая информация о содержании его занятий и расписание лекций имеется в ежегодных выпусках «обозрения преподавания в Казанском университете» [18, с. 292]. С начинающими слушателями он был занят изучением этимологии и орфографии языка в понедельник, среду и пятницу. Студенты продолжающей группы в понедельник и пятницу познакомились с синтаксисом, читали несложные статьи англоязычных авторов [19, с. 19–20]. Можно предположить, учитывая небольшую популярность английского языка в то время, что количество учеников было невелико. В течение 5 лет каникулярное время он проводил в заграничных командировках по Европе. Летом 1893 г. за свой счет был командирован в Великобританию «для изучения литературы и говоров английского языка в его настоящем употреблении в различных местностях Англии» [20, с. 39 (2-я паг.)]. Кроме того, Михайловский изучал историю развития грамматических и фонетических форм английского языка в библиотеке Британского музея [21, с. 39 (2-я паг.)], в библиотеках Парижа и Женевы [22, л. 1]. В 1897 г. в Женеве, Реймсе, Дуэ он собирал дополнительные сведения об обстоятельствах, сопровождавших заграничные издания Библии на английском языке [23, л. 1].

В мае 1905 г. за выслугой 25 лет Михайловский получил право на государственную пенсию. Администрация признала желательным продление договора на следующие 5 лет [24, л. 1], и он был оставлен в университете. За все время службы награждался орденами св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 2-й и 3-й степени, медалью в память царствования императора Александра III [25, с. 18].

Подготовка к юбилею университета. Работа над справочным изданием

На рубеже XIX–XX вв. в Казанском университете началась подготовка к его 100-летию юбилею. В результате обсуждения предложенных проектов Совет университета высказался за издание истории университета и биографического словаря профессоров и преподавателей. Со временем состав юбилейных изданий расширялся. В библиографическом указателе «Казанский университет в юбилейных изданиях, 1856–1980» (Казань, 2003) приведены интересные сведения по истории создания и содержанию трудов к 100-летней годовщине университета, о неосуществленных замыслах, рецензиях на юбилейные книги, помещены портреты авторов [26]. На первоначальном этапе Совет признавал необходимым составление истории всех учебно-вспомогательных учреждений университета, и историко-филологический факультет на заседании 5 марта 1898 г. объявил о намерении подготовить и издать очерки по истории кафедр и учебно-вспомогательных учреждений факультета [27, с. 31]. В числе других авторов значился и А. И. Михайловский. В предложенном виде план не осуществился, но Михайловский начал работать в архиве университета, скрупулезно собирая материал, который по мере продолжения работы вышел далеко за рамки одного факультета. Так появился замысел полноценного справочного издания «представить сведения о всех лицах, имевших отношение к Казанскому университету в качестве преподававших, учившихся и служивших в нем за время столетнего его существования» [1, вып. 1, с. 3]. В мае 1899 г. он обратился с прошением о командировке в различные архивы для пополнения недостающих сведений [28, л. 1]. Летом 1899 г., по поручению Совета, съездил в командировку в Петербург и Москву «для собирания материалов к предстоящему юбилею Казанского университета касательно лиц, имевших отношение к Университету в качестве преподавателей, служивших и учившихся» [29, с. 16 (2-я паг.)].

В командировке Михайловский трудился буквально с раннего утра до поздней ночи. Впечатляет один только перечень посещаемых им архивов [30, с. 10–11]: департамента Министерства народного просвещения, С.-Петербургского и Московского университетов, Главного Военно-медицинского управления (в отчете он с большим сожалением написал, что личные формуляры служивших в этом учреждении в период 1812–1870 гг. и в некоторых случаях до 1875 г. погибли в огне пожара, произошедшего 5 августа 1899 г. в военно-медицинских мастерских на Аптекарском острове в С.-Петербурге), Военно-медицинской академии, С.-Петербургской духовной академии, Императорской Академии

наук, Александро-Невского училища. Также Михайловский занимался в архивах министерств: военного, финансового, иностранных дел, земельных и государственных имуществ. Алексей Иванович выработал свой режим работы, которому следовал неукоснительно и который позволил ему наиболее рационально использовать драгоценное время. «Во всех этих учреждениях в большинстве случаев приходилось заниматься в течение очень немногих часов в сутки, приблизительно от 11–4 часов дня, какое время я восполнял занятиями в Публичной библиотеке от 10 часов утра до времени открытия предстоявшего по очереди архива и в послеобеденное время с 6–9 часов вечера; в виде же отдыха, по вечерам с 9–12 часов и утром с 6–10 у себя в квартире я приводил в порядок добытые сведения или же подготавливал материалы (по справочным изданиям) на следующий день, за исключением воскресных и праздничных дней, в которые можно было только заниматься с 12–4 часов в Публичной библиотеке» [30, с. 10–11]. Несмотря на такой напряженный график, не все возможности столичных архивов были исчерпаны, оставались неисследованные материалы. Поэтому по просьбе Михайловского и ходатайству историко-филологического факультета Совет университета предоставил ему командировку в правительственные архивы Петербурга в период зимних каникул (с 20 декабря 1899 г. по 15 января 1900 г.) [29, с. 16 (2-я паг.)].

В период подготовки к юбилею справочную книгу Михайловского перед Советом университета активно продвигал профессор истории русского права Н. П. Загоскин, автор фундаментального труда по истории университета [31], редактор и автор биографического словаря профессоров и преподавателей (из 591 биографии, вошедшей в словарь, авторству Н. П. Загоскина принадлежат 382 биографические справки, т. е. две трети всего объема). На заседании Совета 13 декабря 1899 г. Н. П. Загоскин докладывал о состоянии дел с подготовкой к печати юбилейных изданий. Здесь он особо отметил труд А. И. Михайловского, назвав его «в высшей степени ценной работой» [32, с. 51], к помощи которой будут прибегать все лица, соприкасающиеся с историей университета, как в целом, так и по отдельным факультетам. Он в полной мере оценил сложную и кропотливую работу, проведенную Михайловским. Позднее, будучи редактором биографического словаря, столкнувшись с инертным отношением к нему представителей кафедр, незаинтересованных в дополнительной нагрузке, Загоскин в предисловии к словарю сделал совершенно справедливое заключение: успех дела зависит не столько от распоряжения начальства, сколько от наличия лиц, желающих совершенно добровольно и искренне своим трудом послужить издательскому проекту.

В этом смысле ему, безусловно, импонировали ответственная заинтересованность и педантичная аккуратность Михайловского. Загоскин выразил уверенность в серьезных достоинствах данного труда и обратился к Совету с предложением издать его за счет университета, внося в список запланированных юбилейных изданий. На том же заседании профессор А. И. Смирнов присоединился к предложению Загоскина выдать Михайловскому за его труды вознаграждение из денежной суммы в 1000 руб., ежегодно выделяемой на расходы по составлению истории университета [32, с. 53]. Оба предложения были приняты.

В 1901 г. в типографии Казанского университета был напечатан первый выпуск первой части [1] справочного издания А. И. Михайловского с данными по первой половине XIX в. Сам составитель в предисловии [1, вып. 1, с. 3] скромно назвал его дополнением к словарю Н. П. Загоскина. Загоскин, в свою очередь, очень высоко оценил книгу: «Это оригинальное по мысли, весьма удачное по его выполнению и ценное по его содержанию издание послужит необходимым пособием для всякого труда, предпринимаемого в области историографии Казанского университета; для меня, по крайней мере, оно является настольной книгой, избавляющей от необходимости беспрестанных и кропотливых справок хроно-биографического характера» [33, с. 41]. Спустя столетие, историки подтвердили его оценку. В коллективной монографии «История Казанского университета», опубликованной к 200-летию юбилею высшего учебного заведения, труд Михайловского назван уникальным [34, с. 226]. В справочнике приведены погодные списки всех лиц, имевших какое-либо отношение к Казанскому университету: профессора, доценты, приват-доценты и другие преподаватели, студенты, должностные лица (начиная с ректоров и кончая садовниками университета), профессорские стипендиаты, вольные слушатели, временные слушатели, т. е. студенты-медики Московского университета и воспитанники Московского воспитательного дома (1812 г.), студенты богословия и философии Казанской духовной академии (1816–1817 гг.), студенты той же академии, допущенные в 1844 г. к слушанию в университете лекций по восточным языкам, студенты Казанского ветеринарного института (1874–1879 гг.). Приведены списки учениц повивального института при университете (с 1856 г.), слушательниц Высших женских курсов (1876–1885 гг.). Справочник является не только источником сведений об университетских людях, он по-своему дает представление о многообразной деятельности старого Казанского университета. Было издано три выпуска первой части: вып. 1 охватывал 1805–1854 гг., вып. 2–1855–1884 гг. и вып. 3–1885–1903 гг. Причем, если первые два выпуска увидели свет в 1901 и 1904 гг. соответственно,

то 3-й вышел в 1908 г. после смерти автора на основе сохранившихся в личном архиве материалов. В конце небольшого предисловия к первому выпуску книги Михайловский «покорнейше просит читателей: 1) сообщить ему о замеченных пропусках, недостатках и поправках, которые будут восполнены, устранены и внесены во 2-й части, и 2) доставить ему сведения о дальнейшей судьбе лиц, имевших упомянутое отношение к Казанскому университету по адресу: “Казань, Университет, г. Ректору”» [1, вып. 1, с. 6]. Планировалось издание второй части труда, где предполагалось дать краткие сведения о лицах, упоминавшихся в первой части «по данным в делах архива университета и из других, доступных составителю источников» [1, вып. 1, с. 3]. Загоскин рассказывал Совету о продолжении работы Михайловского над списками «с краткими биографическими указаниями профессоров, преподавателей, служащих и, если не ошибаюсь, даже студентов Казанского университета, за все время его существования» [32, с. 51]. Однако судьба не позволила осуществить этот замысел.

Стрельба в Казанском университете. Трагическая гибель

В 1905–1906 учебном году в Казанском университете занятия не проводились. Причиной временного закрытия учебного заведения стали бурные студенческие митинги с антиправительственной агитацией. Возобновились занятия только в сентябре 1906 г. Несмотря на достаточно серьезный размах революционных настроений молодежи и имеющееся на руках оружие, его применение на университетской территории было зафиксировано всего дважды. Первый раз в студенческом общежитии, второй – в общем здании архива и библиотеки.

Общежитие Казанского университета, рассчитанное на 150 студентов, было построено в 1899–1903 гг. по проекту инженера Ф. Н. Малиновского и открыто в сентябре 1903 г., но функционировало здание как общежитие лишь 2 года. Осенью 1905 г. в разгар активных студенческих выступлений студенты устроили в одной из его комнат своеобразный тир, практикуясь в стрельбе из револьвера. В ответ возмущенная администрация университета поспешила студентов выселить, а общежитие закрыть. Здание было передано для нужд самого большого факультета – медицинского, имевшего потребность в дополнительных площадях (ныне в нем размещается учебный корпус № 2 Казанского медицинского университета).

Второй раз стрельба в университетском здании была далеко не так безобидна. При попытке вооруженного ограбления погибли люди. Событие подробно освещали газеты, некоторые

материалы, опубликованные в них, позднее вошли в сборник Казанского общества трезвости [35]. Случилось это 20 декабря 1906 г. в единый день получения жалованья всеми служащими российских правительственных и общественных учреждений. К предстоящему празднику Рождества предполагалась премия. Денежная сумма в кассе была больше обычной, по разным данным около 25 тыс. руб. Так совпало, что в главном здании университета, где находилось помещенье казначейства, в то время проходил ремонт. Жалованье выдавалось в канцелярии архива, который располагался на первом этаже пристроя к зданию библиотеки (в наши дни историческое здание библиотеки во дворе университета). Университет обладал автономией, полиция не имела права заходить на его территорию. Поэтому университетский казначей А. Т. Соловьев, после того как в сопровождении полицейских подъехал к полудню к воротам университета, попрощался с охраной. Человек он был неробкий, к тому же имел при себе револьвер – циркулировали упорные слухи о готовившейся экспроприации кассы для революционных нужд. В канцелярии архива его уже ждали несколько преподавателей: А. И. Михайловский, профессор Б. В. Варнеке, приват-доценты В. В. Вормс и В. Н. Ивановский, служащий архива М. В. Тимофеев. Как впоследствии вспоминали свидетели, события разворачивались следующим образом.

Положив саквояж с деньгами на стол, казначей попросил всех расписаться в ведомости. Началась процедура выдачи жалованья. Варнеке успел получить деньги и отошел. В тот момент, когда в ведомости расписывался Ивановский, в комнату вошли два человека, первый направил на Соловьева револьвер и потребовал деньги. Позже Варнеке и Соловьев описали их как полунинтеллигентного вида русских рабочих. Вормс, Михайловский и служащий Тимофеев находились возле стола, Варнеке оказался около двери, Ивановский отскочил в сторону. Увидев, что казначей выхватил револьвер, нападавший выстрелил в него. Тот успел пригнуться, в свою очередь, выстрелив в грабителя. «Вскоре в дверях показались еще два экспроприатора, стрелявшие из-за двери по направлению казначея А. Т. Соловьева и сидевшего за казначейским столом лектора английского языка А. И. Михайловского, который, едва успев сделать полуоборот к стрелявшим, был ранен пулею в грудь, после чего, сделавши несколько шагов, видимо для того, чтобы взять из кармана, висевшего на вешалке пальто револьвер, свалился на пол» [35, с. 132].

Люди, находившиеся в помещении библиотеки на втором этаже, поначалу не обратили на происходившее под ними никакого внимания – «слышавшаяся снизу трескотня была принята за обычное явление при падении, например, полка» [35, с. 133]. Расстреляв все

патроны, нападавшие бежали. Хорошая ориентация в расположении комнат архива, знание того, что деньги будут выдавать именно там, а не в казначействе, подразумевали наличие наводчика. Молва подозревала в этом студентов университета. Задержать грабителей по горячим следам не удалось. В итоге были тяжело ранены А. И. Михайловский и служитель архива М. В. Тимофеев [36], повреждены кости руки у В. В. Вормса, три легкие раны получил казначей Соловьев (тем не менее деньги он отстоял). Служитель Тимофеев³, в прошлом бомбардир и участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., избежал гибели на поле боя, однако пуля настигла его в мирное время в безопасном месте. Ранение Михайловского также было тяжелым: «... Он получил рану в грудную клетку с прободением плевры, причем пуля раньше прошла сквозь мягкие части руки, вошла в подмышечную впадину и раздробила ребро. Положение больного серьезное. Находится в сознании», – писала пресса [35, с. 135]. А. И. Михайловский и В. В. Вормс были доставлены в факультетскую хирургическую клинику, М. В. Тимофеев – в госпитальную хирургическую клинику, А. Т. Соловьев находился дома. Члены специальной комиссии в составе профессоров и о. ректора В. В. Ивановского и Н. Ф. Высоцкого 22 декабря, исполняя постановление Совета университета, навестили раненых. Относительно состояния Михайловского они вынуждены были отметить, что «есть сильное опасение за жизнь этого честного, скромного труженика» [37].

Вскоре, 24 декабря, умер от ран М. В. Тимофеев, на следующий день – А. И. Михайловский. Как постоянный посетитель университетского архива Михайловский часто пользовался услугами Тимофеева, они друг друга хорошо знали и оказались в этой ситуации товарищами по несчастью. «Лектор английского языка А. И. Михайловский, сделавшийся жертвой возмутительного насилия 20 декабря в стенах университета, после тяжелых, мучительных страданий скончался 25 декабря около 8 ч. утра», – поместил некролог «Казанский телеграф» [38]. Отпевание состоялось 27 декабря 1906 г. в университетской церкви. Похороны были обставлены очень скромно согласно завещанию покойного, «но то горе, которое было выражено на лицах каждого из присутствующих, ясно указывали, с кем приходилось расставаться. Немало самых искренних слез было пролито на этих похоронах, не один мужчина держал платок у своих глаз. Гроб покойного был усыпан цветами; катафалк увешан венками. Речи, сказанные над гробом покойного, кратко нарисовали всю жизнь его, жизнь, сплошь занятую одним только упорным трудом, одними только заботами о других. Масса народу тихо и с грустью проводила покойного до его последнего пристанища...», – сообщалось ниже [39]. Проживал

А. И. Михайловский вместе с матерью и сестрой по адресу: ул. Большая Лядская (ныне ул. Горького), дом Мельникова [40, с. 64]. В том же номере газеты Ю. Михайловская от своего имени и от имени матери выразила признательность всем пришедшим почтить память брата.

Делом о разбойном нападении занимался судебный следователь по особо важным делам Казанского окружного суда. Под подозрение попал бывший ученик Казанской семинарии Николай Строганов [41, л. 9], скрывавшийся от властей. Подозрения следственных органов возникли не на пустом месте: в период 1905–1907 гг. из 58 духовных семинарий России не осталось ни одной, не охваченной беспорядками, носившими дерзкий и даже уголовно наказуемый характер. Не были исключением и духовные школы Казанской губернии. Губернское жандармское управление составило внушительный список студентов Казанской духовной семинарии, находившихся под подозрением властей в связи с их участием в революционной деятельности. Указывалось, что даже первые самодельные и примитивные бомбы, взорвавшиеся в Казани, были изделиями семинаристов и взрывались в здании семинарии еще до 1905 г. (тогда они были направлены против семинарского учебного начальства) [42, с. 225]. Особо отметились семинаристы в октябре 1905 г. в вооруженном столкновении с силами правопорядка – у ворот семинарии был убит городской [42, с. 227]. Кроме Н. Строганова, следствие разрабатывало версию о причастности к нападению на казначей университета студента Казанской духовной академии Тиховидова, застрелившегося 20 декабря 1906 г. якобы из-за неудачной экспроприации с человеческими жертвами [41, л. 14]. В день нападения, за несколько часов до самоубийства, Тиховидову была передана посылка – лист бумаги с напечатанным на нем «родословным деревом социализма». Также у него обнаружили письмо на имя студента университета Михаила Рыбакова, члена партии эсеров, проходившего по делу о подготовке к покушению на жизнь командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта А. Г. Сандецкого [42, с. 225]. Однако прямых улик найдено не было. Сохранился рапорт казанского полицмейстера от 19 октября 1911 г. В нем о гибели Михайловского и Тимофеева сказано: «... Погибли при следующих обстоятельствах: 20 декабря 1906 г. около 12 часов дня сын священника Николай Иванов Строганов и другие необнаруженные лица, вооруженные все револьверами ворвались в канцелярию архива Казанского университета для завладения казенными деньгами... Данное преступление относится к деяниям, совершенным с политической целью...» [43, л. 15–15 об]. Стало быть, кроме Н. Строганова, выявить остальных соучастников преступления следствию не удалось.

В 1907 г. группа младших преподавателей Казанского университета обратилась к ректору с двумя предложениями: поместить портрет А. И. Михайловского в канцелярии архива и объявить подписку на образование фонда для учреждения стипендии его имени [44, л. 1]. Оба предложения были реализованы. Товарищ министра народного просвещения разрешил поместить портрет Михайловского в канцелярии архива, куда он на протяжении 10 лет приходил работать над составлением своей справочной книги и где получил смертельное ранение [45, с. 55–56]. Это стало едва ли не единственным случаем в Казанском университете, когда портрет члена университетского сообщества невысокого ранга был вывешен в его стенах. Сыграли роль и безусловная заслуга Михайловского в подготовке ценного юбилейного издания и его трагическая гибель. В апреле того же года члены университетского Совета собрали по подписному листу 166 руб. [44, л. 4]. К 1912 г. был собран капитал имени Михайловского в размере 837 руб. 35 коп. (хранился в Казанском губернском казначействе) [46]. Начальная смешанная школа в память профессора Н. М. Любимова, располагавшаяся во дворе университета, расходовала проценты с капитала на хозяйственные и учебные нужды.

Но главной памятью о лекторе английского языка А. И. Михайловском стал его замечательный труд, без обращения к которому ныне сложно представить научную работу специалистов по истории Казанского университета XIX в.

Примечания и комментарии

- ¹ Выпускниками С.-Петербургской духовной академии были: Е. Смирнов, первый псаломщик в 1870–1873 гг., в дальнейшем посольский священник в Лондоне; А. Перов служил в 1873–1876 гг., позднее священник в Петербургской Константиновской военной академии. После Михайловского псаломщиком в 1879–1881 гг. снова стал выпускник из Петербурга А. Лопухин, будущий профессор С.-Петербургской духовной академии и русский православный церковный писатель.
- ² В биографическом словаре под ред. Н. П. Загоскина началом работы А. И. Михайловского в С.-Петербургской духовной академии указывается 1882 г. – это опечатка.
- ³ Во второй половине 60-х гг. XX в. в библиотеку Казанского университета поступило письмо с Урала от потомков М. В. Тимофеева с просьбой сообщить о нем какие-либо сведения. Но в то время сотрудникам библиотеки найти необходимую информацию не удалось.

Список литературы

1. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804–1904 гг.) : материалы для истории университета / собрал А. И. Михайловский. Казань : Типо-литография Императорского университета,

1901–1908. Ч. 1, Вып. 1–3 (К столетней годовщине Казанского университета). Вып. 1 (1805–1854 гг.). 1901. 426 с.; Вып. 2 (1855 [в книге ошибочно: 1865. – С. Е., В. III.] – 1884 гг.). 1904. С. 427–1092; Вып. 3 (1885–1903 гг.). 1908. С. 1093–1647.

2. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1904. Ч. 1. 552 с.

3. Епископ Владимир II (Никольский). URL : <https://nne.ru/sainters/episkop-vladimir-ii-nikolskij/> (дата обращения : 15.11.2022).

4. Бурега В. В. Киевская духовная академия. История КДА (XIX – нач. XX в.) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Православная энциклопедия, 2013. Т. 33. С. 97–110.

5. Смолич И. К. История Русской церкви : в 8 кн. Кн. 8 : 1700–1917 : в 2 ч. М. : Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1996. Ч. 1. 798 с.

6. Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии : 1819–1920-е гг. : материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА : в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев : Издательский отдел Украинской православной церкви, 2015. Т. 2 : К–П. 624 с.

7. Протоколы Совета Киевской духовной академии за 1879/80 учеб. год. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1881. 357 с.

8. Протоколы заседаний Совета Киевской духовной академии за 1875/76 учеб. год. Киев : Типография С. Т. Еремеева, 1876. 510 с.

9. Протоколы заседаний Совета Киевской духовной академии за 1876/77 учеб. год. Киев : Типография В. Давиденко, 1877. 424 с.

10. Бьерринг Николай. URL : <https://drevo-info.ru/articles/25238.html> (дата обращения : 01.12.2022).

11. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 977 (Казанский университет). Оп. 4. Д. 8727.

12. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1883/84 учеб. год. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1885. 58 с.

13. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1885/86 учеб. год. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. 45 с.

14. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1887/88 учеб. год. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. 244 с.

15. Чистович И. А. С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб. : Синодальная типография, 1889. 402 с.

16. Список должностных лиц Казанского учебного округа на 1893 год. Казань : Типография Окружного Штаба, 1893. 487 с.

17. Ратнер Ф. Л. Иностранные языки в дореволюционной высшей школе (на материале Казанского университета). Казань : Издательство Казанского университета, 1983. 165 с.

18. Бушуева Л. А. Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 291–297. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>
19. Историко-филологический факультет в 1901–1902 учебном году // Имп. Казанский университет. Обзорение преподавания в 1901–1902 учеб. году. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1901. С. 5–20.
20. Сведения о состоянии Казанского ун-та за 1892 и 1-е полугодие 1893 года // Годичный акт в имп. Казанском университете 5 ноября 1893 года. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1893. 114 с. (2-я паг.).
21. Сведения о состоянии Казанского ун-та за 1895 и 1-е полугодие 1896 года // Годичный акт в имп. Казанском университете 5 ноября 1896 года. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1896. 164 с. (2-я паг.).
22. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 4 (Совет). Д. 9897.
23. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 9749.
24. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1972.
25. Список должностных лиц Казанского учебного округа на 1904 год. Казань : Типография Б. Л. Домбровского, 1904. 938 с.
26. Казанский университет в юбилейных изданиях, 1856–1980 : библиографический указатель / сост. В. И. Шишкин. Казань : Издательство Казанского университета, 2003. 56 с.
27. Протоколы заседаний Совета имп. Казанского университета 27 мая 1898 г. // Учен. зап. Казан. ун-та. 1898. Кн. 12, ч. офиц. С. 1–55.
28. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 10195.
29. Отчет о состоянии имп. Казанского университета за 1899 год // Годичный акт в имп. Казанском университете 5 ноября 1900 года. Казань, 1900. С. 3–265 (2-я паг.).
30. [Из протокола заседания Совета Казанского университета 11 октября 1899 г.] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1900. Кн. 3, ч. офиц. С. 1–25.
31. Усманова Д. М. Н. П. Загоскин – историограф Казанского университета : (К 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 2001 год. М. : Наука, 2002. С. 181–187.
32. [Из протокола заседания Совета Казанского университета 13 декабря 1899 г.] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1900. Кн. 11, ч. офиц. С. 1–55.
33. [Из протокола заседания Совета Казанского университета 20 мая 1902 г.] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1902. Кн. 10, ч. офиц. С. 1–44.
34. История Казанского университета, 1804–2004. Казань : Издательство Казанского университета, 2004. 651 с.
35. Нападение на Казанский университет // Материалы к истории Казанского общества трезвости и других обществ. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1911. С. 130–139.
36. Михаил Викторович Тимофеев // Книга Русской скорби : в 14 т. СПб. : Типо-литография т-ва «Свет», 1909. Т. 3. С. 123–126.
37. Казанская хроника // Казанский телеграф. 1906. 23 дек. (№ 4161).
38. Смерть А. И. Михайловского // Казанский телеграф. 1906. 29 дек. (№ 4163).
39. Похороны жертв вооруженного нападения на университетское казначейство // Казанский телеграф. 1906. 29 дек. (№ 4163).
40. Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1905. 361 с.
41. ГА РТ. Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 462.
42. Куницын Б. М. Духовные школы и революция 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2013. № 1–2 (70–71). С. 223–228.
43. ГА РТ. Ф. 418 (Казанское губернское попечительство о детских приютах). Оп. 1. Д. 786.
44. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 11497.
45. Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1907. № 2 Февраль // Циркуляр по Казанскому учебному округу за 1907 год. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1907. С. 51–78.
46. ГА РТ. Ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа). Оп. 2. Д. 17568.

Поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 21.12.2022; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 13.12.2022; approved after reviewing 21.12.2022; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 304–312

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 304–312

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

Научная статья

УДК 355.48(47+57+430)|1943|+358.119.1(47+57+4)(09)

Танковый бой под Прохоровкой: ключевые оценки и суждения в современной отечественной историографии

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет, Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики преподавания истории, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся в разное время стереотипы хода боевых действий Курской битвы, искажающие реальную историческую картину. Проанализированы различные подходы в оценке значения контрудара 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой. Выявлены отдельные противоречия и пробелы современных исторических трудов. Акцентировано внимание на преувеличении авторами исторических работ роли новых немецких танков «Тигр» в боях под Прохоровкой 12 июля 1943 г. Предпринята попытка исследовать сложившийся в исторических работах стереотип о полной бесполезности легких танков Т-70 в бою под Прохоровкой 12 июля и низких боевых качеств английских тяжелых танков «Черчилль».

Ключевые слова: контрудар под Прохоровкой, танк «Тигр», танк Т-70, танк «Черчилль», 5-я гвардейская танковая армия

Для цитирования: Воейков Е. В. Танковый бой под Прохоровкой: ключевые оценки и суждения в современной отечественной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 304–312. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Tank Battle near Prokhorovka: Key assessments and judgments in Modern Russian Historiography

E. V. Voeikov

Penza State Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky of Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgenij V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Abstract. The article examines the stereotypes of the course of the Battle of Kursk that have developed at different times, distorting the real historical picture. Various approaches to assessing the significance of the counterattack of the 5th Guards Tank Army near Prokhorovka have been investigated. Some contradictions and gaps of modern historical works are revealed. The article focuses on the exaggeration by the authors of historical works of the role of the new German Tiger tanks in the battles near Prokhorovka on July 12, 1943. An attempt is also made to investigate the stereotype that has developed in historical works about the complete uselessness of T-70 light tanks in the battle of Prokhorovka on July 12 and the low combat qualities of the British Churchill heavy tanks.

Keywords: counterattack near Prokhorovka, "Tiger" tank, T-70 tank, "Churchill" tank, 5th Guards Tank Army

For citation: Voeikov E. V. Tank Battle near Prokhorovka: Key assessments and judgments in Modern Russian Historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 304–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2023 г. Россия отмечает 80-летие Курской битвы, завершившей коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Для российских историков юбилейная дата может служить поводом для оценки достижений и анализа недостатков в вопросах научного изучения одного

из крупнейших сражений самой страшной за всю историю нашей страны войны.

Несмотря на кажущуюся изученность, многие аспекты Курской битвы требуют дополнительного исследования. В связи с юбилейной датой уместно попытаться взглянуть в целом

на состояние изученности темы, предпринять анализ имеющихся достижений отечественной историографии, выделить перспективные направления исследований, рассмотреть сложившиеся стереотипы. Историография контрудара под Прохоровкой 12 июля 1943 г. исследована в статьях Ю. А. Никифорова [1] А. А. Соловьевой и Г. А. Кругликовой [2]. В рамках данной статьи автором предпринята попытка проанализировать наиболее типичные и распространенные искажения событий и результатов Прохоровского сражения.

На протяжении многих десятилетий контрудар резервной танковой армии 12 июля 1943 г. рассматривался в исторических трудах в качестве успешного и крупнейшего танкового сражения всей войны, где во встречном столкновении сошлось от 1200 до 1500 советских и немецких танков и где решился исход боевых действий оборонительной операции Воронежского фронта.

Следует подчеркнуть, что очевидцы событий в июле–августе 1943 г. были более сдержаны в оценках контрудара под Прохоровкой. Представитель ставки ВГК А. М. Василевский сообщал главнокомандующему о боевых действиях 12 июля: «Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.7 угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го гв. механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова... Ликвидация же прорыва армии Жадова... 12.7.1943 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го гв. механизированного корпуса... До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем двумястами танками противника. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками» [3, с. 53]. Как видно из приведенного текста, представитель Ставки ВГК на Воронежском фронте маршал А. М. Василевский «крупнейшего танкового сражения» Великой Отечественной войны именно под Прохоровкой 12 июля с участием почти полутора тысяч танков не заметил. Напряженные бои шли и на других участках. Части армии П. А. Ротмистрова и ударной группировки в целом еще до начала наступления утром 12 июля юго-западнее Прохоровки начали раздвигаться на другие угрожающие направления, и количество противостоящих немецких танков двум танковым корпусам армии П. А. Ротмистрова именно под Прохоровкой А. М. Василевский оценил числом порядка 200, а не 400 или 500, как будто писать впоследствии.

В составленном полковником Генштаба Костинным подробном докладе об оборонительной операции Воронежского фронта, датированным 23 августа 1943 г., контрудар под Прохоровкой характеризовался уже как более масштабное событие: «5-я гв. танковая армия с приданными ей 2 гв. и 2-м танковыми корпусами непосредственно юго-зап. Прохоровки вступила в ожесточенное встречное сражение с 5-м танковым корпусом СС (указано в документе ошибочно, правильно: 2-й тк СС. – Е. В.) и 17-й танковой дивизией противника. В результате, на небольшом пространстве юго-зап. Прохоровки произошло ожесточенное массовое танковое сражение. Противнику здесь было нанесено решающее поражение, но и 5-я гв. ТА понесла большие потери и не смогла продвинуться вперед» [3, с. 384].

Таким образом, в донесении А. М. Василевского И. В. Сталину и в докладе полковника Генерального штаба события 12 июля под Прохоровкой представлены только одним из крупных танковых боев 5-й гвардейской танковой армии. При этом очень осторожные оценки высказывались как относительно количества единиц участвующей бронетехники, так и масштабов потерь обеих сторон, а также результатов контрудара.

По мнению командующего 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрова, контрудар под Прохоровкой был решающим в ходе боевых действий Воронежского фронта, крупнейшим встречным танковым сражением Великой Отечественной войны, в котором немецкие потери немного превосходили наши, после чего наступавшая немецкая группировка утратила боеспособность. Эта версия вошла во все обобщающие труды по истории Курской битвы [4]. Маршал Г. К. Жуков, который в качестве представителя Ставки ВГК 13 июля сменил А. М. Василевского для координации действий Воронежского и Степного фронтов, также ничего о крупнейшем танковом сражении войны под Прохоровкой не написал. Впоследствии в своих воспоминаниях Г. К. Жуков отмечал: «В своих мемуарах бывший командующий 5-й танковой армией П. А. Ротмистров пишет, будто бы решающую роль в разгроме бронетанковых войск армий «Юг» сыграла 5-я танковая армия. Это нескромно и не совсем так. Обескровили и измотали врага войска 6-й и 7-й гвардейских и 1-й танковой армий... 5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой немецких войск» [5, с. 57].

В 2011–2015 гг. Министерством обороны РФ был издан 12-томный коллективный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В т. 3, где излагаются события Курской битвы, контрудар под Прохоровкой рассматривается с учетом новых данных исторической науки: «После 15-минутного артиллерийского налета 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской

танковой армии и приданные ей 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса утром 12 июля перешли в наступление в общем направлении на Яковлево. Еще раньше, с рассветом, на р. Псел в полосе обороны 5-й гвардейской армии начала наступление танковая дивизия «Мертвая голова». Однако дивизии танкового корпуса СС «Адольф Гитлер» и «Рейх», непосредственно противостоявшие 5-й гвардейской танковой армии, остались на занятых рубежах, подготовив их за ночь для обороны... Сражение продолжалось целый день. Обе стороны несли большие потери» [6, с. 542].

Научные труды современных историков В. Н. Замулина [7], Л. Н. Лопуховского [8], А. В. Исаева [9], базирующиеся на широком круге архивных материалов и воспоминаний участников, содержат подробный фактический материал, позволяющий оценить ход и результаты контрудара 12 июля под Прохоровкой. Как считают некоторые авторы, участвующей с обеих сторон бронетехники было существенно меньше указываемого в научных работах 1970–1980-х гг. количества 1200–1500 танков. «На знаменитом «танковом поле» западнее Прохоровки в этот день действовало 514 советских танков и САУ, против 210 немецких танков и штормовых орудий, а южнее станции – 148 танков и САУ против 119 танков и штормовых орудий. В общей сложности в двух районах под Прохоровкой непосредственно в боях участвовала 991 бронетехника, 724 и 267 – соответственно» [4, с. 4].

В. Н. Замулин и Л. Н. Лопуховский также утверждают, что встречного танкового сражения, на которое рассчитывало командование Воронежского фронта, под Прохоровкой 12 июля 1943 г. не было. В ночь с 11 на 12 июля немецкие танковые дивизии «Leibstandarte SS Adolf Hitler» (далее – «Адольф Гитлер») и «Das Reich» (далее – «Рейх») заняли оборону, подтянув на прямую наводку противотанковые орудия и самоходную артиллерию. Танкистам 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии пришлось прорывать немецкие позиции, танки вводились в бой постепенно на ограниченном пространстве между железнодорожной насыпью и рекой Псел, что привело к неоправданно высоким потерям.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о потерях сторон. В частности, авторы коллективного труда Министерства обороны пишут: «Под Прохоровкой советские войска потеряли 60% танков (500 из 800), а немецкие – 75% (300 из 400, по немецким данным – 80–100)» [6, с. 544]. При этом не совсем понятен источник сведений о 500 подбитых под Прохоровкой советских танков и 300 немецких, ссылки на архивные или опубликованные документы в данном случае не приводятся.

Количество потерь в бронетехнике за 12 июля, указанное исследующим Прохоровское сражение с конца 1990-х гг. историком

В. М. Замулиным в монографии 2005 г., составляет порядка 340–360 единиц у частей Красной армии и 140–190 у немецких войск [7, с. 629]. Л. Н. Лопуховский в своей работе того же периода приводит похожий показатель – 382 танка, потерянных танковой армией П. А. Ротмистрова [9, с. 490]. К сожалению, авторы т. 3 издания Министерства обороны своего отношения к научным работам указанных историков и приводимым в них количественным данным потерь никак не определили, в списке использованной литературы указанные монографии отсутствуют.

Тему Прохоровского сражения нельзя считать закрытой. Ряд аспектов, таких как точные потери немецкой стороны в живой силе, бронетехнике и артиллерии за 12 июля, причины значительного количества подбитых танков 5-й гвардейской танковой армии, ход боевых действий на Прохоровском направлении 13–15 июля нуждаются в дополнительных исследованиях.

В литературе последних десятилетий реконструированы количественные показатели людских потерь и бронетехники, но при этом почему-то не учитываются уничтоженные танкистами П. А. Ротмистрова в ходе боя 12 июля немецкие артиллерийские орудия. В воспоминаниях участников боя под Прохоровкой 12 июля говорится, что танкисты выводили из строя как противотанковые пушки, так и гаубицы противника. Например, командир танка Т-34 Василий Брюхов вспоминает, что он «первым снарядом накрыл 75-мм пушку, которую расчет выкапывал на огневую» [цит. по: 10, с. 195]. Историк В. Н. Замулин приводит воспоминания немецкого артиллериста дивизиона 150-мм гаубиц артполка дивизии «Адольф Гитлер» Мутерлозе. Появление русских танков с десантом на броне было совершенно неожиданным. Две гаубицы успели выстрелить, но никакого вреда русским танкам это не принесло. «И прежде чем наши артиллеристы смогли перезарядить орудия и выстрелить снова, все танки повернули свои башни и открыли огонь по нашим позициям своими осколочными снарядами без перерыва и сострадания...» [11, с. 388–389].

А. В. Исаев пишет, что танкисты 18-го танкового корпуса во второй половине дня «сумели прорваться на позиции артиллерии противника» [8, с. 219]. Аналогичную информацию приводит и В. Н. Замулин: «Используя складки местности и задымленность поля боя, танки... неожиданно ворвались на огневые позиции артиллерийского полка дивизии» [12, с. 296].

Кроме того, элементарная логика подсказывает, что, прежде чем выйти к позициям крупнокалиберных полевых орудий, танки 18-го танкового корпуса, вклинившиеся в оборону немцев на 6 км, неизбежно прошли через немецкие батареи 50-мм и 75-мм противотанковых орудий, иначе Т-34 просто не доехали бы до позиций немецких гаубиц. Однако все исследователи,

анализируя немецкие потери, обычно сосредотачивают главное внимание на бронетехнике. По мнению автора настоящей статьи, к 140–190 немецким танкам, подбитым 12 июля под Прохоровкой [7, с. 629], необходимо добавить, по крайней мере, два–три десятка выведенных из строя или уничтоженных немецких противотанковых пушек и гаубиц.

Также почему-то не предпринимаются попытки хотя бы приблизительно подсчитать уничтоженные в ходе боя 12 июля бронетранспортеры танковых дивизий СС, хотя они, безусловно, были. В частности, упоминание о потерях этих бронемашин есть в воспоминаниях танкиста дивизии «Адольф Гитлер», который наблюдал отступление немецких частей: «Затем появилась седьмая рота, которая находилась в авангарде... она была почти полностью раздавлена и, отступая, привела за собой русские танки... Наибольшие потери понесли наши бронемашин. У них была очень тонкая броня. Внутри находились пехотинцы и саперы. Они загорались с первого попадания. Несколько горящих машин мы видели собственными глазами» [11, с. 369]. Добавление в общий счет немецких потерь в технике еще нескольких десятков артиллерийских орудий и бронетранспортеров позволяет более объективно оценить результат контрудара резервной танковой армии и сократить возможности для псевдоисторических спекуляций на тему неумения воевать солдат и командиров Красной армии.

Целая серия живучих стереотипов и заблуждений связана с новыми образцами немецкой бронетехники, впервые примененной в Курской битве.

Немецкие самоходки «Фердинанд» в количестве 90 штук были брошены в бой на северном участке Курской дуги против войск Центрального фронта, на южном направлении против Воронежского фронта данный вид бронетехники в июле 1943 г. не использовался [8, с. 103–104]. К сожалению, сведения о «Фердинандах» на Белгородском направлении, якобы воевавших против танковой армии П. А. Ротмистрова, вошли в опубликованный в 2012 г. т. 3 «Битвы и сражения, изменившие ход войны» многотомного научного труда Министерства обороны [6, с. 544]. Повторил информацию о «Фердинандах» под Прохоровкой самарский историк Г. М. Ипполитов в своей содержательной статье о фальсификациях Курской битвы [13, с. 442]. Подобные неточности допускают и зарубежные историки. Также включил самоходки «Фердинанд» в состав воевавшего в группе армий «Юг» 2-го танкового корпуса СС и Ник Корниш, пометивший фотографию этой самоходки с соответствующей подписью [14, с. 161].

Тяжелая немецкая самоходная установка «Фердинанд» с 200-мм лобовой броней, которую в принципе не могли пробить лобовые артсистемы

СССР того времени, произвела на участников боев сильное впечатление. С лета 1943 г. и вплоть до конца войны на уровне бытовой солдатской памяти термин «Фердинанд» стал использоваться для обозначения всех многочисленных моделей немецкой самоходной артиллерии. Чаще всего «Фердинандами» называли немецкое Sturmgeschütz III или «Штурмгешюц» [15, с. 320–321].

Еще одним часто встречающимся стереотипом Курской битвы стал сюжет о повсеместном распространении тяжелых танков «Тигр» (Pz. VI), которые, если верить боевым донесениям, сообщениям в печати, послевоенным воспоминаниям участников боев и работам отдельных историков, в громадных количествах атаковали позиции пехотинцев, артиллеристов и танкистов Красной армии на всех участках Центрального и Воронежского фронтов. Однако новых «супертанков» в немецких танковых дивизиях в Курской битве было не очень много. 144 тяжелых Pz. VI в общей массе 2,7 тыс. немецких танков, выделенных командованием Германии для участия в операции «Цитадель», если брать только количественный аспект, совершенно не впечатляют. На широком пространстве немецкого наступления в десятки километров как на северном, так и на южном участках Курского выступа, 100 «Тигров» против войск Воронежского фронта и 40 – против Центрального фронта вряд ли могли кардинально переломить ситуацию и обеспечить решающий успех немецкого наступления.

В ходе Курской битвы летом 1943 г. немецкие танкисты продолжали воевать преимущественно на привычных им с лета 1941 г. средних танках Pz. III. Из числа панцердивизий, выделенных немецким командованием для операции «Цитадель», по данным специалиста истории бронетехники М. Б. Барятинского, рекордсменом по количеству «троек» можно считать 11-ю танковую дивизию, где Pz. III насчитывалось 79 (70% общего количества). Следует также отметить 3-ю и 8-ю танковые дивизии: 60 бронеединиц (66%) и 65 (63%), соответственно [16, с. 70].

В. Н. Замулин приводит сходные данные: Pz. III в дивизии «Рейх» было 70 из 144 танков (48,6%), в дивизии «Мертвая голова» – 63 из 130 (48,5%) [17, с. 902–903]. Можно рассчитать соотношение танков различных типов в группе армий «Юг» на 4 июля 1943 г. Во 2-м танковом корпусе СС было 390 танков, в 3-м танковом корпусе армейской группы «Кемпф» – 344 танка, в 48-м танковом корпусе 4-й танковой армии – 527 танков, всего – 1261. Из них танков Pz. III было, соответственно, 146, 152 и 149, всего – 447 (35,4%). Средних танков Pz. IV в трех немецких корпусах было 168, 104, 117, итого – 389 (30,8%). «Пантер» (Pz. V), которые в Курской битве применялись исключительно в группе армий «Юг»,

насчитывалось 200 (15,9%). Знаменитых «Тигров» (Pz. VI) в трех указанных корпусах – 42, 45 и 15, итого – 102 (8%) [17, с. 902–903]. Таким образом, основными видами бронетехники немецких панцерваффе в Курской битве, несмотря на сложившиеся в научной и популярной литературе стереотипы о насыщении танковых войск вермахта летом 1943 г. «Тиграми» и «Пантерами», оставались, как и в 1942 г., средние Pz. III и Pz. IV, составлявшие 66,2% всех танков группы армий «Юг» к началу немецкого наступления. Кроме того, в танковых боях вместе с немецкими танками активное участие принимали самоходные артиллерийские установки Stug III, которых в группе армий «Юг» было 208.

Подготовка к борьбе с новыми немецкими танками пехотинцев и артиллеристов накануне Курской битвы в сочетании с массовым распространением инструкций с рисунками уязвимых мест немецкой бронетехники наряду с несомненными положительными результатами породила и определенную «тигроманию». В ходе Курской битвы чуть ли не в каждом подбитом немецком танке бойцы и командиры Красной армии стремились увидеть «Тигр». В документах даже появился термин «Тигр тип 4», под которым скрывалось обозначение обычного немецкого среднего танка Pz. IV [18, с. 52–53]. Например, в сообщении по ВЧ члена Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущева И. В. Сталину приводились сведения, что потери противника за 12.07.1943 г. составили 150–160 танков, из них до 40 типа «Тигр» [19, с. 351–352]. В действительности боеспособных танков данной модификации в этот день в группе армий «Юг» было всего 46, потерять за один день сразу 87% своих Pz. VI было для немецких танкистов маловероятным, тем более, что 14 июля в немецкой группировке еще оставался 31 «Тигр» [8, с. 544].

Традиции «тигромании» в современной отечественной историографии продолжают, например, авторы уже упоминавшегося т. 3 многотомного издания Министерства обороны при описании Прохоровского сражения. По их сведениям, противостоящий 5-й гвардейской танковой армии «2-й танковый корпус СС имел 400 современных танков: около 50 тяжелых танков “Тигр” (пушка 88-мм), десятки скоростных... средних танков “Пантера”...» [6, с. 544].

Попробуем разобраться в приведенных сведениях. «Около 50», а точнее ровно 42 танка «Тигр» в трех входивших во 2-й танковый корпус танковых дивизиях СС было 4 июля 1943 г., т. е. перед началом операции «Цитадель» [17, с. 902–903]. За неделю боев к 12 июля количество «Тигров», равно как и общее количество единиц бронетехники в корпусе (кстати, 390 на 4 июля, а не 400), не могло не измениться в меньшую сторону: артиллеристы, танкисты, стрелковые подразделения Воронежского фронта ежедневно

выводили из строя десятки танков противника. «Пантеры» (Pz. V) в количестве 200 шт., объединенные в 10-ю танковую бригаду 48-го танкового корпуса 4-й танковой армии, организационно в состав 2-го танкового корпуса СС не входили [17, с. 902–903]. 12 июля все оставшиеся в строю «Пантеры» находились в районе р. Пена на значительном удалении от Прохоровки в боях против 1-й танковой армии М. Е. Катюкова.

Под Прохоровкой вечером 11 июля в дивизии СС «Адольф Гитлер» боеспособных «Тигров» было 4, в дивизии «Рейх» – 1, в дивизии «Мертвая голова» – 10 [8, с. 364]. Однако дивизия «Мертвая голова» 12 июля задействовала большую часть своей бронетехники для наступления на другом берегу р. Псел. В. Н. Замулин приводит данные немецких историков, согласно которым за 12 июля в излучине р. Псел «Мертвая голова» потеряла все 10 «Тигров» [10, с. 435]. Таким образом, на главном направлении удара 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии в составе противостоящей им немецкой бронетехники никак не могло быть больше 5 танков Pz. VI. Поэтому претендовать на существенный вклад в результат боя 12 июля данные тяжелые танки никак не могут.

Еще одним вариантом стереотипа, связанного с немецким «Тигром», является некритичное восприятие его тактико-технических характеристик. Например, белорусский автор многочисленных популярных работ по истории Великой Отечественной войны, написанных в сверхкритическом стиле по отношению к командованию Красной армии, В. В. Бешанов расточает массу комплиментов данному образцу немецкой бронетехники: «Не имел достойных противников на поле боя», «убийственно точное орудие и отличная оптика обеспечивали 100-процентное попадание в неподвижную цель с первого выстрела на расстоянии 1000 метров», «прогрессивная трансмиссия... и торсионная подвеска делали “Тигр” легкоуправляемой машиной с плавным, совершенно бесшумным ходом», «ее водитель не затрачивал больших физических усилий, освоить управление танком было несложно» [20, с. 288–289].

Применительно к толщине брони, легкости управления, бронепробиваемости орудия, плавности хода, а еще и качеству прицелов в совокупности с приборами наблюдения танк Pz. VI существенно превосходил в 1943 г. танки аналогичного класса СССР, Великобритании и США. Однако В. В. Бешанов почему-то забывает о недостатках «Тигра», которых было немало. Танк был спроектирован как сверхмощное противотанковое оружие для боя на дальних дистанциях и терял свои преимущества в вооружении и броневой защите в ближнем бою, чем активно пользовались в 1943–1945 гг. русские, американские и английские танкисты.

Как справедливо подчеркивает известный историк А. В. Исаев, неуязвимых танков не существует [15, с. 327–328]. В частности, используемые в Курской битве как противотанковые 85-мм зенитные орудия уже с километровой дистанции гарантированно поражали немецкие Pz. VI в любую часть корпуса и башни.

В 1943 г. было проведено обследование брони новых немецких танков: «76-мм дивизионное и противотанковое орудие обр. 1942 г., или танковую пушку обр. 1940 г. возможно применять только против бортов танка «Тигр» на дальности 50–100 метров бронбойным снарядом БР-350БСП, или 76-мм бронбойным катушечным боеприпасом на дальности до 400 м. ... 45-мм противотанковую пушку обр. 1942 г. и обр. 1937 г. применять только для стрельбы по бортам танка «Тигр» подкалиберным катушечным боеприпасом с дистанции не свыше 300 м...» [21, с. 93]. Из приведенного отрывка видно, что основные противотанковые орудия Красной армии калибра 45 и 76 мм могли подбить тяжелый немецкий танк только в борт специальными новыми подкалиберными снарядами, которых летом 1943 г. было еще мало, с минимальной дистанции несколько сотен метров. Но именно в ходе оборонительной фазы Курской битвы тяжелые немецкие танки Pz. VI часто использовались в качестве тарана для пробивания обороны. В атаке происходило сближение «Тигров» с противотанковыми орудиями до минимальной дистанции, поэтому шансы поразить уязвимую бортовую броню немецкого «супертанка» у артиллеристов Красной армии резко повышались.

Не следует также забывать, что танк еще должен доехать к месту боя своим ходом, не сломавшись по дороге. Избыточная масса «Тигра» приводила к постоянному перегреву двигателя и трансмиссии, поэтому выход из строя именно этих агрегатов стал наиболее распространенной технической неисправностью тяжелого немецкого танка [22, с. 71]. Форсировать даже небольшие речушки вброд «Тигр» тоже оказался не в состоянии [18, с. 62, 79, 81]. Поэтому при употреблении эпитетов «лучший», «сильнейший», «неуязвимый» применительно к «Тигру» следует соблюдать осторожность. Появившийся на поле боя весной 1944 г. тяжелый танк ИС-2 имел аналогичное «Тигру» бронирование, но весил 44 т, что обеспечивало ему и большую, по сравнению с 55-тонным Pz. VI, маневренность на поле боя, более высокую скорость на маршах и меньший износ ходовой части. Единственный параметр, по которому немецкий танк превосходил ИС-2, была скорострельность орудия, что имело решающее значение именно в танковых дуэлях.

Однако великолепные качества «Тигров» в танковых поединках на дистанции в 1,5–2 км могли обеспечить немецким танкистам

тактическое превосходство только в отдельных эпизодах. Известный современный историк А. В. Исаев подчеркивает: «Предметом оживленных дискуссий является вопрос дуэльного сравнения танков. Условно говоря, что было бы, если два танка поставит друг против друга в чистом поле. Сравнение в такой форме в общем случае некорректно. Воюют не танки друг против друга, подобно средневековым рыцарям, но подразделения, оснащенные танками. Поэтому в любом случае в танковом сражении участвовали артиллерия, пехота, саперы» [15, с. 325]. В подтверждение приведенной мысли можно отметить, что значительная часть «Тигров» в Курской битве вышла из строя, подорвавшись на минах [18, с. 73, 77, 83].

Еще одним не до конца исследованным аспектом Прохоровского боя, по мнению автора данной статьи, является якобы роковая роль значительного количества легких танков в армии П. А. Ротмистрова, приведшая к значительным потерям. Легкие Т-70 в ходе боевых действий 1942 г. неплохо себя показали в качестве танков-разведчиков, в уличных боях, при ведении боевых действий в лесисто-болотистой местности. Однако против немецких ПТО они были беззащитны, поэтому летом 1943 г. их боевая ценность была сомнительной. Наиболее подробно на данном аспекте темы остановился В. Н. Замулин: «Из 177 танков 18 тк, находясь в строю и в пути 11 июля, 35,5% составили Т-70, остальные – Т-34 и Мк-4, а в «ударном» 29 тк «семидесятки» оказалось еще больше – 38,8%. «Семидесятки» были легкими машинами и не были способны бороться на равных ни с одним немецким танком и основными орудиями ПТО противника. Исключение составляли лишь случаи, когда в их боекомплект включалиськумулятивные или подкалиберные снаряды, но в 18 и 29 тк на тот момент таковых не было» [12, с. 226].

Впрочем, как представляется, историки именно для конкретной ситуации 12 июля под Прохоровкой излишне категоричны в своих суждениях относительно того, что Т-70 были не способны бороться на равных с немецкими танками. С километровой дистанции 45-мм орудие Т-70 для немецких «четверок» и «троек» опасности действительно не представляло, в то время как орудия немецких танков на данной дистанции без труда поражали советский танк. Однако под Прохоровкой уже через час-полтора боя все поле было затянуто дымом от горящих танков и пылью от разрывов снарядов и мин. Поэтому разглядеть что-то определенное дальше нескольких сотен метров даже сквозь цейсовскую оптику прицелов для немецких танкистов было проблематичным. Участник этого боя В. П. Брюхов вспоминал: «Все было закрыто дымом, пылью, огнем так, что казалось, наступили сумерки. Авиация всех бомбила. Танки

горели, машины горели...» [цит. по: 10, с. 195]. Именно в условиях задымленности поля боя под Прохоровкой и прорыва частей 29-го корпуса в совхоз «Октябрьский», а 18-го корпуса вглубь немецкой обороны вдоль берега р. Псел у Т-70 появлялись неплохие шансы бороться с немецкими «панцерами» почти на равных. В ближнем бою 50-мм лобовую броню старых модификаций немецких «троек» и «четверок» 45-мм орудия «семидесятки» было вполне по силам пробить со 100–200 м. На всех немецких «тройках» и «четверках» стояла тонкая 30-мм бортовая броня, которая пробивалась «сорокопяткой» Т-70 уже с 500 м. И тем более не могло спасти от снарядов «семидесятки» бронирование противотанковых немецких самоходок «Мардер» (20 шт. в дивизии «Адольф Гитлер») и самоходных гаубиц «Веспе» (12 шт.). Безусловно, выдержать попадание снаряда 75-мм немецкой противотанковой пушки у легких танков Т-70 шансов не было, но данная артсистема противника также успешно поражала с первого снаряда и средние Т-34. С другой стороны, на ближней дистанции осколочный снаряд 45-мм орудия «семидесятки» был способен вполне эффективно вывести из строя расчет противотанкового орудия.

Недостаточно исследован вопрос, связанный с импортной бронетехникой. В составе 5-й гвардейской танковой армии наряду с отечественной бронетехникой имелось 35 тяжелых танков «Черчилль III» с 57-мм пушкой, полученных СССР из Англии. «У этого танка были очень маленькая скорость и слабая маневренность» [6, с. 544]. В. Н. Замулин отмечает: «Эти машины были далеки от совершенства, на них устанавливалась короткоствольная 57-мм пушка. Из-за слабого бронирования он был прозван в войсках “братской могилой”» [12, с. 295].

Думается, в подобных оценках танка «Черчилль» свою роль сыграл общий стереотип недоверчивого отношения наших танкистов на фронтах Великой Отечественной войны к поступающей по ленд-лизу импортной бронетехнике. Резкая критика большинства американских и английских танков вполне заслужена. Достаточно вспомнить своеобразную конструкцию ходовой части английской «Матильды», делающую ее зачастую непригодной для эксплуатации в условиях России, или высокий силуэт с неудачной компоновкой вооружения американского М-3 с «Генерал Ли».

Выражение «слабое бронирование» применительно к танку «Черчилль» в работе серьезного специалиста по истории Курской битвы, каким, безусловно, является В. Н. Замулин, не совсем оправдано. Толщина лобовой брони данного танка достигала 150 мм. Для сравнения, лобовая броня тяжелого танка КВ-1 равнялась 75 мм, ИС-2 – от 100 до 120 мм, «Тигра» – 100 мм. Рекорд лобового бронирования «Черчилля» превзошел

в 1944 г. только немецкий «Королевский тигр» со своей 180-мм броней корпуса, но и у него лоб башни был аналогичен «англичанину»–150 мм.

Что касается термина «братская могила», то он часто фигурировал среди танкистов и самоходчиков Красной армии в годы Великой Отечественной войны и употреблялся применительно ко многим образцам бронетехники, например, самоходке СУ-76, танкам Т-60 и Т-70, уже упоминаемому американскому М-3 с. Мрачный юмор и пессимизм людей, вынужденных идти в бой и гореть на несовершенных бронированных машинах, психологически можно понять. Но у историков все-таки должны быть более весомые аргументы для оценки боевых качеств танков.

Насчет слабости вооружения «Черчилля» не все так однозначно. В материалах обследования «Черчилля» осенью 1942 г. указывалось, что 57-мм пушка пробивает 60 мм брони с расстояния 950 м [23, с. 122]. В данном случае бронепробиваемость орудия английского танка находилась примерно на уровне 76-мм орудия Т-34. Обвинения английским разработчикам в слабости артсистемы, не рассчитанной на появление на поле боя в 1943 г. «тигров» и «пантер», точно так же можно адресовать и отечественным конструкторам.

В. Н. Замулин приводит данные о действиях «Черчиллей» в ходе прорыва частей 18-го танкового корпуса в глубь немецкой обороны: «Мк-4 лейтенанта Корягина и лейтенанта Малышева сумели подойти на расстояние полукилометра к стоящим в засаде немецким танкам и открыли огонь. В результате, как сообщает журнал боевых действий полка, один Т-IV был сожжен и один “Тигр” подбит. Экипажи соседних машин противника сосредоточили огонь по нашим танкам. Обе машины загорелись, а экипажи получили тяжелые ранения» [12, с. 295–296]. Думается, если бы в данном случае на месте английских танков были танки Т-34, то с расстояния 500 м 76-мм орудия «тридцатьчетверок» вряд ли были бы более результативны. 80-мм бортовую броню «Тигра» с такой дистанции Т-34 мог пробить только подкалиберным снарядом, обычный бронебойный пробивал не свыше 70 мм. Именно толстая броня английских Мк-IV позволила их экипажам уцелеть под огнем немецких танков в течение нескольких минут, за это время русские танкисты успели произвести результативные выстрелы и поразить немецкие Pz. IV и Pz. VI. У отечественных Т-34 и Т-70 в подобной ситуации никаких шансов не было бы. Выстрелить по немецким танкам хотя бы по 2 раза им бы не удалось, потому что после первого же ответного попадания в корпус или башню выпущенного из немецкой «четверки» 75-мм снаряда (не говоря уже о 88-мм снаряде «Тигра»), «тридцатьчетверка» или «семидесятка» сразу бы вспыхнула или взорвалась.

Информация о том, что экипажи танков получили тяжелые ранения, тоже может быть истолкована в данном эпизоде в пользу английских танков. Взрыв топливных баков или боекомплекта Т-34, который неизбежно последовал бы после двух–трех попаданий подряд 75-мм снарядов немецких «четверок» скорее всего просто не оставил бы экипажу «машины боевой» шансов уцелеть. Но 150-мм лобовая броня «Черчилля» немецкой «четверке» была не «по зубам». Такую толщину брони с 500 м могло пробить только 88-мм орудие «Тигра», и то не обычным бронебойным, а подкалиберным снарядом. «Черчилли» в приведенном эпизоде, скорее всего, были сначала обездвижены попаданиями в ходовую часть. Автор серии работ по истории бронетанковой техники Второй мировой войны М. Б. Барятинский отмечал: «Охват гусеницами корпуса приводил к резкому повышению поражаемости лобовых ветвей гусениц. Почти все подбитые танки имели попадания в лобовые ветви» [23, с. 126]. И только уже потом у тяжелых английских танков была пробита более тонкая бортовая броня. Если некоторое время вести огонь по двум обездвиженным танкам сразу из нескольких танковых орудий, то рано или поздно уязвимые места корпуса или башни будут поражены. Кстати, информация о тяжелых ранениях свидетельствует о том, что танкисты, несмотря на выход из строя своих броневых машин, все-таки остались живы.

Подводя итоги, можно констатировать, что изучение истории Курской битвы, в частности Прохоровского сражения, сопровождалось и сопровождается различными неточностями. Пересмотр в работах историков старых заблуждений и стереотипов приводит к рождению новых. Серьезной проблемой в настоящее время становится неумение или нежелание отдельных специалистов, занимающихся исследованием боевых действий Курской битвы, разбираться в специфике характеристик бронетанковой техники Красной армии и вермахта. Пора перестать тиражировать фантазии о тяжелых немецких самоходках «Фердинанд» под Прохоровкой. Перспективной задачей является точное определение немецких потерь за день 12 июля как в бронетехнике, так и в артиллерии. Представляется также злободневным более объективный анализ участия как отечественных легких танков Т-70, так и тяжелых английских «Черчиллей» именно в Курской битве, в частности в контрударе под Прохоровкой.

Прохоровка остается важным и значимым событием Курской битвы. Необходимо в связи с этим восстановление исторической правды о событиях как непосредственно 12 июля 1943 г., так и ходе боевых действий предшествующих и последующих дней. Общество, не имеющее исторической памяти, не имеет будущего. Но историческая реальность – понятие многогранное.

С одной стороны, исторические работы должны быть свободны от искажений и фальсификаций, принижаящих героизм военнослужащих Красной армии, с другой – важно обойтись без искусственных приукрашиваний действительности. Актуальная задача – избежать повторения уже совершенных ошибок как советской историографии с жестким дозированием фактической информации и игнорированием фактов, не укладывающихся в заранее заданную идеологическую схему, так и попыток всеобщего развенчивания и разоблачения исторических событий Великой Отечественной войны в период 1990-х гг. – начала XXI в., приведших к появлению массовых фальсификаций.

Подвиг людей, сумевших 80 лет назад нанести поражение сильнейшей армии мира и окончательно переломить ход войны, достоин того, чтобы о нем не только помнили, но и знали в полном объеме историческую картину событий во всем многообразии.

Список литературы

1. Никифоров Ю. А. Прохоровское сражение в исторической памяти и историографии (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве) // ЛОКУС. Люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 88–94.
2. Соловьева А. А., Кругликова Г. А. Сражение под д. Прохоровкой 12 июля 1943 г. : актуальные вопросы изучения // Цифровая наука. 2020. № 12. С. 70–80.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта – 23 августа 1943 г. / под ред. В. А. Золотарёва : в 23 т. Т. 15. М. : ТЕРРА, 1997. 464 с.
4. Замулин В. Прохоровка. Технология мифа // Родина. 2013. № 7. С. 4–7.
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. Т. 3. М. : Новости (АПН), 1990. 384 с.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 3 : Битвы и сражения, изменившие ход войны / председатель редакционной комиссии третьего тома В. П. Баранов ; руководители авторского коллектива М. В. Винниченко, О. В. Саксонов. М. : Кучково поле, 2012. 864 с.
7. Замулин В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. 734 с.
8. Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М. : Эксмо ; Яуза, 2005. 624 с.
9. Исаев А. В. Курская битва. Первая иллюстрированная энциклопедия. М. : Эксмо ; Яуза, 2013. 368 с.
10. Драбкин А. Я дрался на Т-34. М. : Эксмо ; Яуза, 2005. 352 с.
11. Замулин В. Засекреченная Курская битва. М. : Яуза, Эксмо, 2008. 784 с.
12. Замулин В. Н. Прохоровское сражение. М. : Вече, 2013. 576 с.
13. Ипполитов Г. М. «Огненная дуга» под огнём фальсификаторов. К 75-летию Курской битвы (5 июля–23 августа 1943 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 433–446.

14. *Корниш Ник.* Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2013. 223 с.
15. *Исаев А. В.* Главные мифы о Второй мировой. М. : Яуза-каталог, 2020. 448 с.
16. *Барятинский М. Б.* Panzer III. Стальной символ блицкрига. М. : Яуза ; Коллекция ; ЭКСМО, 2008. 96 с.
17. *Замулин В.* Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М. : Яуза ; Эксмо, 2008. 960 с.
18. *Коломиец М. В.* «Тигры» на Огненной Дуге. М. : Стратегия КМ : Яуза : Эксмо, 2013. 96 с.
19. В штабах Победы. 1941–1945. Документы : в 5 кн. Кн. 3 : 1943 : «Ломая упорное сопротивление врага...» / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Научно-политическая книга, 2020. 189 с.
20. *Бешанов В. В.* Год 1943 – «переломный». М. : Яуза-каталог, 2021. 544 с.
21. *Свирин М. Н.* Стальной кулак Сталина: история советского танка. 1943–1955. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 416 с.
22. *Барятинский М. Б.* Тяжелый танк «Тигр». Смертельное оружие Рейха. М. : Коллекция ; Яуза ; ЭКСМО, 2006. 96 с.
23. *Барятинский М. Б.* Танки ленд-лиза в бою. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 288 с.

Поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–321
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–321
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-313-321>, EDN: YFTTUM

Научная статья
УДК [94:323.23-054.75](47+57)|1944/1946|

Организация агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной работы среди советских репатриантов (1944–1946)

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бичехвост Александр Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, AuthorID: 275401

Аннотация. В российской исторической науке практически отсутствуют исследования, посвященные агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной деятельности Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан среди советских перемещенных лиц в годы Великой Отечественной войны и после ее завершения. В статье анализируется агитационно-пропагандистская, культурно-массовая и воспитательная работа Управления Уполномоченного СНК СССР, политических органов, администрации сборно-пересыльных пунктов и сборных лагерей в 1944–1946 гг. Особое внимание уделено выявлению и анализу использованных форм и методов политической и воспитательной работы с репатриантами, ее трудностей и недостатков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, репатриация, репатрианты, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации, агитационно-пропагандистская работа

Для цитирования: Бичехвост А. Ф. Организация агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной работы среди советских репатриантов (1944–1946) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–321. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-313-321>, EDN: YFTTUM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Organization of propaganda, cultural and educational work among Soviet repatriates (1944–1946)

A. F. Bichehvost

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Alexander F. Bichhvost, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, AuthorID: 275401

Abstract. In the Russian historical science there are almost no studies devoted to propaganda, mass cultural and educational activities of the Department of Plenipotentiary of Soviet Union on repatriation of Soviet citizens among the Soviet displaced persons during the Great Patriotic War and after it. The article analyzes the propaganda, mass cultural and educational work of the Administration of the Plenipotentiary of the USSR Council of People's Commissars, political organs, the administration of collecting-transfer points and collection camps in 1944–1946. Special attention is paid to the identification and analysis of the forms and methods of political and educational work with repatriates, its difficulties and shortcomings.

Keywords: the Great Patriotic War, repatriation, repatriates, the Office of the Plenipotentiary of the USSR Commission on Repatriation, agitation and propaganda work

For citation: Bichehvost A. F. Organization of propaganda, cultural and educational work among Soviet repatriates (1944–1946). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-313-321>, EDN: YFTTUM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Военная операция, начатая 24 февраля 2022 г. Вооруженными Силами РФ в ответ на просьбу руководства ДНР и ЛНР помочь в отражении агрессии киевского режима во избежание жертв среди мирного населения и гуманитарной катастрофы в Донбассе, актуализировала проблему патриотического воспитания граждан России. Поучительные уроки с учетом критического подхода можно извлечь из истории формирования патриотизма у советских перемещенных лиц в 1944–1946 гг. История агитационно-пропагандистской деятельности го-

зировавала проблему патриотического воспитания граждан России. Поучительные уроки с учетом критического подхода можно извлечь из истории формирования патриотизма у советских перемещенных лиц в 1944–1946 гг. История агитационно-пропагандистской деятельности го-

сударственных и специальных органов среди перемещенных лиц Белоруссии и Украины нашла отражение в статьях зарубежных авторов [1]. В российской исторической науке идеологическая работа с репатриантами освещается в ряде обобщающих трудов, но это требует дальнейшего углубленного изучения.

Как известно, на заключительном этапе Великой Отечественной войны и после ее окончания одна из главных целей советского государства заключалась в возвращении на Родину более 5 млн советских граждан, в том числе жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, проживавших в границах СССР после 1939 г. Достижение этой цели было связано с решением ряда политических, экономических, социальных и правовых задач, а именно, довести до сведения перемещенных лиц официальную точку зрения советского правительства на репатриацию, доказать необходимость добровольного возвращения на Родину, не допустить создания «второй волны эмиграции», пополнить трудовые ресурсы СССР, помочь восстановить утраченные в годы войны родственные связи, выявить среди репатриантов изменников и предателей Родины, военных преступников и в соответствии с действовавшим уголовным законодательством РСФСР и союзных республик предать их суду.

Проведение разъяснительной и воспитательной работы среди перемещенных лиц также вызывалось необходимостью не допустить погромов как актов возмездия со стороны репатриантов за свои страдания, избежать бессмысленных жертв.

Представитель Управления СНК СССР по репатриации советских граждан майор Польшалов, направленный в американскую зону оккупации Германии, в докладной записке «О проделанной работе по репатриации советских граждан в зоне 12-й армейской группы за период с 19 апреля по 20 августа», адресованной в 1945 г. представителю Уполномоченного в Западной Европе генерал-майору В. М. Драгуну, сообщил о драматичной ситуации, сложившейся на оккупированной территории после освобождения советских граждан. Он писал: «Проезжая [города] Зоэст, Липштадт, Зене и Падеборн, я встретил около 100 000 наших советских граждан, собранных, но не организованных в лагерь, не обеспеченных ни жилой площадью, ни обувью, ни одеждой, ни питанием. Подготовленных помещений, продуктов питания, одежды и обуви для такой массы людей подготовлено не было. Начался поголовный грабёж немецкого населения, порой доходивший до убийств отдельных фермеров или владельцев предприятий... [Город] Липштадт имел четыре района, куда было собрано 23 000 человек, из них – 3 000 девушек, работающих на фабрике

в этом же городе. Вся эта масса до организации лагеря и разбивки его на подразделения и выделения офицерского состава на должности занималась грабежом, а некоторые бандитизмом, выезжая на машинах в окрестные деревни, применяя силу и оружие... В ответ на открытые убийства и грабёж отдельных личностей немцев увеличилось число убийств наших советских граждан, организованными группами из оставленных в тылу при продвижении союзной армии немецких солдат и наших советских граждан, служивших в РОА и частях СС, и поэтому не желающие идти в лагерь, выступающих с оружием в руках против наших советских граждан» [2, л. 338–339]. Таким противоправным действиям следовало противостоять, используя в том числе меры воспитательного характера.

Реализация цели и задач предопределила характер и содержание деятельности Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым, назначенным на должность Уполномоченного постановлением СНК СССР за № 1315-392-с от 4 октября 1944 г. [3, с. 55].

В утвержденном 23 октября 1944 г. Советом Народных Комиссаров «Положении об Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» определялись главные направления деятельности Уполномоченного и подчиненных ему структур, а именно: руководство репатриацией граждан СССР (бывших военнопленных, интернированных и насильственно угнанных); выявление, учет и регистрация граждан на территории, освобождаемой от противника советскими и союзными войсками; отправка освобожденных в пункты сбора и лагеря; размещение, организация питания, медико-санитарного и бытового обслуживания советских граждан как на освобожденной от противника территории, так и в пути следования; организация политической и культурно-просветительской работы среди перемещенных лиц, перевозка репатриантов разными видами транспорта, оказание материальной и денежной помощи возвращавшимся на Родину, осуществление проверки (фильтрации) репатриантов совместно с органами НКВД [3, с. 68].

Перечень основных направлений деятельности Управления, его руководящего состава был довольно обширным, поэтому реализация уставов требовала серьезной работы по подбору кадров, способных их реализовать.

Структура центрального аппарата Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации, наряду с другими отделами, включала политикопросветительский отдел, руководителем которого был назначен полковник Георгий Семенович Логунов, а его заместителем – полковник Федор Гаврилович Филинов, на которых возлагалась ответственность за планирование

и выполнение агитационно-пропагандистских, культурно-массовых и воспитательных мероприятий среди перемещенных лиц.

Для осуществления идеологической и воспитательной работы в места концентрации советских граждан, сборно-пересыльные пункты и сборные лагеря откомандировались сотрудники центрального аппарата и политпросветотдела Управления. Весной 1945 г. в Англии, Франции, Италии, Швеции, Египте, Иране, балканских странах, на территории Германии и в сопредельных с ней государствах к политической работе приступили группы Управления Уполномоченного, включавшие заместителей начальников групп по политической части. Сотрудники скомплектованных групп направлялись в города и государства с наибольшей концентрацией освобожденных советских граждан. Так, штатные работники политпросветотдела майоры Лукьянов, Смирнов, Томилов, Шугрин были откомандированы в германские города Инстербург, Кельцы, Коло, Тарнув, майор Беляев – в Швецию, майор Мартыновский – во Францию, майор Андреев и капитан Авдеев – в Польшу [3, с. 185].

В условиях продолжавшихся боевых действий катастрофически не хватало профессиональных политработников, организаторов агитационно-пропагандистской и воспитательной работы среди освобожденных перемещенных лиц. В соответствии с утвержденным штатным расписанием администрация сборных лагерей включала заместителей комендантов по политической части, начальников клубов, инструкторов по работе с женщинами и молодежью. В штатах лагерной администрации имелись вакансии организаторов идеологической и воспитательной работы, инструкторов и агитаторов. «Инструкторами по работе среди женской молодежи укомплектованы только на 50%, агитаторами совершенно не укомплектованы из-за отсутствия необходимого резерва политработников», – докладывал 29 мая 1945 г. начальник Политуправления Первого Украинского фронта генерал-майор Ф. В. Ящечкин заместителю начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-лейтенанту И. В. Шикину [3, с. 228].

К политической и культурно-массовой работе подключали бывших военнопленных-офицеров. Майор Полысалов в докладной записке генерал-майору В. М. Драгуну отмечал, что в лагерях и сборных пунктах для поддержания дисциплины и порядка «был привлечен весь офицерский состав и политработники» из числа освобожденных военнопленных, которые назначались на должности заместителей начальников лагерей и командиров батальонов по политической части [2, л 374]. В местах сбора советских граждан были утверждены начальники клубов, руководители художественной самодеятельности, ансамблей и др. [2, л 342].

Предполагалось, что донести официальную позицию советского правительства по репатриации, воздействовать на сознание перемещенных лиц и склонить их к скорейшему возвращению на Родину помогут интервью Уполномоченного СНК СССР, которые генерал-полковник Ф. И. Голиков периодически давал корреспонденту ТАСС.

На важность и необходимость ведения разъяснительной работы среди репатриантов обращал особое внимание постоянно контактировавший с перемещенными лицами майор Полысалов: «Главное, что мешало организации лагерей, наведению дисциплины и порядка в них – это незнание нашими советскими гражданами положения о репатриации их на Родину, о наших официальных представителях, работающих по этому вопросу; у каждого сложилась мысль, что они оторваны от Родины, что правительство о них забыло <...> Нужно было как можно быстрее разослать во все [райо]ны людей, которые могли довести бы до масс действительное положение со сбором советских граждан в лагеря и подготовке их к отправке на Родину, разъяснив положение по репатриации, соглашение Ялтинской конференции и указания нашего правительства по этому вопросу, и только это могло восстановить дисциплину и порядок в лагерях, заставить весь народ жить настоящей человеческой жизнью» [2, л 341].

Интервью Уполномоченного СНК СССР помещались на страницах «Правды», других периодических изданий. В первом интервью, опубликованном 11 ноября 1944 г., Ф. И. Голиков разъяснял официальную политику советского государства в отношении репатриантов, совершивших за границей противоправные действия. Он утверждал: «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину» [4, с. 6].

Как отмечал В. Н. Земсков, из заявления Ф. И. Голикова следовало, что советские граждане, бывшие невольники рейха (независимо от того, были они насильно угнаны в Германию или выехали туда добровольно), если за ними не числилось никаких прегрешений перед советскими государством, кроме, естественной, вынужденной работы на врага в качестве «иностранных рабочих», не должны были подлежать уголовной ответственности. Это же относилось и к военнопленным, но они не освобождались от ответственности за сдачу в плен. Правда, оговорка, «если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на родину», могла быть

использована (и впоследствии была использована) как основание для ареста части отпущенных по домам репатриантов [5, с. 28].

Вся последующая пропагандистская работа официальных представителей СССР с советскими перемещенными лицами была построена на основе содержания интервью Ф. И. Голикова. Заявление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, по мнению В. Н. Земскова, было призвано успокоить репатриантов, готовившихся к возвращению на Родину [6, с. 4]. Многие из них опасались, что в Советском Союзе их могут причислить к пособникам оккупантов и отправить на исправление в трудовые лагеря.

Интервью Ф. И. Голикова распространяли в формате листовок в лагерях освобожденных советских граждан, передавали по радио. Интервью и постановление советского правительства об учреждении должности Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан были размножены и разосланы в сборные лагеря в Англии. Помощь в размножении этих материалов была оказана советским послом. Листовку с интервью Ф. И. Голикова политпросветотдел выпустил тиражом 500 000 экземпляров [3, с. 104].

Разъяснения Уполномоченного были с энтузиазмом восприняты многими репатриантами. В сводке Управления от 20 ноября 1944 г. сообщалось: «Интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, помещенное в печати 11.11.44 г., распространяется по лагерям и имеет благоприятные отзывы со стороны военнопленных и интернированных советских граждан как в Англии, Франции, Румынии, так и в других государствах» [7, с. 250–251].

Не позже 9 декабря 1944 г. заместитель Уполномоченного СНК СССР по репатриации генерал-лейтенант К. Д. Голубев в обзоре откликов репатриантов на интервью Ф. И. Голикова обращал внимание на советы данные репатриантам: стремиться преодолеть внутренний страх при возвращении на Родину, не верить злобным измышлениям лиц, враждебно настроенных по отношению к Советскому Союзу и занимавшихся антисоветской пропагандой. «Интервью сыграло важную роль в разоблачении антисоветской пропаганды, которую проводят антисоветские элементы в союзных и нейтральных странах, – докладывал К. Д. Голубев, – и вселило уверенность в сердцах советских граждан, что Родина не забыла их и встретит как своих сыновей, оказавшихся на чужбине. Интервью ликвидировало попытки врагов Советского Союза посеять среди наших людей чувство страха перед ответственностью за свое пребывание и работу за границей, вызвало неудержимое стремление вернуться на Родину» [3, с. 103].

Позитивное влияние интервью Уполномоченного СНК СССР на сознание и поведение

советских репатриантов отмечалось в США и Франции. Военный атташе при посольстве СССР в США полковник Н. М. Сараев сообщал из Вашингтона: «До приезда наших представителей в лагерь военнопленных, многие из них полагали, что Советский Союз считает их изменниками родины, и что по возвращении они будут наказаны. Наш приезд и распространение интервью генерала Голикова внесли определенное спокойствие, они хотят скорее уехать в Союз» [3, с. 104]. Начальник Отдела по работе с заграницей подполковник Н. В. Новиков информировал из Парижа: «Правильность и своевременность интервью т. Голикова трудно переоценить. Его значение с точки зрения рассеивания влияния враждебной нам пропаганды огромно... Основной вопрос, который больше всего мучил большинство наших граждан – “что их ждет по возвращении домой”, – становится теперь для них полностью разрешенным, и сейчас этот вопрос слышать почти не приходится... Наши люди смотрят на этот документ, как на свое спасение и не хотят с ним расстаться. Наша же работа при наличии этого интервью облегчается во много раз» [3, с. 104].

Принимая во внимание достигнутый положительный эффект от публикации интервью, Управление Уполномоченного и его представители за рубежом предпринимали дополнительные меры по распространению ответов Ф. И. Голикова на вопросы корреспондента ТАСС. Во Франции интервью Уполномоченного было издано отдельной листовкой тиражом 10 000 экземпляров, в Италии – 15 000 экз. [3, с. 104].

Под заголовком «Прочти и передай другому!» малоформатные издания с ответами Уполномоченного на вопросы корреспондента ТАСС бережно хранились репатриантами. Автор настоящего исследования встречал листовки с интервью Ф. И. Голикова в проверочно-фильтрационных делах саратовских репатриантов.

Вышеизложенные факты свидетельствовали о том, что интервью Уполномоченного СНК СССР, генерал-полковника Ф. И. Голикова оказывали заметное влияние на сознание репатриантов. Перемещенные лица доверяли руководителю центрального репатриационного ведомства, воспринимали его слова как своеобразную гарантию личной безопасности при возвращении в Советский Союз. Позже интервью Ф. И. Голикова были изданы отдельной брошюрой под общим названием «Репатриация советских граждан» [4].

Призывы к перемещенным лицам репатрироваться в Советский Союз содержались в листовках, которые направлялись в сборно-пересыльные пункты и лагеря в Германии. До освобождения советских граждан авиация дальнего действия разбрасывала листовки над Восточной Пруссией, Силезией, Польшей – местами наибольшей концентрации невольников из СССР [3, с. 154].

В агитационно-пропагандистских и воспитательных целях Управление рекомендовало формировать библиотечки из брошюр актуального политического содержания. Полковник Г. С. Логунов докладывал генерал-лейтенанту К. Д. Голубеву о составлении таких библиотек уже в 1944 г.: «На 15 ноября 1944 года Политпросветотдел располагает 3 500 специально скомплектованными библиотеками по 24 книжки каждая. С отъезжающей группой в Румынию направлено 100 библиотек, в г. Мурманск – 150 библиотек. Готовится к отправке по 200 библиотек в советские представительства и группы Управления по делам репатриации во Францию, Италию, Иран, Болгарию, Румынию, Финляндию, Каир, Англию, Бельгию, Люксембург и Швецию. Приобретено 20 000 брошюр с докладом и приказом № 220 товарища Сталина о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе 10 000 экз. на национальных языках народов СССР. Брошюры будут разосланы в пункты сосредоточения» [3, с. 93].

Малоформатные издания, произведения советских писателей не только концентрировались в библиотеках, их вручали и индивидуально. Согласно донесению старшего инструктора политотдела Управления А. П. Тихомирова от 4 декабря 1944 г. среди освобожденных военнопленных были распространены 3 000 экз. брошюр различной тематики, 1 500 экз. доклада Сталина, посвященного 27-й годовщине социалистической революции. Литература пропагандистской направленности была издана на разных языках – русском, азербайджанском, армянском и др. [3, с. 99–100].

Особые надежды в агитационно-пропагандистской работе возлагались на брошюры, издававшиеся специально для репатриантов под грифом Управления Уполномоченного Совнаркома СССР. Управлением были подготовлены и рекомендованы к печати брошюры «Домой, на Родину!»: О возвращении на Родину советских граждан, освобожденных из фашистской неволи» (автор Н. Ф. Брычев) и «Правда о победах Красной Армии» (автор И. Я. Фомиченко). Тираж каждого издания составлял 50 тыс. экз. [3, с. 154]. Брошюру Н. Ф. Брычева, напечатанную в 1944 г., ввиду ее актуальности выпустили в 1945 г. дополнительным тиражом [8].

Отделение печатной агитации и пропаганды Управления подготовило к публикации брошюры «Вас ждут сверстники» (Л. Коробов), «Родина знает о твоих муках» (М. Вистинецкий), «Как советский народ помогает Красной Армии» (А. Кривицкий). Брошюры были изданы тиражом 20 000 экземпляров и пользовались особой популярностью у перемещенных лиц [3, с. 93].

Под грифом Управления Уполномоченного Совнаркома СССР военное издательство Народного Комиссариата Обороны в 1945 г. опубликовало брошюру Д. И. Заславского «Смерть и муки

советских людей под пятой немецких извергов» [9]. В малоформатном издании приводились факты чудовищных преступлений гитлеровцев, совершенных на оккупированной советской территории против мирного населения – стариков, женщин, девушек, детей. В публикации упоминались угнанные на чужбину соотечественники, освобожденные Красной армией или ожидавшие часа своего освобождения. Завершалось издание заверением в скорейшем освобождении всех советских граждан, томившихся в неволе, непременно в воссоединении их с семьями, обязательном включении прибывших в процесс восстановления народного хозяйства СССР. Содержание брошюры Д. И. Заславского заканчивалось проникновенными словами, обращенными к репатриантам, их патриотическим чувствам: «Не верьте, друзья, врагу, который распространяет слухи, будто вас забыли на Родине, будто к вам относятся с враждой и недоверием, будто не найдется для вас крова, приюта и работы. Ложь эта немецкая, фашистская! Не переставало никогда болеть о вас горячее советское сердце. Ждут вас родные ваши города и сёла. У каждого из вас есть тут близкие люди. О всех позаботится родная советская власть. Здесь ждут вас ваши братья, сыновья, матери, сёстры, жёны. А кто потерял родных своих, того примет с сердечной лаской вся великая советская семья» [9, с. 32]. Подобные обращения помогали советским людям, оторванным от Родины в течение длительного времени, преодолевать недоверие к проводившимся репатриационным мероприятиям, принимать решения о возвращении на родную землю.

До 1 марта 1946 г. для репатриантов было издано на русском языке 19 названий общим тиражом 1,1 млн экз. Брошюры выходили также на украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В пропагандистской работе широко использовалась и наглядная агитация. Выпускались специальные плакаты: «Ждем тебя, родимый, из фашистской неволи!» (Н. Жуков), «Возвращайся скорее на Родину!» (В. Иванов), «Мы ждем тебя из немецкой неволи!» (В. Корецкий), «Здравствуй, Родина-мать!» (Н. Ватолина), «Возвращение в родной колхоз» (Б. Мухина) и др. [10]. Общий тираж плакатов составил 105 тыс. экз. [7, с. 251].

Повседневная практика политической и воспитательной работы с репатриантами включала периодические издания. В газетах «Правда» и «Известия» печатались не только интервью Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, но и статьи, информационные заметки о репатриации. В сборные лагеря поступали газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Бакинский рабочий», «Вышка», газеты на азербайджанском и армянском языках [3, с. 100]. Для репатриантов издавались и специальные газеты. Таким образом, у перемещенных

лиц формировалось ощущение связи с Родиной, об их поддержке, сопричастности к будущим великим делам и свершениям после возвращения в Советский Союз.

Различные формы идеологической и культурно-массовой работы использовались непосредственно в местах сбора советских граждан. Майор Польшалов в записке «О продланной работе по репатриации советских граждан в зоне 12-й армейской группы за период с 19 апреля по 20 августа» в 1945 г. сообщал: «В каждом лагере начали работать клубы, во многих лагерях футбольные, волейбольные и баскетбольные команды. В мелких лагерях организовывались музыкальные и драматические кружки, в крупных лагерях начали работать радиоузлы, во всех лагерях по подразделениям выпускались боевые листки, а в целом по лагерю – стенные газеты. В распорядок дня была введена политинформация. Метод наглядной агитации (витрины, плакаты, лозунги, диаграммы, стенгазеты и др.), популяризация наиболее важных правительственных решений и последних событий в стране заставляли основную массу советских граждан выполнять все требования, предъявляемые им, установленные администрацией или командованием лагерей» [2, л 345].

Использование разных форм агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной работы приносило ожидаемые результаты. Так, старший инструктор политотдела Управления, капитан А. П. Тихомиров 4 декабря 1944 г. докладывал о настроениях репатриантов, находившихся в Иране: «Подавляющая часть офицерского, сержантского и рядового состава встретила с огромной радостью весть о возвращении на родину. На митинге в Бендер-Шахе, проведенном офицерским составом, благодарили советское правительство, давшее возможность советским гражданам вернуться на родную землю. Единодушно высказывали желание вступить в ряды действующей Красной Армии с тем, чтобы в боях доказать свою любовь и преданность матери-Родине» [3, с. 100]. Майор Польшалов сообщал о результатах аналогичной работы в зоне оккупации Двенадцатой американской армейской группы: «Все эти мероприятия дали возможность навести надлежащий порядок и воинскую дисциплину, прекратить массовые грабежи, пьянство и мародерство» [2, л 345].

Специфика агитационно-пропагандистской и воспитательной работы с перемещенными лицами в местах их временного пребывания подсаживала репатриационным органам необходимость использовать весь имеющийся в их распоряжении арсенал форм и методов, включая агитационные пункты.

Агитпункты для репатриантов планировалось создавать в первую очередь в немецких, польских и советских портовых городах, в приграничных поселках и на железнодорожных

станциях – Шталлюпенене, Люблине, Дембице, Воловецце, Любеке, Кенигсберге, Одессе, Риге, Таллине, Ленинграде, Пскове, Минске, Гомеле, Чернигове, Киеве, Проскурове (современный Хмельницкий), где ожидался массовый приезд перемещенных лиц. Предполагалось, что на территории СССР к созданию и организации работы агитпунктов будут привлечены политуправления фронтов и военных округов, обкомы ВКП(б) [3, с. 120].

Содержание работы агитпунктов в сборно-пересыльных пунктах, лагерях, созданных в эшелонах, перевозивших репатриантов, было идентично. Об этом свидетельствовал «План политико-просветительных мероприятий по обеспечению репатриации советских граждан из Германии и прилегающих к ней стран» (раздел «Политико-просветительная работа на перевалочных и приемных пунктах»). План, утвержденный Ф. И. Голиковым в декабре 1944 г., предусматривал создание в агитационных пунктах консультационно-справочной службы, чтение докладов и проведение бесед, просмотр кинофильмов, организацию выступлений концертно-театральных бригад, местных коллективов художественной самодеятельности, организацию митингов, встреч с героями Великой Отечественной войны и тружениками тыла [3, с. 120].

Арсенал средств идеологического и воспитательного воздействия на сознание репатриантов включал лекции разнообразной тематики. Принимая во внимание длительную изоляцию перемещенных лиц от Родины, их продолжительное пребывание за границей, политорганы стремились заполнить информационный вакуум соотечественников, регулярно предоставляли перемещенным лицам сведения о внутреннем и международном положении СССР, дополняли представленную информацию комментариями агитаторов и пропагандистов. Так, репатриантам в местах сбора были прочитаны лекции «Военное и политическое положение Советского Союза», «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне», «Сталин – великий полководец и вдохновитель побед Красной Армии», «Обзор военных действий наших союзников в Западной Европе». В стадии обсуждения в Управлении находились тексты лекций «Германия в тисках между двумя фронтами», «Упрочение и расширение фронта противогерманской коалиции. Вопрос о мире и безопасности» [3, с. 92–93].

Особая роль в агитационно-пропагандистской и воспитательной работе с перемещенными лицами отводилась документальному и художественному кино. Кинематограф, по сравнению с печатными изданиями, располагал большими возможностями эмоционального воздействия на сознание людей. Документальное и художественное кино вызывало ностальгические чувства у находившихся за границей, – одновремен-

но грусти и радости при воспоминаниях о доме, семье, друзьях, Родине.

Учитывая популярность кино среди советских граждан, огромную роль кинематографа в воспитательном процессе, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан достигло договоренности с Всесоюзной государственной конторой по киноимпорту и киноэкспорту (Совинторгкино) о выделении кинофильмов для демонстрации в странах, где находились репатрианты [3, с. 153]. Обсуждался вопрос о съемках документальных фильмов о возвращении граждан в Советский Союз. Майор В. Е. Голованов, занявший должность начальника политпросветотдела Управления Уполномоченного, 23 января 1945 г. докладывал генерал-лейтенанту К. Д. Голубеву: «В кинохронике, по нашей инициативе и при нашем участии, проведено производственное совещание по вопросу о создании полнометражного фильма “Возвращение на Родину”. Создана и приступила к работе творческая группа кинохроники – автор сценария, режиссер и кинооператоры, которая в процессе подготовки полнометражного фильма будет снимать по нашим заявкам материал для киножурналов, посвященных ходу репатриации» [3, с. 154].

В 1946 г. кинооператоры М. Ошурков и Р. Халушаков завершили работу над документальным фильмом «Возвращение на Родину». Беззвучный фильм зафиксировал прибытие советских репатриантов во французский порт. Кадры кинохроники запечатлели посадку на пароход «В. М. Молотов» граждан Западной Украины и Западной Белоруссии, труд которых использовался во Франции [11].

Несмотря на предпринимаемые усилия по улучшению организации агитационно-пропагандистской, культурно-массовой и воспитательной работы среди репатриантов в ней присутствовали определенные сложности. О недостатках в агитационно-пропагандистской и воспитательной работе среди репатриантов, находившихся в Восточной Пруссии, сообщалось в докладной записке, направленной 8 марта 1945 г. лектором отделения устной агитационной пропаганды политпросветотдела, майором М. Г. Лукьяновым на имя полковника Г. С. Логунова. В документе отмечалось, что заместитель начальника отдела репатриации Третьего Белорусского фронта гвардии полковник Фекулов работу среди репатриантов в сборных пунктах, расположенных в зоне ответственности фронта, не проводил, за исключением организации единственного кинопоказа. М. Г. Лукьянов докладывал: «В Военном совете фронта чл[ены] Военного совета ген[ерал]-лейтенант т. Хохлов и начальник Политуправления фронта ген[ерал]-майор т. Казбинцев совершенно правильно рассуждают, как надо проводить политпросветработу, как среди советских репатрируемых

гр[ажд]ан, так и среди иностранцев, но по своей линии также не дали никаких директивных указаний фронтовому отделу по делам репатриации и не обеспечили сборные пункты хотя бы минимальным количеством политработников и материальными средствами для развертывания политпросветработы на сборных пунктах» [3, с. 179–180]. В документе указывалось, что в местах сбора советских граждан отсутствовали необходимая литература, плакаты и портреты; из-за неимения музыкальных инструментов не была организована художественная самодеятельность [3, с. 180].

Работу с репатриантами во многом затрудняло неуважительное, хамское и преступное отношение отдельных военнослужащих к освобожденным советским девушкам и женщинам. О фактах грубого и противоправного обращения с репатриантками сообщал секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в докладной записке, направленной 29 марта 1945 г. секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову.

Секретарь ЦК ВЛКСМ ссылался на полученную в Центральном Комитете комсомола записку от помощника начальника Политуправления Первого Украинского фронта по комсомольской работе А. Я. Цыганкова: «Вместе с этим тов. Цыганков сообщает, что ряд комендатур плохо проводят политико-воспитательную работу среди освобожденной советской молодежи, не проявляют заботы о создании ей элементарных бытовых условий. Имеют место возмутительные факты хамского отношения со стороны отдельных бойцов и офицеров к женщинам и девушкам» [3, с. 199].

Основываясь на содержании записки А. Я. Цыганкова, Н. А. Михайлов приводил факты преступного отношения бойцов и командиров Красной армии к освобожденным соотечественницам: «В распоряжении комендатуры города Бунцлау (комендант города майор Кравченко, зам. коменданта по политчасти майор Рудаков) находилось более 100 женщин и девушек. Они размещались в отдельном здании неподалеку от комендатуры, однако надлежащей охраны общежития не организовано. Вследствие этого имеют место многочисленные факты издевательства, оскорбления и даже изнасилования женщин, проживающих в общежитии, со стороны отдельных военнослужащих, которые особенно в ночное время врываются в общежития и буквально терроризируют девушек» [12, л 42; 1, с. 199].

Н. А. Михайлов приводил вопиющий факт безнравственного поведения красноармейцев: поздно вечером 5 марта 1945 г. в общежитие, где находились репатриантки, проникло около 60 военнослужащих из 3-й гвардейской танковой армии. Большинство военных было пьяно. Военнослужащие приставали к девушкам, оскорбляли

их. Несмотря на приказ коменданта покинуть общежитие, группа танкистов «продолжала дебош, угрожала оружием, учинила драку» [3, с. 199].

В селах и фольварках, расположенных в районе ответственности военной комендатуры города Ельса, находились женщины и девушки, которые ухаживали за скотом, работали на хлебных складах. По словам Н. А. Михайлова, с ними также обращались бесцеремонно. В ночь с 14 на 15 февраля 1945 г. на одном из фольварков, где содержался домашний скот, прибыла штрафная рота во главе со старшим лейтенантом, фамилия которого не была установлена. Военнослужащие оцепили ферму, выставили пулеметы, ранили красноармейца, охранявшего женское общежитие, после чего началось изнасилование женщин и девушек. Только утром бесчинствующие военнослужащие были задержаны и арестованы [3, с. 200].

Преступления военных были зафиксированы и в других местах пребывания репатрианток. В ночь с 23 на 24 февраля 1945 г. группа офицеров и курсантов фронтовых курсов младших лейтенантов в количестве 35 чел. появилась в пьяном виде на фольварке Груттенберг, где бесчинствовали, хулиганили, с женщинами и девушками вели себя дерзко и вызывающе, приставали к женщинам и устроили пьяный дебош [12, л 42; 1, с. 200]. 27 февраля 1945 г. в населенном пункте Гутванен появился старший лейтенант (фамилия его также не была выявлена) и, подойдя к работавшим девушкам, спросил одну из них – Анну Гриценко, откуда она. Получив ответ, грубо выругался и приказал идти за ним. Когда репатриантка отказалась выполнить требование, выстрелом из пистолета он тяжело ранил девушку, а затем скрылся [3, с. 201].

Отдельные офицеры, сержанты и представители рядового состава распространяли среди освобожденных провокационные слухи: «Есть приказ вас в Советский Союз не пускать, поэтому, если кого и пустим, будете жить на Севере» [12, л 43; 3, с. 201].

Происшествия, связанные с насилием и произволом отдельных военнослужащих, угнетающе действовали на освобожденных соотечественниц, усиливали их страх перед будущим, подталкивали репатрианток к самоубийствам. Ева Штуль, 1926 года рождения, так рассказывала о своих переживаниях: «У меня отец и два брата ушли в Красную Армию в начале войны. Вскоре, как пришли немцы, я была насильно схвачена и вывезена в Германию. Здесь работала на заводе, в слезах ожидала светлого дня освобождения. Наконец, пришла Красная Армия и ее же бойцы надругались над моей девичьей честью. Я плакала, вырывалась, говорила старшине о том, что мои братья тоже воюют, а он избил меня и изнасиловал. Лучше бы он застрелил меня...» [3, с. 201]. Гражданка Мария Шаповалова заявляла: «Я днем и ночью ждала прихода Красной

Армии, ждала своего освобождения. А вот сейчас бойцы к нам относятся хуже, чем немцы. Я не рада, что живу на свете» [12, л 41]. Об этом же говорила Клавдия Малащенко: «Тяжело нам было жить у немцев. Да вот и сейчас нерадостно. Какое же это освобождение, когда над нами так издеваются» [12, л 41; 3, с. 200]. Общее настроение женщин и девушек, находившихся в зоне ответственности комендатуры в г. Ельс, было выражено в следующих словах репатриантки: «Всё было бы хорошо, если бы над нами не смеялись, не издевались, не насиловали, а относились бы к нам, как к советским людям» [12, л 43].

Н. А. Михайлов в записке Г. М. Маленкову отмечал, что факты распущенности и хамского отношения к освобожденным девушкам и женщинам – результат не только неудовлетворительной работы комендантских служб, но и безнаказанности отдельных военных. Секретарь ЦК комсомола подчеркивал: «Все это является почвой для нездоровых отрицательных настроений среди освобожденных советских граждан, вызывает их недовольство и недоверие, с которыми они будут возвращаться на Родину» [12, л 44].

Материалы, поступавшие в ЦК ВКП (б) из ЦК ВЛКСМ, от Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, использовались при подготовке проекта постановления Центрального Комитета партии «О политико-воспитательной работе среди репатриированных советских граждан» [12, л 45].

На фронтовом и армейском уровне отдавались приказы, обязывавшие командный состав немедленно реагировать на проявления вседозволенности в отношении лиц женского пола, вызволенных из немецкой неволи. 11 апреля 1945 г. начальник Политического управления Первого Украинского фронта, генерал-майор Ф. В. Яшечкин направил начальникам политотделов армий, отдельных корпусов и соединений фронтового подчинения, заместителям военных комендантов по политической части указание о запрещении самовольной задержки и использования на работах освобожденных советских граждан, усилении политико-воспитательной работы с освобожденными, искоренении случаев насилия и издевательства над женщинами-репатриантками [3, с. 206–207]. Командиров воинских частей, руководителей политорганов, военных комендантов обязывали принимать строгие и действенные меры по ограждению женщин и девушек от хулиганствующих элементов, не допускать случаев насилия над репатриантками. С виновниками беззакония и произвола рекомендовалось «вести самую суровую борьбу в судебном и партийном порядке» [3, с. 208]. Военные коменданты городов, руководители политорганов были призваны постоянно разъяснять личному составу, что «насилия и издевательства над женщинами глубоко чужды воинам К[расной] А[рмии] и должны искореняться беспощадно» [3, с. 208].

Идеализировать результативность деятельности Управления Уполномоченного, идеологических и воспитательных структур среди советских перемещенных лиц, естественно, нет оснований. После завершения Великой Отечественной и Второй мировой войны около 500 тыс. человек в силу разных причин и обстоятельств не возвратились в СССР и составили так называемую «вторую волну эмиграции». В разных исследованиях число невозвращенцев варьируется от 285 тыс. до 451 тыс. чел. [13]. Отказывались возвращаться на Родину те, кто опасался возможных репрессий, верил в обещания превосходной жизни на Западе либо создал семьи с иностранными гражданами. Но полмиллиона «невозвращенцев» свидетельствовали и о допущенных просчетах в идеологической и воспитательной работе.

Список литературы

1. Штельцль-Маркс Б. «Родина ждет Вас...». Политико-агитационная работа среди бывших белорусских принудительных рабочих // Остарбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии = Ostarbeiter. Wiebrussische Zwangsarbeiter in Osterrich : документы и материалы. Ин-т по исслед. последствий войн (Грац, Австрия) и др.; [сост. : Г. Кнатько, Харальд Кноль, Петер Руггенталер, Барбара Штельцль-Маркс, Арно Вониш]. Минск : Нац. арх. Беларуси ; Грац : Институт по исследованию последствий войн, 2003. С. 45–61.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9526 («Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации»). Оп. 1. Д. 200.
3. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сборник документов : в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полтарацкая ; при участии С. Дальке, М. Уля. М. : Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1. 877 с.
4. Репатриация советских граждан. М. : Военное издательство Военного Комиссариата Обороны, 1945. 51 с.
5. Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.
6. Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.
7. Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 11 / отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., 2013. С. 244–284.
8. Брычев Н. Ф. Домой, на Родину!: О возвращении на Родину советских граждан, освобожденных из фашистской неволи. М. : Военное издательство, 1945. 31 с.
9. Заславский Д. Смерть и муки советских людей под пятой немецких извергов. М. : Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1945. 32 с.
10. Пивоваров Н. О репатриации советских граждан в СССР. URL : <http://www.world-war.ru/o-repatriacii-sovetskix-grazhdan-v-sssr/> (дата обращения : 24.01.2023).
11. Каталог кинофото документов. URL : <http://oldrgakfdru/catalog/films/> (дата обращения : 15.01.2023).
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)). Оп. 125. Д. 314.
13. Мозжухин А. «Из русской свиньи я превратилась в немецкую подстилку». Угнанные в Германию советские люди выжили, чтобы попасть в ад на родине. URL : <http://rtem.ru/5904.html> (дата обращения : 17.01.2023).

Поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 322–326
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 322–326
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-322-326>, EDN: YHPYCF

Научная статья
УДК [378.091.3:379.8](477)|1953/1964|

Работа студенческих клубов вузов Украинской ССР как средство организации досуга в период «хрущевской оттепели»

Н. Н. Власова

Донецкий национальный технический университет, Россия, 283001, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, ул. Артема, д. 58

Власова Наталья Николаевна, магистр истории, ассистент кафедры философии, nnnata08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3265-5967>

Аннотация. В статье рассматривается досуг студентов УССР в 1953–1964 гг. на примере Киевского государственного университета, Харьковского государственного университета, Одесского государственного университета, Львовского государственного университета и Сталинского (Донецкого) государственного педагогического института. Уделяется внимание культурному отдыху студентов, деятельности студенческих клубов в высших учебных заведениях и работе разных кружков художественной самодеятельности, которые дают возможность всесторонне развиваться личности.

Ключевые слова: студенчество, досуг, культурный отдых, клуб, кружки, Украинская ССР

Для цитирования: Власова Н. Н. Работа студенческих клубов вузов Украинской ССР как средство организации досуга в период «хрущевской оттепели» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 322–326. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-322-326>, EDN: YHPYCF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The work of student clubs of universities of the Ukrainian SSR as a means of organizing leisure during the “Khrushchev thaw”

N. N. Vlasova

Donetsk National Technical University, 58 Artem St., Donetsk, Donetsk People’s Republic 283001, Russia

Natalia N. Vlasova, nnnata08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3265-5967>

Abstract. The article deals with the leisure of students of the Ukrainian SSR in 1953–1964 on the example Kyiv State University, Kharkov State University, Odessa State University, Lviv State University and Stalin State Pedagogical Institute. Attention is paid to the cultural recreation of students, the activities of student clubs in higher educational institutions and the work of various amateur art circles, which provide an opportunity for the comprehensive development of personality.

Keywords: students, leisure, cultural recreation, club, circles, Ukrainian SSR

For citation: Vlasova N. N. The work of student clubs of universities of the Ukrainian SSR as a means of organizing leisure during the “Khrushchev thaw”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 322–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-322-326>, EDN: YHPYCF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Досуг – это важная часть молодежной культуры, в которой находят отражение особенности мировоззрения и эстетического воспитания молодого поколения. Вместе с тем изучение студенческого досуга позволяет лучше понять как функционирование вузовской системы, так и повседневную жизнь городского населения в тот или иной исторический период. В годы так называемой «хрущевской оттепели» в Советском Союзе произошли большие изменения, которые затронули не только политическую, социально-экономическую и культурную жизнь страны, но и

сферу молодежной политики. Новое руководство страны стало уделять больше внимание воспитанию юношества и молодежи, в частности наиболее образованной и активной ее части – студенчества – будущих строителей коммунистического общества.

В советский период 1970–1980 гг. теме студенческого досуга не уделялось большого внимания и она не принадлежала к числу приоритетных. В настоящее время эта проблема привлекла внимание ряда исследователей, но считать ее в достаточной степени изучен-

ной пока нет оснований. Можно назвать только несколько работ общего характера, где фрагментарно уделяется внимание культурному отдыху студентов. Так, в студенческом сборнике «Дела студенческие» [1] анализируются жизнь и деятельность студентов в период 1953–1964 гг. Однако данный сборник носит не аналитический, а скорее информационный характер, поэтому не может считаться серьезным научным исследованием. В книге «Студент и его деятельность» [2] рассмотрены основные виды повседневной деятельности студентов и их культурный отдых. При этом проблема досуга студентов автором лишь обозначена. Несколько подробнее данная тема освещена в сборнике статей «Студенческий клуб» [3], в котором речь идет о различных клубных учреждениях в советских вузах, о воспитательной роли художественной самодеятельности, о партийном руководстве деятельностью клуба. В книге «Студенческие группы» [4] подробно рассматриваются роль и место студенческой группы в системе подготовки будущих специалистов, уделяется внимание роли студенчества в советском обществе. Теме культурного отдыха студентов вне учебного времени отведено самое незначительное место.

В целом можно констатировать, что тема досуга советского студенчества, в том числе в 1950–1960-х гг., не получила должного освещения как в масштабах всего Советского Союза, так и на уровне отдельных регионов и высших учебных заведений. В этой связи несомненный интерес представляет обращение к досуговой части повседневной жизни студенчества обозначенного периода высших учебных заведений Советской Украины, расположенных в разных частях (восток, центр, запад, юг): Харьковского государственного университета им. М. Горького, Сталинского государственного педагогического института, Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Львовского государственного университета им. И. Франко и Одесского государственного университета им. И. Мечникова. Изучение материалов по этим вузам дает возможность представить не только региональную специфику, но и дать обобщенную картину досуга советского студенчества во времена «хрущевской оттепели», хотя бы на уровне отдельной союзной республики.

Источниковой базой статьи послужили документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, а именно годовые отчеты за 1953–1964 гг. о работе названных вузов, в которых содержится информация о студенческих клубах.

Если обратиться к страницам жизни студентов советских вузов 1950–1960-х гг., то образно можно представить следующую картину. Окончены занятия. Пустеют аудитории, в коридорах, на лестничных площадках, в вестибюлях университетских зданий стоит веселый гул, что

делать теперь? Об этом думает каждый студент, который находит себе занятия по вкусу. Одни спешат в кино или театр. Другие надевают тренировочные костюмы и идут заниматься в различных спортивных секциях. А многие в свободное от учебы время идут к своим ровесникам на заводы и фабрики, к младшим братьям и сестрам в школы. Выполняя свой общественный долг, многие студенты активно участвуют в различных кампаниях, проводимых партией, выступают с лекциями и докладами, проводят беседы, шефствуют над пионерскими организациями. Трудно перечислить все. Часть студентов проводила свое время не в очагах культуры, а дома, на улице, за городом, общаясь со своими сверстниками или товарищами. Все это входило в так называемый нерегламентированный досуг.

Практически в каждом высшем учебном заведении были студенческие клубы, в которых большинство студентов проводили свой культурный досуг. Студенческие клубы в первую очередь объединяли различные кружки художественной самодеятельности. О воспитательном значении художественной самодеятельности можно судить не только по правильно поставленной учебной работе, по проведению концертов и традиционных смотров, но и по тому, как художественная самодеятельность участвует в общественной жизни страны. Вместе с тем студенческий клуб – это место встреч и дискуссий со многими деятелями культуры и искусства, сверстниками.

Богатые традиции имел студенческий клуб Харьковского государственного университета, который в послевоенные годы наладил систематическую работу по эстетическому воспитанию молодежи. При нем работало 6 кружков художественной самодеятельности: хоровой, вокальный, балетный, драматический, художественного слова и эстрады и духовой оркестр. Кроме того, 28 кружков работали на факультетах, в которых в 1955/56 учебном году принимали участие 960 чел., что составляет 16% от общего количества студентов университета. Эти кружки также взаимодействовали с университетским студенческим клубом. Все студенческие коллективы работали под руководством квалифицированных специалистов. Традиционно в марте – апреле студенческий клуб проводил межфакультетские смотры художественной самодеятельности, в которых, в частности 1955/56 учебном году, принимали участие 1300 чел. Первые места завоевали на смотре коллективы исторического и биологического факультетов, 29 лучших участников художественной самодеятельности были награждены грамотами обкома комсомола, 25 чел. – ценными подарками. Особенность работы студенческих клубов в то время состояла в том, что их деятельность не замыкалась в стенах вузов, они стремились показать свои достижения широкой публике. Так, в том же 1955/56 учебном

году участники художественной самодеятельности ХГУ дали свыше 80 концертов на заводах, в подшефных колхозах, на вечерах в университете [5, л. 46–110].

Как видно из документов, активность в этом направлении студенческого клуба с каждым годом возрастала. В 1958/59 учебном году только в колхозах студенты дали 30 концертов художественной самодеятельности. Весьма плодотворным для коллективов клуба ХГУ оказался 1963/64 учебный год, когда было проведено 526 концертов. Оценивая большую работу коллектива университета, областной совет профсоюзов наградил самодеятельность университета 20-дневной путевкой по р. Волге на теплоходе, а 30 лучших участников побывали с концертами в Венгрии [6, л. 69].

Львовский государственный университет являлся старейшим высшим учебным заведением на территории УССР. В середине 1950-х гг. Западная Украина только еще усваивала элементы советского образа жизни. Но и в этом вузе культурно-массовая работа уже стала неотъемлемой частью студенческой жизни. При университетском клубе работало 8 кружков художественной самодеятельности: хоровой, струнный, вокальный, танцевальный, духовой оркестр, украинский и русский драматический кружки. Местный колорит придавало наличие в клубе капеллы бандуристов. Всего в 1955/56 учебном году в кружках занимались более 300 чел., что составляло 10,6% от общего количества студентов университета. На факультетах тоже действовали различные кружки, в которых в это время состояло почти 400 чел. Студенты принимали участие в концертах, ставили спектакли. В том же учебном году они провели 46 концертов художественной самодеятельности. В 1958/59 учебном году участниками студенческого клуба было проведено уже 70 вечеров, на которых побывало до 40000 зрителей.

Участники художественной самодеятельности подготавливали и проводили концерты, посвященные памятным событиям: 20 лет воссоединения Западной Украины с УССР, 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Помимо этого, они выступали на университетских вечерах, в доме народного творчества, в театре им. М. Заньковецкой, в местном парке культуры. Концерты художественной самодеятельности транслировались по радио. С середины 1950-х гг. в ЛГУ стали активно проводить также тематические вечера, приуроченные, как правило, к праздничным датам. Особенно тщательно готовились вечера, посвященные дню рождения Т. Г. Шевченко и И. Франко, имя которого носил университет. В вузе систематически, три раза в месяц, организовывались культпоходы на выставки, устраиваемые львовскими театрами, билеты на которые студентам продавались со скидкой. Как

правило, после посещения театров проходили обсуждения спектаклей. Это мероприятие, помимо эстетического содержания, имело значение также в плане развития аналитического мышления. За 1955/56 учебный год клубом было проведено 12 экскурсий во львовские музеи и по историческим местам г. Львова.

Во Львовском государственном университете активно действовала литературная студия, которая объединяла начинающих поэтов, прозаиков и критиков. Произведения студентов публиковали в университетской многотиражной газете «За радянську науку», в областных и республиканских газетах и журналах, а также в литературном альманахе университета. Студия живописи объединяла 30 художников-любителей, с целью повышения мастерства которых им читали лекции профессиональные художники Львова. При клубе университета был также организован музыкальный лекторий, который посещали 450 студентов. Лекции были направлены на развитие способностей занимавшихся в кружках молодых певцов, танцоров и артистов, игравших на различных музыкальных инструментах [7, л.76].

Не менее активно развивал культурно-массовую работу студенческий клуб в Сталинском (Донецком) государственном педагогическом институте. При нем функционировало 7 кружков: хоровой, оркестр народных инструментов, хореографический, эстрадный, духовой оркестр, драматический кружок, вокальный. В этих кружках занимались в 1956/57 учебном году более 230 чел., что составляет 8,4% от общего количества студентов университета. В хоре принимали участие более 70 чел. в репертуаре которого были в основном произведения в четырехголосном исполнении. Хор ежегодно пополнялся за счет студентов I курса. В вокальном кружке участвовали 14 чел. Репертуар этого кружка включал песни советских композиторов, русскую и украинскую классику, а также песни зарубежных стран. Коллектив хореографического кружка состоял из 36 чел., в его репертуаре были танцы народов СССР. Оркестр народных инструментов насчитывал 20 участников. Его репертуар состоял из русских народных песен, музыки композиторов Чайковского, Глинки и др. Духовой включал 24 участника. В репертуар этого кружка входили гимны, марши. Драматический кружок посещали 26 чел. Им была поставлена пьеса «Возвращение». Кроме того, был показан ряд одноактных пьес. Участники художественной самодеятельности проявили большую активность в областном фестивале молодежи и студентов. Все они были отмечены дипломами. В течение 1956/57 учебного года участники художественной самодеятельности дали 18 концертов, выступая перед шахтерами, молодежью города, школьниками, на телецентре, на факультетских вечерах. Для обмена опытом коллектив

самодеятельности выезжал в г. Харьков (Харьковский горный институт, где дал 2 концерта) и в г. Жданов (металлургический институт, где также дал 2 концерта). Каждый год участники художественной самодеятельности проводили отчетный концерт. При студенческом клубе работал художественный совет, который обсуждал и утверждал репертуар и рабочий план кружков. Деятельность клуба часто освещалась в газете «Советский студент». В целях развития эстетического воспитания студентов в институт приглашались артисты с концертами, гастролировавшие в г. Сталино. Так, в институте выступали ведущие артисты театров города, украинский ансамбль песни и пляски, артисты Ленинградской эстрады. В 1956/57 учебном году было организовано 8 культпоходов в театр оперы и балета им. Артема [8, л. 66–105].

В Одесском государственном университете в студенческом клубе действовали 8 кружков: хоровой, хореографический, вокальный, домровый оркестр, эстрадный, духовой оркестры, драматический русский кружок и кружок украинской драмы. В них в 1955/56 учебном году приняли участие 300 студентов, что составляет 8,2% от их общего количества. Кроме того, кружки художественной самодеятельности действовали на всех факультетах университета. Они охватывали 400 чел. Участники коллективов провели 32 вечера отдыха и 2 вечера интернациональной дружбы. Было также дано 74 концерта в городах и селах области, что в 2 с лишним раза больше, чем 2 года назад. В смотре художественной самодеятельности вузов коллектив Одесского университета занял 1-е место [9, л. 156]. Во многом это было сделано на энтузиазме руководителей и самих участников кружков художественной самодеятельности, поскольку в послевоенной Одессе многие такого рода коллективы испытывали значительные трудности с оборудованием и помещениями для репетиций. В отчетах постоянно отмечалась роль ректора и профкома университета в улучшении положения в этом направлении.

Следует отметить еще одну важную сторону деятельности студенческого клуба Одесского университета, которая выделяла его среди других вузов республики. С начала 1950-х гг. в студенческом клубе ОГУ 17–18 раз в месяц стали демонстрироваться художественные кинофильмы. Проводились кинофестивали по революционной тематике, показы документальных и научно-технических фильмов. Площадка студенческого клуба использовалась различными кафедрами для демонстрации учебных фильмов. Одной из интересных форм работы клуба Одесского университета стали еженедельные культпоходы в кино, в музеи и экскурсии по историческим местам города. Проведение культпоходов, как правило, завершалось последующими их обсуждениями, которые позволяли студентам делиться

своими впечатлениями от увиденного и закрепляли полученные знания. Во время зимних каникул организовывались экскурсии на местные заводы им. Сталина, НКМЗ и др. Тем самым, по мнению руководства вуза, обеспечивалась связь образования с производством даже студентов непрофильных специальностей [10, л. 139].

Естественно, большими возможностями для выстраивания клубной работы располагал столичный Киевский государственный университет. В распоряжении клуба имелся зал на 250 мест, где проводились смотры художественной самодеятельности факультетов, вечера, встречи, концерты. Помимо их организации, клуб много внимания уделял своим коллективам, получившим известность в стране: хор «Днепр», народный ансамбль «Молодость», ансамбль балльных танцев. Примечательно, что клуб КГУ развивал художественное творчество студентов и в плане рукоделия: здесь действовали кружки кройки и шитья, художественной вышивки и др. Правление клуба еженедельно проводило заседания, а раз в год – клубную конференцию, на которых обсуждались актуальные вопросы клубной жизни. Тем самым реализовывались демократические основы деятельности таких организаций, разумеется, под контролем партийных организаций.

В 1956 г. коллектив художественной самодеятельности Киевского университета в составе 300 чел. выезжал с концертами в Москву. Каждый год он принимал участие во всех смотрах и конкурсах, которые проводились районными и областными организациями. В 1962 г. ансамбль «Веснянка» выезжал с концертами в Саратов, Москву, а ансамбль «Молодость» – в Ленинград. В 1963 г. хор «Днепр» был гостем Ленинградского университета. В июле – августе 1963 г. участники художественной самодеятельности дали 51 концерт на целинных землях Кустанайской области [11, л. 124–229].

Работа клубов помогала организовать культурный отдых студентов. Набор кружков в различных вузах почти не отличался. В них занимались более 3% общего контингента студентов. Культурно-массовая работа в вузах УССР в исследуемый период давала возможность студентам проявить себя в различных видах и жанрах художественной самодеятельности, раскрыть свои таланты, которые были так нужны стране. Хотя в работе некоторых клубных кружков имели место появления формализма, они в то время были важным средством эстетического воспитания студенческой молодежи. Вузовские клубы также способствовали повышению культурного уровня трудящихся республики, поскольку студенческие коллективы проводили концерты для колхозников и рабочих предприятий.

Список литературы

1. «Дела студенческие» : Студенческий сборник. М. : Издательство МГУ, 1960. 160 с.
2. Студент и его деятельность / под ред. Г. П. Давидюка. М. : Издательство МГУ, 1978. 160 с.
3. Студенческий клуб : сборник статей / под ред. С. И. Курбатова, А. М. Докусова. Л. : Ленинград, 1968. 311 с.
4. Студенческая группа / под ред. В. Грошева, В. У. Горелова. М. : Молодая гвардия, 1980. 190 с.
5. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ). Ф. Р-4621 (Министерство высшего образования УССР, г. Киев). Оп. 2. Д. 33.
6. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р.-2792 (Министерство образования УССР, г. Харьков). Оп. 7. Д. 2294.
7. ЦГАВОВУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 22.
8. Государственный архив Донецкой области. Ф. Р-3765 (Министерство образования УССР, г. Донецк). Оп. 1. Д. 294.
9. ЦГАВОВУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 25.
10. Государственный архив Одесской области. Ф. Р-1438 (Министерство образования УССР, г. Одесса). Оп. 12. Д. 76.
11. ЦГАВОВУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 330.

Поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 12.04.2023

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–337
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

Научная статья
УДК 94(410-25+4-21)|1337/1360|

Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Лондона и городов континентальной Европы в первый период Столетней войны. Показано, что начало конфликта для горожан Лондона было сопряжено с необходимостью укреплять безопасность города, поставлять вооруженные отряды, субсидировать корону. Сохранялись контакты Лондона с городами континентальной Европы, прежде всего, Фландрии, «Английской Гаскони» и Нормандии. Важнейшим направлением коммуникации оставалась торговля, реализовывавшаяся в разных организационных формах, с широким использованием кредита. Сферами для взаимодействия также были возврат беглых учеников, разрешение имущественных и наследственных споров, вопросы о компенсации в случае грабежа и убийства купцов. Формулируется вывод о том, что Столетняя война создавала дополнительные возможности для обогащения, но и увеличивала риски, которые должны были учитывать горожане.

Ключевые слова: Лондон, города Фландрии, города Франции, Столетняя война, политика городских властей, защита города, пиратство, торговля, кредит, беглые ученики, имущественные и наследственные права

Для цитирования: Чернова Л. Н. Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

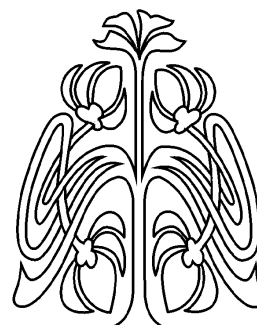
London and the towns of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War

L. N. Chernova

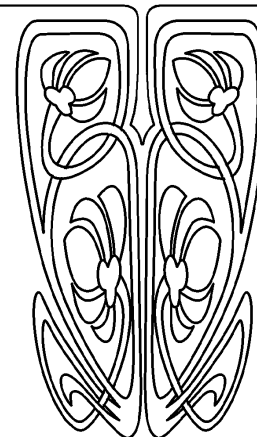
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Abstract. The article examines the relations between London and the cities of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War. It is shown that the beginning of the conflict for the citizens of London was associated with the need to strengthen the security of the city, supply armed detachments, subsidize the crown. London maintained contacts with the cities of Continental Europe, primarily Flanders, "English Gascony" and Normandy. The most important area of communication remained trade, which was implemented in various organizational forms,

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

with extensive use of credit. Also, the fields for interaction were the return of runaway apprentices, the solution of property and inheritance disputes, issues of compensation in case of robbery and murder of merchants. It is concluded that the Hundred Years' War created additional opportunities for enrichment, but also increased the risks that the citizens had to take into account.

Keywords: London, towns of Flanders, towns of France, Hundred Years' War, towns government policy, city defense, piracy, trade, credit, runaway apprentices, property and inheritance rights

For citation: Chernova L. N. London and the towns of Continental Europe in the first period of the Hundred Years' War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 327–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 1337 г. начался затяжной, более чем на столетие, конфликт между Англией и Францией, известный как Столетняя война (1337–1453), которая изменила облик многих европейских стран и затронула все сословия. Причины этого столкновения, его этапы и событийная канва, влияние на социальное и политическое развитие стран-участниц широко представлены в историографии – зарубежной [1–6] и отечественной [7–9]. Однако тема «Столетняя война и город» на сегодняшний день не может считаться основательно изученной. И если на французском и фламандском материале она в определенной мере отражена в исследованиях (достаточно назвать работы Н. И. Басовской [10, 11], С. К. Цатуровой [12], которая в 2000 г. впервые специально затронула данную проблему, и А. А. Майзлиш [13–17]), то городам Англии повезло значительно меньше. Несмотря на наличие ряда публикаций [18–21], цельного представления о жизни английского средневекового города в условиях длительного военного конфликта между Англией и ее союзниками, с одной стороны, и Францией с союзниками – с другой, пока не сложилось. А ведь в ходе Столетней войны города впервые заявили о себе как о самостоятельной экономической, политической и военной силе, и успехи королей по обе стороны Ла-Манша во многом обеспечивались поддержкой горожан.

Далеко не лучшим образом, за исключением некоторых городов Фландрии [14, 16, 17], обстоят дела с изучением социально-экономического аспекта темы «Столетняя война и город». И это несмотря на то, что данный конфликт, трансформировавший конфигурацию привычных экономических, прежде всего, торговых связей, заставлял все стороны, так или иначе втянутые в войну, находить новые возможности и формы взаимодействия, адаптироваться к жизни в условиях общей нестабильности.

Попытаемся выяснить, как складывались отношения между Лондоном, с одной стороны, и городами континентальной Европы – с другой, на первом этапе Столетней войны (Эдвардианская война), уделив более пристальное внимание 1350–1360 гг. Выбор именно таких хронологических рамок диктуется содержанием основного источника, материал которого лег в основу данного исследования. Речь идет о «Письмах мэров и корпорации города Лондона

1350–1370 гг.» [22]. Всего в этом издании насчитывается 353 письма за период 1350–1370 гг. (за исключением 1358–1362 гг.), которые представляют собой официальные документы, скрепленные подписями и, как правило, печатью мэра английской столицы.

Подавляющее большинство посланий (182) адресовано властям 92 провинциальных английских городов [21, с. 321–322], а также королю Эдуарду III (1327–1377) и знатым вельможам Англии – светским и церковным. В города континентальной Европы из всего массива корреспонденции было направлено 72 послания, из которых 37, или более 51%, – в города Фландрии (графство выделялось высоким уровнем урбанизации и огромной ролью экспортного сукноделия [14, с. 180]), 17, или почти 24%, – Франции. Кроме того, мэры Лондона направляли письма в города Священной Римской империи (9 писем), Италии (4 письма), герцогства Брабант и графства Зеландия (по 2 письма), Португалии (1 письмо). Таким образом, почти 74% посланий предназначалось для фламандских и французских (прежде всего, гасконских (Бордо, Байонна) и нормандских (Руан, Онфлёр, Кан, Байё, Сен-Совер) городов – 7 писем, Амьен – 2 и Кале – 8), что вполне логично, учитывая традиционные связи Англии с Фландрией, Гасконью и Нормандией и обстоятельство начала Столетней войны.

На характеристике контактов Лондона и городов Фландрии и Франции в 1350–1360-х гг. мы и сосредоточимся в данной статье. Это тем более интересно, что в течение многих веков отношения с Фландрией были для Англии чрезвычайно важны, что обуславливалось целым рядом факторов. Наряду с экономическими причинами (основу процветания и богатства фламандских городов составляло изготовление высококачественных шерстяных тканей, производившихся из экспортного английского сырья) с момента появления империи Плантагенетов в середине XII в. и начала ее противостояния с королями Франции появились и политические: Фландрия стала играть роль потенциального союзника Англии и удобного плацдарма для высадки войск на континенте и начала военных действий. Позднее графы Фландрии в основном выступали союзниками французских королей, в то время как фламандские города, постоянно находившиеся в конфликте со своими сеньорами, до 30-х гг.

XV в. часто вступали в союз с англичанами [5, р. 20; 14, с. 11]. В частности, городские советы Гента, Брюгге и Ипра в 1340 г. признали Эдуарда III королем Франции, а следовательно, и своим верховным правителем [5, р. 20; 16, с. 458].

Что касается городов Франции, то наибольший интерес представляют располагавшиеся в юго-западной части Гаскони – «последнем фрагменте «Анжуйской империи» первых Плантагенетов» [7, с. 115] и постоянном очаге англо-французских противоречий. Ценность этого английского владения на континенте определялась не только политическими, но и экономическими соображениями. Гасконь традиционно служила одним из важнейших источников доходов английской короны. Данная территория занимала выгодное для морской торговли географическое положение. Здесь было много водных артерий, высоко развитое сельское хозяйство и богатые города, особенно торговые и военные порты – Бордо, Байонна, Дакс [7, с. 116]. Англо-гасконские экономические интересы сблизились не в последнюю очередь благодаря торговле вином [5, р. 24]. Горожане Гаскони во все трудные для английского короля времена, включая англо-французские войны в этом регионе (любые попытки практического воплощения идеи о возрождении обширных английских владений за Ла-Маншем неизбежно опирались на Гасконь), в подавляющем большинстве поддерживали Англию [7, с. 171].

Начало войны внесло новые краски в жизнь английской столицы, наполнив ее ощущением тревоги и стремлением властей обезопасить город. Именно об этом свидетельствуют королевские предписания и постановления городских властей Лондона, которые также привлекаются нами в качестве источников. Осенью 1338 г. появилось распоряжение Эдуарда III об укреплении города «против ожидаемого нападения французов», в котором король, обращаясь к мэру, олдерменам и шерифам Лондона, предупреждает, что «... наши враги, в немалом количестве собравшие на галерах, враждебным образом вторглись в наше королевство в разных частях и намереваются вскоре вторгнуться в наш город, чтобы совершить там такое зло и нечестивые дела, какие только смогут» [23, р. 202]. Видимо, имелись в виду события, связанные с очередной конфискацией французским королем Филиппом IV Красивым (1285–1314) Гаскони в мае 1337 г., и последовавшие вслед за этим высадкой англичан во Фландрии набеги французского флота на побережье Южной Англии [7, с. 178, 181]. Чтобы «обеспечить безопасность и оборону» Лондона, монарх приказал городским официалам «как можно быстрее закрыть город и укрепить его против враждебных нападений со стороны Темзы... принудив всех людей, имеющих недвижимость в городе, какому бы они ни были сословия, к организации

такой защиты» [23, р. 202]. При этом «отцы города» фактически наделялись чрезвычайными полномочиями: они могли использовать любые «способы и средства», которые сочтут «наиболее целесообразными, не щадя никого... ради обороны Лондона» [23, р. 202–203].

Похожее распоряжение короля было адресовано «мэру, олдерменам и общине города Лондона» в августе 1370 г., после того, как французы смогли нанести значительный урон армии сэра Роберта Ноллиса в Бретани и войскам Черного Принца в Гаскони [7, с. 231]. Вновь, как и осенью 1338 г., столице угрожали «галеры с множеством вооруженных людей на борту» [23, р. 344], которые «намеревались... уничтожить жителей этого города и сотворить там другие злодеяния» [23, р. 344]. Мэр Джон Чичестер 10 августа 1370 г. созвал олдерменов и горожан – представителей общины, которые решили: «Чтобы противостоять злонамеренным замыслам... врагов нашего господина короля, а также для охраны кораблей нашего господина короля в водах Темзы и безопасности вышеупомянутого города... каждую ночь, пока будет необходимость... должна выставляться стража из 40 вооруженных людей и 60 лучников, которые согласились дежурить по очереди: во вторник – суконщики и портные; в среду – торговцы шелковыми и бархатными тканями и аптекари; в четверг – торговцы рыбой и мясники; в пятницу – кожевники и торговцы вином; в субботу – ювелиры и шорники; в воскресенье – торговцы скобяными изделиями, оружейники и резчики; в понедельник – сырмятники, изготовители шпор, изготовители луков и пояски» [23, р. 344–345]. Таким образом, защита Лондона была делом самих горожан – простых ремесленников, богатых и влиятельных купцов из «Больших ливрейных компаний» (торговцев шелковыми и бархатными тканями, суконщиков, торговцев рыбой и вином, ювелиров, торговцев скобяными изделиями).

Понятно, что обеспечение защиты города требовало немалых средств, не только людских, но и материальных затрат, которые ложились на плечи горожан, выплачивавших возросшие налоги и экстраординарные поборы [19, с. 274], предоставлявших внушительные суммы «в качестве помощи для защиты королевства» [22, р. 17]. В условиях войны, особенно в начальный ее период, весьма успешный для англичан, непосредственное участие в защите интересов своего государства, олицетворением которого был родной город (в данном случае – Лондон), порождало чувство сопричастности к победам на поле боя, способствовало укреплению национального самосознания.

Лондонские купцы, отнюдь не бескорыстно, активно субсидировали Эдуарда III, который остро нуждался в средствах для покрытия военных расходов. Выгоды были очевидны и, в первую очередь, это право беспопытной

торговли, откупная система и спекуляции на шерсти, чем широко пользовались деловые люди. В этой связи представляет интерес соглашение 1337 г., которое было заключено между королем и компанией из 105 английских купцов во главе с Уильямом де ля Поулом [24] и Реджинальдом Кондюи. Согласно условиям этого соглашения купцы должны были закупить в Англии 30 тыс. мешков шерсти и выплатить королю из денег, полученных от монопольной продажи ее за границей, 200 тыс. фунтов. При этом, закупая шерсть по цене примерно 5 фунтов за мешок, предполагалось реализовать ее по 8–9 фунтов. Правда, к осени 1337 г. удалось собрать в Дордрехте, который был в числе континентальных городов, обладавших стапельными правами, только 11500 мешков, поскольку производитель шерсти не желал продавать ее по столь грабительским ценам. Испытывая потребность в деньгах, Эдуард III конфисковал собранную шерсть в казну (знаменитый «Дордрехтский захват»). Купцы получили по 2 фунта за мешок при ожидавшихся 5 фунтах (необходимо учитывать расходы на сбор и перевозку – примерно один фунт). На сумму 65 тыс. фунтов Эдуард выдал купцам долговые обязательства: они должны были покрываться за счет освобождения от части вывозных пошлин на шерсть [25, р. 57, 91–93]. Большая часть купцов была разорена, но наиболее состоятельные – Уильям де ля Поул и Реджинальд Кондюи – смогли извлечь немалую выгоду из создавшегося положения: они скупили долговые обязательства и благодаря этому монополизировали торговлю шерстью [26, р. 148–150]. Показательно, что в том же 1337 г. Уильям де ля Поул закупил 205 мешков шерсти в Линдсее (графство Линкольншир), для экспорта через Халл [27, р. 1017]. А к 1339 г. он стал главным финансистом короны, предоставив ей займов на сумму 14333 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов [28, р. 124].

Известно, что в 1351 г. лондонские купцы обладили долговыми расписками короля на сумму свыше 60 тыс. фунтов [29, с. 342]. С этой точки зрения интересна жалованная грамота «мэра Ричарда Кислбари, олдерменов и общины города Лондона», датированная 25 апреля 1351 г., по которой Эдуард III получал от столичного мэра, 4-х олдерменов и еще 11-ти горожан 20 тыс. марок «от пошлин и субсидий, взимаемых в порту Лондона с шерсти, выделанной кожи и овчин, в качестве помощи для защиты королевства» [22, р. 16–17].

Важным залогом успехов Англии на первом этапе конфликта стала хорошо организованная армия, основу которой составляли наемная пехота (лучники) и рыцарские отряды, а средства на формирование и содержание которой среди прочих предоставляли горожане столицы, в первую очередь, купцы. Среди городских документов сохранился своеобразный

отчет о расходовании денежных средств из казны Лондона «Выплаты людям, посланным городом на помощь королю в его войне с Францией», датированный 1338 г. Из отчета следует, что город предоставил Эдуарду 100 вооруженных людей: 40 всадников и 60 лучников. На их экипировку и содержание было израсходовано 137 фунтов 11 шиллингов 7 пенсов. Конкретная смета выглядела следующим образом: «Выплачено 40 всадникам за их оружие и в качестве жалованья 60 фунтов, 60 лучникам за их луки, стрелы, другие предметы первой необходимости и в качестве жалованья – по 30 фунтов; вышеупомянутым всадникам и лучникам по приказу мэра и олдерменов – 10 фунтов; Уильяму Хаутейну и Уильяму Мейлсеру за их труды по отбору упомянутых 100 человек, по указанию мэра и олдерменов, – 40 шиллингов; на покупку 346½ локтей красной и зеленой ткани для платьев – 22 фунта 19 шиллингов 9 пенсов; на покупку 70 комплектов покрывал для их капюшонов – 4 фунта 7 шиллингов 6 пенсов; для изготовления таких платьев и капюшонов – 100 шиллингов; Николасу де Абиндону, сержанту, за сопровождение указанных людей к нашему господину королю в Ипсвич – 4 марки; за покупку штандарта, флага и трубы, а также за перевозку оружия – 11 шиллингов» [23, р. 202].

Еще более красноречиво письмо «мэра Томаса Лэгги, олдерменов и общины города Лондона» от 3 октября 1355 г., в котором сообщалось, что «в помощь королю в войне с Францией направлены 500 лучников, конных и пеших, во главе с капитаном Томасом Роусом и пятью сопровождающими на срок в 40 дней» [22, р. 67]. Интересно, что и для горожан Лондона сохраняется присущий феодальному обществу принцип службы вассала своему сеньору на протяжении 40 дней. Послание заканчивается словами: «Боже Всемогущий, даруй ему (Эдуарду III. – Л. Ч.) благодать долго царствовать и одержать победу над его врагами» [22, р. 67]. Сам факт появления данного послания связан с тем, что в 1355 г. возобновилась военная кампания англичан во Франции, которой руководил наместник Бордо Эдуард Черный Принц. Понятно, что требовалось усиление армии, в чем приняли участие и лондонцы. Эта кампания закончилась разгромом французских войск у Пуатье 19 сентября 1356 г. и пленением короля Иоанна II Доброго (1350–1364).

Отклик на данные события мы находим среди писем, сохранившихся в архиве лондонского Гилдхолла. Речь идет о послании Папы Римского Иннокентия VI (1352–1362), скорее всего, от 11 октября 1356 г., т. е. спустя меньше месяца после битвы при Пуатье, «своему самому дорогому сыну во Христе Карлу IV, императору Римскому» [22, р. 115]. Понтифик пишет, что «был сильно огорчен известием ... о пленении Иоанна, короля Франции, во время сражения

за его страну, о захвате в плен и гибели многих князей и вельмож» [22, р. 115]. Иннокентий отмечает, что церковь пыталась организовать переговоры между королями Англии и Франции, но безрезультатно и возлагает большие надежды на императора Священной Римской империи. Напомним, что именно с благословения Иннокентия VI императором Священной Римской империи в апреле 1355 г. был коронован Карл IV Люксембург. Кроме того, в значительной степени благодаря стараниям этого папы в 1360 г. был заключен тяжелейший для Франции мир в Бретины [5, р. 45].

Тем не менее на фоне разворачивающихся военных действий, мобилизации денежных ресурсов, усилий властей и общества для целей войны главной темой писем лондонских мэров, адресованных властям городов континентальной Европы, оставалась торговля и то, что с ней непосредственно связано, что сопутствовало ей в тот период. Объяснение этого факта весьма простое: боевые действия и общая нестабильность существенно затронули, прежде всего, торговлю – этот краеугольный камень, на котором базировалось процветание Лондона.

По содержащейся в корреспонденции информации можно выявить ассортимент товаров, объемы торговли и ее организацию, возникавшие финансовые и имущественные проблемы и способы их разрешения. Рассмотрим эти аспекты в отношении городов Фландрии и Франции.

Коммерческие интересы столичных английских купцов распространялись на целый ряд фламандских городов: Брюгге (один из крупнейших наряду с Гентом и Ипром центров графства Фландрия, со значительными доходами от морской торговли и финансовых операций – 24 письма из 39), Слэйс (или Эклоз – гавань Брюгге, важный центр европейской торговли – 6 писем. Через него шла торговля с Брюгге (разгрузка и перегрузка товаров), но последний всячески «душил» развитие Слэйса, чтобы избежать серьезной конкуренции с его стороны, а максимальное развитие этого города приходится уже на более поздний период – конец XIV–XV в.). Гент, Дендермонде (важный торгово-производственный центр, основой экономики которого было производство сукна), Дюнкерк, Бирвлит, Ньивпорт (считался важным стратегическим пунктом на побережье в пограничном с Кале регионе, где строились и продавались корабли, в 1364 г. была учреждена ярмарка [17, с. 220, 226]). И одно письмо было адресовано графу Фландрскому. Среди городов Франции в посланиях лондонских мэров упоминаются Амьен, Ла-Рошель (до XV в. город оставался самым крупным портом Франции на атлантическом побережье; торговля велась, прежде всего, вином и солью), Байонна, Бордо, Руан, Онфлёр (был ключом к навигации по Сене и снабжению Парижа и Руана) и Кан. И, конечно, письма

направлялись в Кале, с 1347 г. ставший опорным пунктом англичан на континенте. С 1363 по 1369 г. здесь находился Стапль, и торговые операции были ориентированы именно на этот город [19, р. 274].

Ассортимент торговли с фламандскими городами, представленный в письмах, – это шерсть, вайда, окрашенные ткани, древесина, вино, масло, эль, соль, оловянные сосуды, шпоры и некие «другие товары» [22, р. 4, 10–11, 15–16, 26, 36, 58, 72, 97–98, 116]. Из городов Франции вывозили вино, вайду и красную краску для окрашивания ткани (возможно, марену), пряности и специи, мех горносталя [22, р. 21, 25, 71, 100, 129–130, 147], поставляя туда преимущественно олово и окрашенное шерстяное сукно [22, р. 95–96, 146–147].

По письмам можно выявить разнообразные формы организации торговли. Прежде всего, лондонские купцы, находившиеся в городах Фландрии, использовали фламандских же горожан в качестве посредников или доверенных лиц, которым поручали реализовать в Лондоне купленный во Фландрии товар. Типичный пример из письма мэра Ричарда де Кислбари 1350–1351 г., адресованного бургомистрам и эшевенам г. Дендермонде, основой экономики которого было производство сукна: «Роберт де Манингфельд, горожанин Лондона ... находясь в вашем городе, доверил два куска окрашенной ткани стоимостью 12 марок Яну Скову, бюргеру этого города, с целью их продажи в Лондоне» [22, р. 4].

Правда, нередко ситуация оборачивалась не в пользу лондонцев. Упомянутый Ян Сков, получив от Роберта де Манингфельда ткани, «внезапно и тайно покинул город Дендермонде во Фландрии, ничего не заплатив упомянутому Роберту» [22, р. 4]. Именно это и вызвало появление письма мэра Лондона: «Обращаемся к вам с просьбой, чтобы вы заставили вышеупомянутого Джона, который, как нам известно, сейчас находится в вашем городе, выплатить упомянутому Роберту долг, возместить понесенные расходы и ущерб» [22, р. 4].

Столичные английские купцы в принципе могли использовать торговцев из фламандских городов в качестве посредников, которым доверяли реализацию товаров. Один из распространенных случаев: в 1364 г. Джон Хорн, горожанин Лондона, доверил Жану Картену, «одному из горожан города Дюнкерка во Фландрии», 14 пайпов (ок. 6 680 л) и 3 бочки эля (ок. 665,3 л) стоимостью 15 ливров, чтобы тот продал товар и выплатил лондонцу вырубку. Правда, Жан Картен деньги Джону Хорну не вернул, что и стало причиной обращения мэра и олдерменов Лондона к «горожанам города Дюнкерка во Фландрии» [22, р. 116].

Фламандские купцы нередко осуществляли торговлю через своих слуг, а фактически торговых агентов, находившихся в Лондоне (и во всей

Англии). Известно, например, что некий Виллем ван Забек был слугой Яна Хокмана, торговца тканями из Гента, его доверенным лицом в Англии [22, р. 11].

Похожая картина наблюдалась и в торговле с городами Франции. Лондонцы также использовали торговых агентов, которыми чаще всего были слуги. Из письма мэра Ричарда Кислбари (1350–1351), направленного в Бордо, выясняется, что «Роберт Хоунли, слуга Уильяма Хэйрона, горожанина Лондона, недавно купил от его имени у Гильома де ла Тура, купца из Байонны, 15 бочек и один пайп вина по 22 кроны за бочку, и у Стендона Лэббота, горожанина Бордо, 6 бочек вина «Медок» по такой же цене...» [22, р. 21].

Английские купцы действовали во Франции через доверенных лиц, а фактически посредников, которые должны были продать тот или иной товар, а затем выплатить его владельцу вырученную от продажи сумму. Именно такой случай зафиксирован в письме мэру и бейлифам Руана, направленном из Лондона 16 августа 1364 г. Робер Блан, моряк, проживавший в Руане, должен был вернуть остаток долга Томасу Нотерну, горожанину Лондона, «за вино, доверенное ему для продажи» [22, р. 100].

Для организации поставки и реализации товаров создавались небольшие объединения купцов из Лондона и городов Фландрии. В частности, Уино де Реуле из Брюгге отправлял вайду в Англию, а Джон де Гонуодби и Джон де Дефам, горожане Лондона, получали ее и продавали в Лондоне. Стоимость 8-ми бочек вайды, о которых идет речь в письме, составляла 50 фунтов [22, р. 15].

Непосредственно лондонские торговцы создавали малые, как правило, семейные объединения для торговли с Фландрией. В этом отношении представляет интерес послание мэра Лондона Адама Фрэнси (1352–1354) бургомистрам и эшевенам Брюгге, в котором упоминаются два брата – Мэтью Рестор, ювелир, и Джон Рестор, закупившие шерсть на сумму в 17 фунтов 8 шиллингов 11 пенсов у Джона де Трипла, горожанина Лондона. При этом Мэтью находился в Лондоне и оплачивал эту партию шерсти, а Джон проживал в Брюгге и там реализовывал полученный товар [22, р. 53].

Французские купцы также объединяли свои усилия в торговле с лондонцами. Так, в 1366 г., находясь в Глостере, торговую сделку заключили Анри Ангар, Пьер де Круа и Пьер Тальмар, горожане Амьена, с одной стороны, и Джон Пайкенхем, горожанин Лондона, с другой. Амьенцы приобрели у лондонского торговца 200 кусков шерстяной ткани разных цветов на 1200 фунтов, причем часть этой суммы (680 фунтов) они должны были возместить вайдой [22, р. 146–147].

А Пьер Надон де Мендьё, купец из Байонны, самостоятельно «в праздник Пятидесятницы, в 1351 году от Рождества Христова, продал

в городе Лондоне Джону де Гонуодби, торговцу пряностями, 165 фунтов красной краски для ткани, которая была в бочке, вмещающей один пайп, и 32½ фунта “зерен Парижа”, или “Райских зерен”, специи, привезенной из Ост-Индии» [22, р. 25] (речь идет о кардамоне).

В торговле лондонцев и с фламандскими, и с французскими горожанами использовался корабельный фрахт. Известно, например, что Питер Граббе, горожанин и торговец рыбой из Лондона, зафрахтовал судно, владельцем и капитаном которого являлся Ян Брабард, проживавший в Слэйсе. За специально оговоренную сумму он собирался отправиться на этом корабле из Лондона в Уинчелси, чтобы загрузить 12 тыс. бревен древесины и доставить их в Лондон [22, р. 15–16]. Томас де Уэр, горожанин Лондона, зафрахтовал судно под названием «Рождество» капитана Джона атте Нэша и загрузил его в порту Лондона вином, маслом, оловянными сосудами, шпорами и другими товарами на сумму 231 фунтов 10 пенсов для отправки на континент, в Брюгге [22, р. 36].

Французские купцы тоже использовали фрахт торговых судов для доставки груза в Лондонский порт, прибегая к услугам не только англичан, но и фламандцев, брабантцев и пр. В частности, Бернард Пейн, бюргер из Бордо, нанял за оговоренную сумму «хейкбот» (лодка с люком или палубным покрытием. – Л. Ч.) капитана Арно Стейлина из Слэйса, который затем был загружен вином и отправлен из Фландрии в порт Лондона, куда благополучно прибыл [22, р. 71]. Французские вина из Ла-Рошели доставляли в Англию купцы из Брюсселя (герцогство Брабант). В частности, Рейнер ван Махбек и Йохан Ретин, проживавшие в Брюсселе, на корабле, шедшем из Ла-Рошели, везли в Лондон вино стоимостью 500 ливров [22, р. 29–30].

Большую роль в осуществлении торговли играл кредит, оформлявшийся при помощи долговых обязательств (bonds), которые были неотъемлемыми спутниками торговых отношений. Тема долгов, необходимости погашения долговых обязательств – одна из наиболее часто встречающихся в письмах лондонских градоначальников. Именно из-за проблем с возвратом долга мэр Томас Легги (1354–1355), «олдермены и община города Лондона» обратились к «благороднейшему и почтенному лорду графу Фландрскому» [22, р. 70], каковым в то время был Людовик Мальский (1346–1384). Его светлость просят посодействовать «горожанину Лондона Джону Сэлману в погашении долговых обязательств, полученных некоторое время назад от Яна де Изендика из Ньивпорта во Фландрии, который публично признал свой долг перед упомянутым Джоном Сэлманом, но затем скончался» [22, р. 70–71]. В самом конце послания есть любопытное дополнение, которое наводит

на мысль о том, что лондонец не останется в долгу перед графом за его любезность: «Если его светлость пожелает чего-либо с его (Джона Сэлмана. – Л. Ч.) стороны, то он должен лишь дать знать о своем желании» [22, р. 71].

Конкретных примеров, свидетельствующих о широком распространении долговых обязательств, можно привести множество. Они фиксируют разные формы кредита: товарный, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или менее длительного срока; авансирование под товары или фактически денежный кредит; коммерческий кредит, включавший в себя и денежный, товарный кредиты, и позволявший ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала [30].

Остановимся на отдельных, наиболее показательных случаях. Уолтер де Келстерн, горожанин Йорка, приобрел в долг у торговца тканями из Гента Яна Хокмана 24 куска ткани, подтверждением чего стало долговое обязательство на 56 фунтов. Эту сумму Уолтер возместил шерстью и шерстяными тканями, которые он передал торговому агенту Яна в Англии [22, р. 11].

Послание мэра Лондона Ричарда Кислбери (1350–1351) властям Гента было обусловлено тем, что агент и доверенное лицо Яна Хокмана Виллем ван Забек своевременно не известил своего хозяина о возмещении долга, что привело к недопониманию. Уолтер был вынужден представить «купцов и других заслуживающих доверия людей, которые засвидетельствовали, что оплата была произведена вышеуказанным способом. Поэтому просим вас принять это свидетельство и ... возместить Уолтеру де Келстерну ущерб и понесенные расходы к взаимной пользе: отнесите к Уолтеру де Келстерну так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации. Храни вас Господь» [22, р. 11].

Горожанин Брюгге Жиль атте Гардин задолжал крупную сумму в 400 фунтов Адаму Брабисону, торговцу рыбой и горожанину Лондона [22, р. 83–84]. Ян ле Уайт, горожанин Дюнкерка, должен был выплатить Уильяму де Брейнфорду, горожанину и торговцу рыбой Лондона, сумму в 12 золотых крон, а также 3 бочки соли стоимостью 12 фунтов, «которые он одолжил Яну, а тот не вернул» [22, р. 58]. А Пьер Плейт, бюргер из Слэйса, возместил Обри, вдове и душеприказчице Джона де Бедфорда, покойного горожанина Лондона, 7 ливров по долговому обязательству, что публично засвидетельствовали сама Обри и «множество других заслуживающих доверия людей» [22, р. 43].

Надо полагать, что власти городов Фландрии на фоне обилия обращений лондонских мэров по поводу долгов не всегда реагировали должным образом, как того ожидали в Лондоне. Иначе чем объяснить фразу, которой заканчивается одно из писем в адрес бургомистров и эшевен

Брюгге: «Если бы вы чего-то действительно пожелали, вы были бы готовы сделать все, что в ваших силах. Да хранит вас Господь» [22, р. 84].

Должниками лондонских купцов были и торговцы из французских городов. Из обращения к мэру Бордо 8 марта 1364 г. известно, что Томас де Кавендиш, торговец шелковыми и бархатными тканями Лондона, одолжил 80 фунтов Уильяму Кэбану, горожанину Лондона, и Арнольду де Малену, торговцу из Бордо, которые те еще не вернули [22, р. 120–121]. В этом случае важно отметить совместную коммерческую деятельность торговцев из Лондона и Бордо, что не удивительно, учитывая прочные связи между Англией и Гасконью.

Остановимся также на письме, направленном мэру и эшевенам Амьена, из которого следует, что Жан де Труссе и Тебо де Труссе, купцы из этого города, были связаны с лондонским купцом Джоном де Стоди долговым обязательством на 88 фунтов 8 шиллингов. Эту сумму они должны были заплатить Джону в Лондоне еще на прошлое Рождество. А Жан де Труссе и Гильом Море, еще один купец из Амьена, также имели перед Джоном де Стоди долговое обязательство на 112 фунтов 14 шиллингов 4 пенса. Возместить этот долг они должны были 15 июля прошлого года. Однако «ни одна из этих сумм не была выплачена к его (Джона де Стоди. – Л. Ч.) большой потере. Поэтому мы желаем, – пишет мэр Лондона Саймон де Модон, – чтобы вы заставили упомянутых Жана де Труссе, Тебо де Труссе и Гильома Море всеми законными и разумными способами выплатить упомянутому Джону де Стоди вышеупомянутые суммы как можно скорее и к взаимной пользе, таким образом, как вы бы хотели, чтобы с вами обращались в подобном случае. Да пребудет с вами всегда Святой Дух» [22, р. 163].

В двух письмах, адресованных мэру и олдерменам Кале [22, р. 150, 153–154], обозначена еще одна тема – возврат беглых учеников, которые до окончания установленного срока обучения бежали от своих мастеров и нашли убежище в стенах этого города. Процитируем обращение мэра Джона Лоувкина и олдерменов Лондона к мэру и олдерменам г. Кале, датированное 28 августа 1367 г.: «Свидетельствуем, что Томас, сын Уильяма Кредита, был надлежащим образом определен в обучение к Томасу атте Нокету, горожанину и торговцу сукном Лондона, на срок в 12 лет, но внезапно оставил своего мастера и, как полагают, проживает в городе Кале» [22, р. 153]. Далее высказывается желание, чтобы мэр и олдермены Кале «помогли Томасу атте Нокету или его доверенному лицу, предъявителю этого письма, вернуть упомянутого ученика» [22, р. 154]. Отметим, что в условиях начинавшегося «замыкания» цеха вопрос о беглых учениках из Лондона поднимался во многих письмах, направленных столичными властями

в провинциальные английские города [21, с. 327]. Кале в этом отношении представляет исключение: больше ни в один из континентальных городов, включая города Франции и Фландрии, подобные просьбы из Лондона не направлялись. Очевидно, что, с одной стороны, Кале, хотя уже и находился под английским управлением, но был за пределами островной Англии, и, видимо, это давало надежду на большую свободу. С другой стороны, связи с этим городом были настолько прочными, что он не воспринимался как совершенно чужой.

Однако проблемы долговых обязательств и беглых учеников были не единственными и не самыми трудноразрешимыми. Случались разного рода казусы (не всегда связанные с войной), которые требовали вмешательства городских властей Лондона и определенной реакции как с их стороны, так и со стороны их адресатов. Так, упоминавшиеся 8 бочок вайды были конфискованы в пользу английского короля в Сэндвиче. Джон де Гонуодби вместе с Джоном де Дефамом по просьбе Уино де Реуле из Брюгге, который и отправлял вайду в Англию, вынуждены были подать иск королю о возврате вайды и «после многих хлопот и расходов им удалось вернуть вайду и привезти ее в Лондон» [22, р. 10], о чем столичный мэр информировал власти Брюгге. Пока шло разбирательство, Уино де Реуле пошел на решительные меры, чтобы компенсировать потери: по его иску в Брюгге были конфискованы товары Джона де Гонуодби «на всю сумму стоимости вайды, вопреки закону и здравому смыслу» [22, р. 10]. Лондонские власти просят своих «коллег» из Брюгге помочь Джону «к взаимной пользе: отнеситесь к Джону де Гонуодби так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации. Храни вас Господь» [22, р. 10].

Все не по плану сложилось и у лондонского торговца рыбой Питера Граббе. Капитан зафрахтованного им корабля Ян Брабард из Слэйса действительно отвел судно в Уинчелси, но, погрузив 12 тыс. бревен древесины стоимостью 16 марок, доставил их вовсе не в Лондон, а в Дюнкерк, «вопреки закону и разуму, и там продал все упомянутые бревна, а вырученные деньги присвоил» [22, р. 15–16]. «Нам известно, – пишут мэр и олдермены Лондона, обращаясь к бургомистрам и эшевенам Слэйса, – что Ян Брабард проживает в вашем городе. Поэтому мы очень просим, чтобы он объявился и вел себя достойно по отношению к упомянутому Питеру» [22, р. 16]. Надо полагать, что власти Лондона призывают таким образом городской совет Слэйса содействовать выполнению обязательств, взятых на себя их горожанином. К сожалению, неизвестно, чем завершилась эта история, но, судя по тому, что больше обращений по данному поводу не последовало, все разрешилось благополучно для английской стороны.

Иногда городским властям Лондона и городов Фландрии приходилось информировать своих коллег о кончине тех или иных горожан и решать вопросы, связанные с наследством. Так, мэр Ричард де Кислбари и олдермены английской столицы 15 августа 1351 г. проинформировали бургомистров и эшевенгов Брюгге о том, что «Питер Меденх, фламандец из Брюгге, умер в доме Мод Элейнс, горожанки Лондона, в приходе св. Ботольфа на Биллинггейт, в пятницу после праздника Святой Троицы» [22, р. 19]. Можно предположить, что фламандец был не просто постояльцем в доме лондонской горожанки, а их связывали более тесные отношения. На взаимные матримониальные интересы прямо указывает послание мэра Адама Фрэнси бургомистрам и эшевенам Слэйса от 10 ноября 1352 г., в котором подтверждаются наследственные права горожанки Лондона в связи со смертью ее сестры во Фландрии и возникшими проблемами: «Джоанна, младшая дочь Уорина Фаттинга, горожанина Лондона и предъявителя сего письма, является ближайшей наследницей Джоанны, ее сестры, старшей дочери того же Уорина, покойной жены Оливера Веринга, бюргера вашего города, которая умерла, лишившись земель и домов в вашей стране» [22, р. 41–42]. Представители городской власти Лондона просят своих коллег в Слэйсе помочь Джоанне «в отстаивании ее права собственности к взаимной пользе: так, как вы хотели бы, чтобы с вашими людьми поступали в подобном случае» [22, р. 42]. Обращает на себя внимание постоянное повторение этой фразы в письмах. Следует акцентировать на ней внимание как на одной из основ, к которым пытаются апеллировать английские власти, выстраивая отношения с властями других городов.

Три письма были направлены властям Брюгге в связи с кончиной в этом городе горожанина Лондона Роджера Поттера. В первом обращении, датированном 27 февраля 1351 г., мэр Эндрю Обри и олдермены подтверждают права Томаса Чейнера, торговца шелковыми и бархатными тканями и горожанина Лондона, как законного наследника почившего: «Согласно свидетельству заслуживающих доверия лиц, Томас Чейнер является двоюродным братом Роджера Поттера и его ближайшим наследником. Поэтому мы очень просим вас помочь упомянутому Томасу или его доверенному лицу, предъявителю сего письма, во всех вопросах, касающихся смерти упомянутого Роджера, к взаимной пользе: так, как вы хотели бы, чтобы к вашим людям относились в такой ситуации» [22, р. 28]. Видимо, власти Брюгге запросили более весомые доказательства родства упомянутых персон, на что получили следующий ответ: «Поняв, что требуется более полная информация о наследственных правах упомянутого Томаса, мы изучили свидетельства добрых и заслуживающих доверия горожан и выяснили, что Генри Чейнер, отец

упомянутого Томаса, и Роджер Поттер произошли от двух братьев, и что у упомянутого Роджера не было выжившего наследника, кроме указанного Томаса, который получил все его земли и дома в Англии в качестве законного наследника» [22, р. 37]. Заканчивается это послание (к сожалению, оно не датировано) уже в довольно требовательном тоне: «... Просим навести справки об имуществе упомянутого Роджера в вашей стране и распорядиться, чтобы оно было доставлено упомянутому Томасу без дальнейшего промедления» [22, р. 37]. В ответ власти Брюгге заявили о своем желании «знать количество товаров, принадлежавших Роджеру Поттеру в Англии во время его пребывания и болезни во Фландрии» [22, р. 44]. Представители городского муниципалитета Лондона провели расследование и установили, что «...все имущество упомянутого Роджера после уплаты его долгов составило 16 фунтов английскими деньгами» [22, р. 44], о чем и проинформировали бургомистров и эшевенгов Брюгге в письме мэра Адама Фрэнси и олдерменов 29 января 1352 г. Кроме того, «на основании показаний заслуживающих доверия людей, которые присутствовали при его (Роджера. – Л. Ч.) смерти в доме Яна Реммакера из Слэйса, доказано, что при нем обнаружено 63 нобля и 20 шиллингов, а также вексель на 120 фламандских крон, которые были переданы Якову Марестаплу, бюргеру Брюгге, в присутствии свидетелей» [22, р. 44–45]. И далее: «... Если какая-либо часть вышеперечисленного (имущества. – Л. Ч.) будет использована упомянутым Якобом или кем-либо другим иначе, нежели в соответствии с обычаями и законами Фландрии, законному наследнику или Джону Хенкелю, его доверенному лицу, должно быть выплачено возмещение» [22, р. 45]. Видимо, вопрос был исчерпан, и какого-либо продолжения не последовало.

В некоторых письмах лондонских мэров слышны и явные отголоски войны. Вопиющий случай зафиксирован в послании бургомистрам, эшевенам и советникам г. Брюгге от 25 июля 1352 г. Судно «Рождество» капитана Джона атте Нэша, зафрахтованное горожанином Лондона Томасом де Уэром, вместе с другими английскими судами было атаковано 4-мя фландрскими кораблями, «полными вооруженных грабителей, которые захватили все товары на судне упомянутого Томаса и убили некоторых из людей, находившихся на борту, в то время как другие английские суда потерпели крушение» [22, р. 36]. По мнению А. А. Майзлиш, пиратство, наряду с рыболовством, являлось важным занятием населения прибрежных городов Фландрии в условиях ведения войны на море между Англией и Францией и наносило серьезный ущерб международной торговле. В том числе пиратство подрывало позиции Брюгге, куда из-за угрозы захвата судов боялись плыть купцы из разных стран, а представители

этого фламандского города были вынуждены постоянно заниматься переговорами о реституции захваченных товаров и компенсации ущерба, наносимого иностранным купцам [17, с. 223]. «Нам особенно желательно, – отмечается в послании мэра Эндрю Обри, – привлечь их (грабителей. – Л. Ч.) к ответственности, чтобы упомянутый Томас мог вернуть то, что он потерял, и чтобы верные торговцы и моряки могли безопасно ходить по морю, как они привыкли» [22, р. 36].

Видимо, не брезговали разбоем и англичане. Об этом косвенно свидетельствует письмо 1352 г. бургомистрам, эшевенам и «добрым людям» Брюгге и Слэйса, в котором мэр Лондона Эндрю Обри информирует о результатах расследования, проведенного на основании жалобы на Роберта де Халла, капитана английского судна, который якобы протаранил и потопил «хэйк-бот» с людьми из Фландрии на борту у мыса Форленд в восточной оконечности острова Танет. «Подтверждаем, что дело было расследовано лучшими людьми города и моряками торгового флота, и упомянутый Роберт был признан невиновным в предъявленном ему обвинении и желает, чтобы ему было разрешено беспрепятственно покинуть свой корабль» [22, р. 27]. Сложно представить иной результат расследования, проведенного в отношении английского капитана самими же англичанами, да еще в военной обстановке.

Отразились в письмах и неприятные для англичан события на французской территории. Отношение англичан к городам Франции как к законной «награде» победителю спровоцировало повсеместное сопротивление горожан. Особую активность проявляли города Нормандии, где сильнее чувствовались тяготы войны. Еще накануне мира в Бретиньи нормандские горожане создали ополчение и сами вели боевые действия [12, с. 263], а во время перемирий продолжали борьбу, пытаясь нанести любой урон англичанам. 26 июля 1364 г. мэр Лондона Джон Нот был вынужден обратиться с посланием к «мэрам и эшевенам, капитанам, бейлифам, шерифам городов Руан, Онфлёр, Кан, Байё и всем другим судьям добрых городов Франции в некоторых частях Нормандии» [22, р. 95]. Из текста письма следует, что «17 мая прошлого года один из кораблей, груженный 360 кусками белого олова из Корнуолла, направлявшийся в Лондон, был захвачен и ограблен моряками из Нормандии и другими (людьми. – Л. Ч.), груз был доставлен в замок «Маси-ан-Кутанс», в Онфлёр и в другие места и продан, а вырученные средства грабители разделили» [22, р. 96]. Далее, используя весьма жесткие формулировки, мэр пишет: «От вас требуется приложить все усилия, чтобы вернуть указанное судно и его груз, а также возместить владельцам их убытки, чтобы не было необходимости ставить этот вопрос

перед королем и его Советом и добиваться решения другими способами» [22, р. 96]. Риторика этого послания, особенно заключительной его части, свидетельствует о том, что лондонские мэры продолжали относиться к властям городов Нормандии с позиции силы, оставаясь в плену чувства превосходства англичан, хотя к моменту написания этого письма ситуация значительно изменилась. После смерти Иоанна II Доброго 8 апреля 1364 г. королем Франции стал Карл V, умело использовавший возникшую после подписания мира в Бретиньи передышку (1360–1369). Заключенный договор был вскоре нарушен, а война приняла другой оборот для Англии.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет отметить, что начало Столетней войны привело к важным изменениям в жизни Лондона. Горожане и простые ремесленники, и состоятельные купцы вынуждены были тратить средства и силы для организации защиты своего города от возможного вторжения неприятеля, поставлять в армию Эдуарда III вооруженные отряды, снабжая их оружием, экипировкой и обеспечивая содержание, субсидировать корону, остро нуждавшуюся в покрытии военных расходов. Последнее было весьма прибыльным для купечества предприятием, хотя и небезопасным в силу того, что монарх не всегда расплачивался по долгам.

При этом сохранялись активные контакты Лондона с городами континентальной Европы, прежде всего, Фландрии и Франции (преимущественно «Английской Гаскони» и Нормандии), властям которых было направлено большинство посланий мэров столицы Англии. Важнейшую тему этой корреспонденции составляла торговля разнообразными товарами (от предметов обихода и продовольствия до роскошных изделий и сырья для ремесленного производства). Формы организации торговли включали в себя использование агентов и слуг для реализации и приобретения товаров, создание небольших торговых ассоциаций, фрахт торговых судов. Инструментом в торговых взаимоотношениях выступал кредит, оформлявшийся при помощи долговых обязательств. Властям Лондона приходилось прилагать немалые усилия, чтобы добиться от фламандских и французских горожан возврата долгов лондонским торговцам.

Зафиксированы в источниках и другие сферы для взаимодействия Лондона и континентальных европейских городов. Это возврат беглых учеников, нашедших убежище в Кале, решение сложных вопросов, связанных с наследственными правами лондонцев, ушедших в мир иной во фламандских городах. Следует особо отметить матримониальные связи, объединявшие горожан Лондона и торгово-ремесленных центров Фландрии, что, безусловно, подкрепляло

англо-фламандский экономический и политический союз на повседневном уровне.

Однако события и общая атмосфера Столетней войны накладывали свой отпечаток: процветали грабежи и убийства как на суше, так и на море, объектами которых зачастую становились английские (лондонские) купцы с их товарами и торговыми судами. Англо-французский конфликт, как и любая война, создавал дополнительные возможности для обогащения, но и увеличивал риски, которые должны были учитывать практичные горожане – будь то фримены Лондона или бюргеры из Фландрии и Франции.

Список литературы

1. Burne A. H. The Crecy War : A Military History of the Hundred Years War from 1337 to the Peace of Bretigny in 1360. London : Eyre & Spottiswoode, 1955. 366 p.
2. Burne A. H. The Agincourt War: A Military History of the Latter Part of the Hundred Years War, from 1369 to 1453. London : Eyre & Spottiswoode, 1956. 359 p.
3. Перруа Э. Столетняя война / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2002. 480 с.
4. Фавье Ж. Столетняя война / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2009. 656 с.
5. Curry A. The Hundred Years' War, 1337–1415. Oxford : Osprey Publishing, 2002. 96 p.
6. Corrigan G. A Great and Glorious Adventure: A Military History of the Hundred Years War and the Birth of Renaissance England. New York : Pegasus Books, 2015. 320 p.
7. Басовская Н. И. Столетняя война : леопард против лилии. М. : «АСТ» ; Астрель, 2003. 428 с.
8. Устинов В. Г. Столетняя война и Войны Роз. М. : АСТ ; Астрель ; Хранитель, 2007. 637 с.
9. Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М. : Квадрига, 2010. 684 с.
10. Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66.
11. Басовская Н. И. Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // Городская жизнь в средневековой Европе / ред. Е. В. Гутнова. М. : Институт всеобщей истории, 1987. С. 220–238.
12. Цатурова С. К. Города в Столетней войне // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2000. Т. 4. С. 246–281.
13. Майзлиш А. А. Как королю Англии стать сюзереном Фландрии? (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-2-10-14>
14. Майзлиш А. А. Такая разная Фландрия: монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и ее пределы (XIV – первая половина XV в.) // Средние века. 2016. Т. 77, № 1–2. С. 180–204.

15. Майзлиш А. А. В поисках согласия: города и граф Фландрии в начале правления Людовика Мальского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 458–463. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-458-463>
16. Майзлиш А. А. Границы и стены из привилегий? Городские сообщества и конкуренция в сукноделии в окрестностях Ипра в XIV в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 84–96. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.4.064>
17. Майзлиш А. А. Вдали от Брюгге: особенности развития средневековых портовых городов Западной Фландрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 215–229. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.054>
18. Богодарова Н. А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV вв. // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 81–103.
19. Мосолкина Т. В. Английский город в политических событиях Англии в XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2000. Т. 4. С. 273–281.
20. Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск : Курсив, 2010. 232 с.
21. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
22. Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A.D. 1350–1370, enrolled and preserved among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, Took's Court, E.C., 1885. 223 p.
23. Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London, A.D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.
24. Яблонская О. В. Уильям де ла Поль: история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 497–503. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-497-503>
25. Fryde E. B. William de la Pole. Merchant and King's banker (1366). London ; Ronceverte, W.Va. : Hambleton Press, 1988. 264 p.
26. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office : in 47 vols. Edward III: Vol. 4 : 1337–1339 / ed. H. C. Maxwell Lyte. London : H. M. Stationery Office, 1900. 850 p.
27. English Historical Documents : in 12 vols. Vol. IV (1327–1485) / ed. by A. R. Myers. London : Eyre & Spottiswoode, 1969. 1236 p.
28. Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I : 1400–1422 / ed. by R. R. Sharpe. London : His Majesty's Stationery Office, 1909. 393 p.
29. Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. Т. 1. С. 341–348.
30. Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV–XV вв. // Средневековый город : межвузовский сборник научных трудов / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 5. С. 39–50.

Поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 12.04.2023

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication 12.04.2023

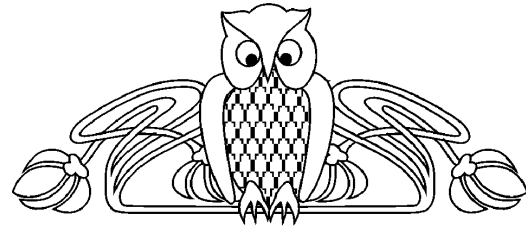

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 338–342
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 338–342
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

Научная статья
УДК [355.216(450)] 14|+929Агутто

Джованни Агутто – кондотьер на службе итальянских государств

М. О. Семиков

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

Семиков Максим Олегович, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института, Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>, AuthorID: 1178106

Аннотация. В статье рассматривается военная карьера англичанина Джованни Агутто, капитана наемников, длительное время служившего итальянским городам-государствам Италии и Папской области. На основе материалов флорентийских хроник братьев Джованни и Маттео Виланни, Маркьоне Стефани, сведений, сообщаемых анонимными авторами, показан его путь от простого наемника до известного кондотьера и почетного гражданина Флоренции. Формулируется вывод о противоречивости образа Джованни Агутто в оценке как современников, так и последующей исторической традиции. В Джованни Агутто сочетались жестокость и алчность наемного капитана, с одной стороны, и рыцарские жесты и установки – с другой.

Ключевые слова: военное наемничество, Джованни Агутто, город-государство, Флоренция, кондотьеры, реконструкция образа

Для цитирования: Семиков М. О. Джованни Агутто – кондотьер на службе итальянских государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 338–342. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Giovanni Aguto – condottiere in the service of the Italian states

М. О. Semikov

North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russia

Maksim O. Semikov, Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>, AuthorID: 1178106

Abstract. The article discusses the military career of the Englishman Giovanni Aguto, a mercenary captain who served the Italian city-states of Italy and the Papal States for a long time. Based on the material of the Florentine chronicles the brothers Giovanni and Matteo Vilanni, Marchione Stefani, information reported by anonymous authors, the path from an ordinary mercenary to a famous condottiere and honorary citizen of Florence is shown. The conclusion is made about the inconsistency of the image of Giovanni Aguto in the assessment both by contemporaries and in the subsequent historical tradition. Giovanni Aguto combined the cruelty and greed of a mercenary captain, on the one hand, and chivalrous gestures and attitudes, on the other.

Keywords: Military mercenary, Giovanni Aguto, city-state, Florence, condottieri, image reconstruction

For citation: Semikov M. O. Giovanni Aguto – condottiere in the service of the Italian states. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 338–342 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Джованни Агутто (1320–1394), он же английский кондотьер Джон Хоквуд, большую часть своей жизни прослужил вместе с верными ему людьми в Италии и именно там снискал себе славу. Наибольшее количество информации о нем оставили его современники из Флоренции, города, с которым он был неразрывно связан на протяжении приблизительно 17 лет своей жизни (1377–1394).

В 1378 г. вследствие усиливающейся внутри города социально-политической напряженности

между старшими и младшими цехами, а также растущего недовольства большей части общества диктаторскими методами правления партии гвельфов было принято решение заручиться поддержкой некоторых компаний удачи, среди которых был и отряд Джованни Агутто. Флорентийский хронист Маркьонне ди Коппо Стефани (1336–1385), не склонный идеализировать этого кондотьера, писал: «Во время этих приоров был заключен договор с компанией мессера Джованни Агутто и графа Луччо, каковые утвер-

ждали, что не станут нарушать статьи договора, заключенные коммуной с ними, а будут соблюдать их на протяжении, по меньшей мере, двух лет. Однако Луччо и его брат Аверардо вскоре отказались выполнять условия контракта с республикой» [1, р. 345]. Из описанной ситуации ясно, что наемники, чувствуя за собой силу, могли в одностороннем порядке попытаться изменить соглашения с нанимателем, тем самым обрекая его на новые расходы, от которых он уже не мог отказаться. По имеющимся источникам не ясно, добивался ли для себя новых условий также Джованни Агуто, поскольку М. Стефани предпочитал обвинить в вероломстве всех наемников, которых нанимал город, но не писал о каких-то злодеяниях со стороны самого Джованни Агуто, как бы подразумевая, что тот мог пойти на подобный шаг. Последнее позволяет предполагать элемент личной неприязни хрониста к Джованни Агуто.

Другой эпизод, который позволил бы дать оценку отношению Стефани к Агуто, произошел в 1382 г., когда кондотьер по пути из Флоренции в Неаполь прибыл в Рим и остановился там на несколько дней. Он был командирован на помощь Папе Урбану VI (1378–1389) вместо денег, которые должна была ссудить понтифику Флоренция, чтобы закрепить свой мир с церковью: «Решили (приоры) таким образом: пусть мессеру Джованни Агуто, каковой был Капитаном войск коммуны Флоренции, будет погашен долг, и он получит из тех денег, что были предназначены для Папы от флорентийцев 12000 флоринов» [1, р. 421]. Папа стремился обезопасить себя от войск наследника Неаполитанского королевства герцога Анжуйского (1339–1384) и укрыться при дворе герцога Карло ди Дураццо, другого претендента на неаполитанский престол со стороны Анжуйской династии в Корнето. Римляне, по мнению Стефани, громко обвиняли Агуто в том, что он пришел в город не для помощи Папе, а желая выгнать его из Рима. Они устроили манифестацию у дома кондотьера, угрожая, что «причинят ему грубость», если он тотчас же не уедет из города [1, р. 421]. Из слов М. Стефани следует, что он представлял кондотьера как человека опасного даже для столь влиятельных людей, как Папа Римский, но и избличал его как наемника, который слышит лишь звон флоринов: перед тем как отправиться к Папе, он ограбил союзника Флоренции Сиену, из-за чего прибыл к понтифику с задержкой. Хронист писал: «И мессер Джованни Агуто вышел из Флоренции в октябре 1382 г., направляясь на службу Церкви. И служба, которую он исполнил, состояла в том, что он направился в сторону Сиены, и потребовал у сиенцев 14000 флоринов, говоря, что когда он был с мессером Джанни Баво Унгаро, тот должен был ему эти деньги отдать, а поскольку сиенцы находились в зависимости от флорентийцев... то они (люди

Агуто) стали эти земли разорять, и заставили их заплатить выкуп» [1, р. 421]. Данная ситуация без всякой идеализации показывает действия кондотьера как типичного капитана наемников, никогда не упускающего своей прибыли, пользующегося правом сильного.

М. Стефани, являясь в тот период стойким противником Дж. Хоквуда, не упустил случая, чтобы рассказать и о более чем сдержанном приеме кондотьера в Риме, который, получив разрешение покинуть Флоренцию для службы папскому престолу, был с угрозами изгнан из Рима возмущенным народом.

Отметим, ссылаясь на современного итальянского исследователя Д. Балестраччи, что эпизод изгнания однозначно вымышлен почти от начала до конца, поскольку об этих событиях не было известно ни в Риме, ни в Неаполе, и они не совпадают со свидетельствами тех, кто наблюдал прибытие Хоквуда в Рим [2, р. 250]. Более того, сам Стефани в это время находился во Флоренции и никак не мог стать свидетелем этих событий. Тон, в котором выдержан рассказ Стефани, явно высвечивал антипатию этого хрониста к Хоквуду, который, по его мнению, мог стать опасным для Флоренции.

Вместе с тем в различных источниках нередко сообщается о том, что Джованни Агуто обладал многими качествами, достойными представителями рыцарства. В свидетельстве флорентийского Анонима (1450–1516?) выражено восхищение Джованни Агуто: «Прибыв на место в окрестностях Флоренции, куда устремилась компания Виллануччо (кондотьера, действовавшего на границах Тосканы в начале 80-х гг. XIV в.), Джованни Агуто встретил отряд Виллануччо, по традиции приславшего Агуто свою перчатку, вызывая того на поединок. Агуто принял ее и щедро одарил того, кто принес для него вызов от Виллануччо» [3, р. 23]. Это мнение разделяется и другими хронистами, которые не имели особых мотивов для симпатии к англичанину. В качестве примера можно привести эпизод, рассказанный сиенцем Бандино да Травале, свидетелем нападений Агуто на территорию своего города, что, казалось бы, не могло позитивно восприниматься хронистом. Однако он заявлял о том, как Хоквуд убеждал командиров, в частности Виллануччо, избежать вероятного поражения: «Положил мессер Джованни Агуто руку на плечо Виллануччо и сказал: »Уходите, как только зайдет солнце, потому что теперь я не смогу сдержать столько людей, которые рвутся дать сражение, и вы будете уничтожены» [2, р. 251], проявив в этом предупреждении врага элемент рыцарских нравов.

Скорее всего, эти благородные фразы – избрание хронистом, но, действительно, рыцарские жесты включались в грубый, но реальный «кодекс чести капитанов удачи», что делало отчасти возможными подобные поведенческие прак-

тики, используемые кондотьерами, хотя в этом случае остается открытым вопрос о правдивости описываемого.

Еще один любопытный пример рыцарского жеста Агуто имел место в конце его карьеры, во время войны Флоренции с миланскими Висконти (1390–1392), когда он вызвал на поединок кондотьера Якопо даль Верме, чтобы заменить дуэлью сражение на поле, по противоположным сторонам которого стояли две группы войск. Следует, однако, помнить, что в условиях военных реалий «рыцарское» поведение проявлялось не всегда. Возможно, стоит удивляться, что Якопо даль Верме, который был на несколько десятков лет младше Агуто, в битве при Казалеккьо 1390 г. проявил себя грубым невеждой, трижды отклонив вызов Агуто и бросив в тюрьму ни в чем не повинного его посланца Зуццо-трубача, обязанного отнести перчатку в лагерь противника. Кажется, в данном случае проходила граница между двумя способами понимания связи рыцарских жестов и войны. Можно предположить, что Агуто был более связан со старыми стереотипами рыцарства, тогда как другой кондотьер действовал в соответствии с менее романтической, но более прагматичной ментальностью [2, р. 253]. Подобное поведение Джованни Агуто в определенной мере отражало дух рыцарской авантюры, основанный на корпоративно-сословной солидарности между сражающимися, что в какой-то мере сближало его с менталитетом рыцарей прошлого.

В то же время другой поборник истинного рыцарства, флорентийский новеллист Франко Саккетти не единожды делает Агуто героем своих новелл, характеризуя его следующим образом: «Он точно был таким человеком, который наиболее твердо владел оружием в Италии в его времена» [4, р. 206]. Однако за этим следовала красноречивая lamentация: «Горе тем людям и народам, которые слишком веряются равным ему, потому что народы, коммуны и все города живут и развиваются в мире; а те живут и процветают в войне» [4, р. 206]. Далее он характеризовал наемных капитанов: «В них нет ни любви, ни веры. Часто они приносят большие расходы тем, кто платит им деньги, потому что они не дают солдатам их части, хотя делают вид, что хотят сражаться и воевать одни против другого; большей выгоды они добиваются, объединившись вместе, предавая тех, кто нанял их за плату, и поэтому они говорят: “Укради там, а я хорошо пограблю здесь”» [4, р. 207].

В разных произведениях XIV–XVI вв. встречаются жалобы на бич наемных компаний, но вместе с тем заявления, что нельзя обойтись без их службы. Отсюда печальное восклицание Ф. Сакетти: «О, ничтожные люди, те малые, которые, хотя и малые, но живут свободно, не вверяясь обманам вооруженных людей, не платят им и не надеются, что это станет надежной

гарантией внешней защиты и внутренней безопасности» [4, р. 207].

Видимо, образ Агуто был отчасти идеализирован во флорентийских текстах. В XIX в. историк Эрколе Рикотти (1816–1883) в своей монументальной «Истории компаний удачи в Италии» высказал следующее суждение по поводу Хоквуда, вторя Маттео Виллани: «Агуто – человек лисьей природы и очень жестокий» [5, р. 494]. Позднейшие историки на протяжении последних десятилетий XIX и XX вв. рисовали образ знаменитого кондотьера в более позитивных тонах, утверждая, что его методы соответствовали тем временам, в которых они применялись. Так, комментируя резню в Фаэнце в 1376 г., когда город был разграблен отрядами Агуто, английский историк Джон Темпл-Лидер оправдывал произошедшее такой формулой: «Фигура Агуто предстает перед нами, с одной стороны, в неприглядном свете; но следует вспомнить в его оправдание, что власть капитанов компаний удачи не была столь твердой, как это принято считать, и они не всегда могли обуздать эксцессы, связанные с солдатами, и полностью нести ответственность за руководимые ими дела» [6, р. 119].

Стефани также припоминал в своих рубриках эпизод, связанный с Фаэнцей, причем факты, излагаемые им, свидетельствовали явно не в пользу известного кондотьера: «24 марта 1376 года была ограблена Болонья, а в Фаэнце был один прелат (имя которого Стефани не называет. – М. С.), который... искал возможности грабить, но не знал как, поэтому он послал за мессером Джованни Агуто, и тот вошел туда... и подверг город грабежу, а некоторые из жителей были захвачены с целью выкупа. Все схваченные женщины предназначались в наложницы для английских солдат... выпускали из города только тех, которых никто не хотел, старух или женщин крестьянского вида» [1, р. 296]. Стефани при всей неприязни к кондотьеру акцентировал следующую деталь: «Агуто, став в воротах, выпустил большое количество женщин, тогда как вышеназванный прелат говорил: »Пусть вот та вернется, она будет достаточно хороша для наших солдат«...», он (прелат) не позаботился о спасении набожных монахинь из монастырей, втянутых в грабеж и порок разврата, как и светские женщины. Казалось очень странным, что и папа об этом не потревожился и не указал высокопоставленному мессеру не проявлять такого злонравия в столь бесчестных и отвратительных предприятиях» [1, р. 296]. Описывая эту сцену, Стефани при всей неприязни к Агуто все же главным виновником представил прелата, указывая на определенное благородство поведения кондотьера, который стремился выпустить как можно больше женщин из города.

Еще более тяжелый эпизод проявлений жестокости, в котором участвовал Агуто, произошел в Чезене, подчиненной в 1377 г. кардиналу

Роберту Женеvesкому (будущий антипапа Климент VII (1378–1394). 3 февраля 1377 г. у солдат-бретонцев, еще не находившихся под началом Агуто, возникли распри с местным населением, из-за чего были погибшие с той и с другой стороны с немалыми потерями для армии [7, р. 210]. Опасаясь, что подобное может повториться, представители Папы наняли отряд англичан во главе с Джованни Агуто для защиты церкви и кардинала, позволив ему убивать и грабить любого в случае опасности для кардинала, что вылилось в новое противостояние. Хронист пишет: «Бретонцы и англичане покорили землю и полностью ее разграбили, убили 3000 человек, среди них было много детей вплоть до грудных младенцев, головы которых разбивали о стены или душили их, многих женщин убили, а многих угнали с собой, а тех, кто не мог бежать, убивали без всякой жалости» [7, р. 211]. Разграбили и другие принадлежавшие церкви территории, компенсируя таким образом задержку жалования. Как видим, неизвестный хронист создает достаточно реалистическую картину негативного свойства.

Дж. Темпл-Лидер не стремился осудить действие Агуто, предполагая, что кондотьер не хотел чрезмерных жертв, но искал возможности смягчить советы кардинала Роберта Женеvesкого, на самом деле, по мнению этого автора, ответственного за убийства: «Не достигнув исполнения благородных намерений, т. е. не сумев убедить кардинала в ненужности грабежа, Агуто кончил тем, что подчинился предписаниям...» [6, р. 120]. Такое предположение возможно.

Однако автор явно пытается оправдать кондотьера приказом кардинала, который Агуто даже при его возможном нежелании должен был выполнить, хотя и понимал «бессмысленную жестокость распоряжения». Кроме того, Темпл-Лидер утверждал, что в Чезене также активно участвовал в резне кондотьер Альберико да Барбиано (1348–1409), предположительно родившийся в небольшом местечке Барбиано на севере Италии, которого восхваляли за великодушие и патриотизм. Связывая этот эпизод с последующими событиями, историк считал, что произошедшее в Чезене привело Агуто к решению покинуть службу папе в том же году, чтобы перейти Капитаном войны во Флоренцию: «Видимо, отвращение к таким делам потребовало от него оставить службу этим правителям» [6, р. 120]. Однако правомерно предполагать, что Дж. Темпл-Лидер склонен идеализировать образ кондотьера, ибо не имеется никаких прямых доказательств того, что именно по этим причинам Агуто перешел на службу Флоренции.

Вместе с тем Маллет воспринял, хотя и с некоторой осторожностью, традицию, согласно которой Джованни Агуто характеризовался как хитрый человек и жестокий военачальник, но

тем не менее не лишенный некоторого благородства в случаях, когда он, вынужденный следовать предписаниям, старался по возможности спасти женщин от резни, учиненной им в городе: «Он сумел спасти некоторых женщин из города, однако там погибло больше чем 5000 человек, которыми заполнили городской ров» [8, р. 41].

В том, что касалось резни в Чезене, которую считали темным пятном в карьере Джованни Агуто, современные авторы стараются дать более взвешенные оценки его действиям. Подобную попытку предпринимал и классик исследований военного наемничества Майкл Маллет. «В Чезене солдаты Агуто были фланкированы компанией бретонцев, посланной папой, которая совсем не считалась с местным населением». Главную ответственность за массовое убийство историк возлагал на бретонцев, полагая, что «их положение было выше, чем положение англичан» [8, р. 39]. Указанный автор по существу оправдывал английского кондотьера тем, что он в том же 1377 г. покинул войска церкви: «Агуто, очевидно питая отвращение к тому, с чем пришлось ему соприкоснуться в Чезене, вскоре оставил службу у папы» [8, р. 39]. Отметим, что это лишь предположение.

Однако историки опираются и на выводы английского биографа Дж. Темпл-Лидера. Так, о том, что Джованни Агуто представлял «тип нового кондотьера», писал итальянский историк Эрнесто Сестан, утверждая, что «Агуто было присуще чувство чести, стремление соблюдать данное слово, а не только грубая хищность» [2, р. 259].

М. Маллет в издании конца 80-х гг. XX в. подчеркивал профессиональные качества Хоквуда: «Персонаж наиболее заметный в итальянских войнах... был солдатом жестким, но истинным профессионалом, который, в отличие от современных ему кондотьеров, был озабочен не столько деньгами, сколько собственной репутацией воина» [8, р. 38]. «В своей компании, – продолжал историк, – он умел создать единство и такой корпоративный дух, какового нигде не было» [8, р. 38]. Стараясь быть максимально лояльным к соотечественнику, Маллет избегал идеализации и старался провести беспристрастный анализ деятельности кондотьера, но все же пытался, насколько возможно, оправдать наиболее темные страницы его биографии. Интересна мотивация психологического и эмоционального характера, которую Маллет приводил, чтобы подтвердить свою точку зрения: «За те 15 лет, которые он провел в Италии, он должен был полюбить страну и ее жителей» [8, р. 41].

Несмотря на всю неоднозначность фигуры Джованни Агуто, его влияние на развитие Флоренции второй половины XIV в. сложно переоценить. Восприятие смерти Агуто гражданами Флоренции показывает значимость его фигуры для данного города-государства. Анонимный

хронист писал: «В среду 18 марта 1394 г. умер выдающийся рыцарь, мессер Джованни Агуто. Воздали ему во Флоренции величайшие почести знаменами и покрытыми конями. Тело его... стояло всю ночь в Сан Джованни, а на возвышении находился стол с большим количеством мехов и драпов, на которых помещалось тело, а также 300 горящих канделябров. В четверг вечером все колокольни церквей Флоренции звонили по 3 раза двойных звона смерти по распоряжению синьоров Приоров, а также звонили и в пятницу утром» [3, р. 168]. Эта картина свидетельствует о значимости Джованни Агуто для города Флоренции, ибо такая церемония прощания применялась лишь в исключительных случаях по отношению к самым выдающимся личностям.

Это же самое можно сказать и о церемонии похорон Агуто. Аноним писал: «В пятницу утром 20 марта поставлены были вокруг площади Синьоров скамьи для похорон, и там собралось множество граждан, и Синьоры находились на трибуне, а в лоджии – рыцари, судьи и медики. А на площади был поставлен большой стол, убранный множеством мехов и золотых драпов... И весь клир собрался в Санта Мария дель Фьоре, в числе 200 священников и монахов, и все религиозные братства Флоренции, которые сопровождали тело вместе с правителями города, рыцарями и гражданами...» [3, р. 168–169]. Этот фрагмент говорит о том, что Джованни, хотя и не являлся флорентийцем по рождению, он заслужил достойнейшие похороны и церемонии прощания, в которой принял участие весь город. Вместе с тем интересен образ покойного и в представлении флорентийцев, видевших в нем защитника и гражданина Флоренции, а не наемника.

Доказательством пышности обряда прощания с Джованни Агуто может служить пример других богатых и почетных похорон, устроенных для Вьерида Камбио де Медичи (1323–14 сентября 1395) [3, р. 179], и выдающегося гуманиста Леонардо Бруни, который был «преданным гражданином» Флорентийской республики (хотя это звание он получил позднее как признание его заслуг перед коммуной, как республиканец и демократ [9, с. 425]). То, что Джованни Агуто

оказался в одном ряду со столь уважаемыми флорентийскими гражданами, должно было показать важность персоны кондотьера для города-государства.

Таким образом, личность Джованни Агуто до сих пор вызывает дискуссии при определении ее значимости для Италии и Тосканы, если учитывать его намерения и свершения, а также род деятельности. При всей противоречивости оценок, авторы признают, что он оставил глубокий след в истории не только как военный, но и как политик, а также государственный деятель, ибо наиболее выдающиеся кондотьеры в Италии нередко исполняли разные функции, в том числе и невоенные. Почти всеми авторами подчеркивается тот факт, что этому кондотьеру не были чужды понятия чести и достоинства, а также рыцарские жесты.

Список литературы

1. *Stefani Marchione di Coppo*. Cronaca Fiorentina. Rerum Italicarum Scriptores : in 121 vols. Vol. 30 / ed. Niccolo Rodolico. Città di Castello ; Coi tipi dell'editore Scipione Lapi. Bologna : Nicola Zanichelli, 1779. 677 p.
2. *Balestracci D. Learmi, icavalla, l' oro*. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma; Bari : Laterza, 2003. 320 p.
3. *Diario: Alle bocche della piazza*. Diario di anonimo fiorentino (1382–1401) / a cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze : L. S. Olschki, 1986. 252 p.
4. *Franco Sacchetti*. Tales from Sacchetti. London : J. M. Dent & co, 1908. 307 p.
5. *Ercole Ricotti*. Storia del le compagnie di ventura in Italia: in 4 vols. Vol. 1. Torino : Giuseppe Pomba e c., 1847. 550 p.
6. *Temple-Leader J., Marcotti G*. Sir John Hawkwood (L'Acuto) : Story of a cindottiere. London : T. Fisher Unwin, 1889. 370 p.
7. *Cronichetta d'incerto // Croniche antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana / de D. M. Manni*. Milano : Per Jovanni Silvestri, 1844. P. 173–217.
8. *Mallett M*. Mercenaries and their masters. Warfare in Renaissance Italy. Barnsley : Pen & Sword military, 2009. 285 p.
9. *Эльфонд И. Я.* Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 425–432. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-4-425-432>

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 343–349
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 343–349
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-343-349>, EDN: DAWSSS

Научная статья
УДК 316.75(410)|18/19|+821.111+929Мор

Ханна Мор о значении благотворительности для бедных и богатых

Н. А. Старокожева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Старокожева Наталия Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории, natka0000000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7988-634X>, AuthorID: 1137642

Аннотация. В статье рассматривается одна из граней процесса промышленного переворота, связанного с подвижками в социальной структуре общества и переменами в поведенческих практиках. Основное внимание сосредоточено на анализе взглядов писательницы, филантропа и педагога Х. Мор. В своих сочинения она стремилась способствовать укреплению социальной стабильности в обществе путем обучения «истинных леди», с одной стороны, и воспитанию послушных бедняков, с другой.

Ключевые слова: Англия, промышленный переворот, Ханна Мор, «истинная леди», бедность, филантропия

Для цитирования: Старокожева Н. А. Ханна Мор о значении благотворительности для бедных и богатых // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 343–349. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-343-349>, EDN: DAWSSS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hannah More on the significance of charity for the rich and the poor

N. A. Starokozheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nataliya A. Starokozheva, natka0000000@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7988-634X>; AuthorID: 1137642

Abstract. The article examines one of the facets of the industrial revolution process associated with shifts in the social structure of society and changes in behavioral practices. The main attention is focused on the analysis of the views of the writer, philanthropist and teacher H. More. In her writings, H. More tried to contribute to strengthening social stability in society by educating “true ladies”, on the one hand, and educating obedient poor, on the other hand.

Keywords: England, industrial revolution, Hannah More, “true lady”, poverty, philanthropy

For citation: Starokozheva N. A. Hannah More on the significance of charity for the rich and the poor. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 343–349 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-343-349>, EDN: DAWSSS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной исторической науке значительной популярностью пользуется направление, именуемое новой исторической биографией (персональной историей) [1, 2]. Этот подход требует не ограничиваться повествованием о жизненном пути отдельного исторического персонажа, а постараться создать научное исследование, раскрывающее эпоху через личность. При этом героями персональной истории могут быть, «казалось бы, ничем не примечательные “простые”, «рядовые» люди, которые могут пролить свет на многие неизученные аспекты прошлого» [3, с. 6].

Как отмечает Л. П. Репина, «незаурядная личность», занимающая не самое выдающееся

положение, как никто другой может отразить в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи [3, с. 14]. Схожую мысль высказал М. Н. Крот: «Человек второго плана не относится к числу людей, с чьим именем связаны глобальные изменения в жизни общества и государства, но, тем не менее, является немаловажной фигурой, оказывая незримое, но, в то же время, значительное влияние на общественно-политическую жизнь страны» [4, с. 89].

В Англии с 1760-х гг. начался промышленный переворот, который оказал влияние практически на все общество: «И Британия, и весь мир знали, что промышленная революция, начавшаяся

яся на этих островах, благодаря, и посредством труда и предпринимательства, <...> изменяла мир. Ничто не могло устоять на ее пути. <...> короли прошлого были бессильны перед бизнесменами и паровыми двигателями того времени» [5, с. 79].

Промышленный переворот привел к болезненным переменам в социальной жизни. Переход к новой экономике усилил нищету. Страна богата, но вместе с тем росло количество бедных, социально не защищенных людей. Старая система поддержки неимущих была создана в условиях аграрной страны; новая система должна была ориентироваться на общество, в котором все большая часть населения перемещалась в города. В 1830-х гг. в литературе и искусстве начинает появляться изображение нового общества, в котором разрушились все общественные связи, за исключением денежных отношений. Некоторые современники уже в конце XVIII в. обратили свое внимание на весьма актуальные на тот момент проблемы бедности, нищеты и безработицы. Подробнее с основными особенностями этого процесса, а также с развитием законодательства в отношении бедных в меняющихся условиях можно ознакомиться в работах Ю. Барловой [6].

Другой составляющей социальных изменений было формирование буржуазии – нового влиятельного общественного слоя, роль которого только начала проявляться. Отдельную группу этой категории составляли женщины буржуазного круга, не имевшие отношения к собственно предпринимательской деятельности, отстраненные от необходимости трудиться и не приученные к тем обязанностям «леди», которые были привычны для представительниц старой аристократии.

На стыке этих двух проблем – новая беднота и новые богачи – развернулась деятельность известной английской писательницы, филантропа и педагога Ханны Мор (1745–1833 гг.), которая, по ее собственным словам, свою жизнь и свое творчество посвятила филантропии и воспитанию «истинных англичанок – леди» [7, р. 59]. Х. Мор предложила женщинам из состоятельных кругов заняться благотворительностью, что обеспечило бы им «работу», занятость и одновременно способствовало бы решению проблемы борьбы с нищетой.

Остановимся на рассмотрении одного из направлений деятельности Х. Мор – распространения и популяризации благотворительности как особого занятия для женщин. Стоит отметить, что имя Х. Мор упоминалось отечественными историками лишь при рассмотрении евангелического движения в Англии, возглавляемого Уилбирфорсом [8, с. 94], или же при ознакомлении с ее интеллектуальными салонами [9, с. 171–196] как заметной участницы и того и другого.

Современные зарубежные ученые, изучающие женскую историю, подтверждают тот факт,

что женщины в Англии в XIX в. принимали участие в благотворительности, так как эта деятельность воспринималась частью их домашних обязанностей, но не многие объясняют причины такого восприятия. В действительности благотворительность не является «естественным продолжением женской роли».

Как отмечала Л. Эйкин, работы Х. Мор служат ключом к пониманию процесса признания благотворительной деятельности как части домашней роли женщины [цит. по: 10, р. 46]. В своих назидательных трудах, романе и трактатах Х. Мор взяла на себя традиционную для женщины из высшего общества роль «леди Баунтифул». Это выражение появилось после выхода в свет в 1707 г. комедии Джорджа Форкуара «Хитроумный план щеголей» (The Beaux Stratagem). Так называли женщин любого возраста, принадлежавших к зажиточным семьям и решивших заниматься благотворительностью – раздавать вещи бедным, чтобы показать всем, какие они богатые и добрые. Негласной целью было «успокоить» негодования нищих в отношении своего господина. По сути эта роль заключалась в том, чтобы укрепить иерархические узы почтения патриархальности и приспособить их к новым социальным, экономическим и политическим условиям своего времени [11].

Отечественный социолог Л. Давыдова и британский ученый К. Холл приписывают Х. Мор употребление новых терминов для характеристики домашней жизни и полового различия [12]. М. Майерс использовала социальную антропологию, чтобы выявить стратегию женщин-реформисток в беспокойные 1790-е гг. По мнению М. Майерс, Х. Мор старалась усилить активность женщин в обществе, определяя «домашность» термином «социальная обязанность», и относила политические вопросы к проблемам морали и религии, которые женщины способны разрешить. Как считала М. Майерс, программа «агрессивной добродетели» Х. Мор сделала писательницу «женщиной-крестоносцем» и дала ей возможность быть более успешной, нежели Мэри Уолстонкрафт или любые другие современницы [13, р. 268].

Вслед за М. Майерс другие историки начали фокусировать свое внимание на новых возможностях, которые были открыты для женщин Х. Мор, благодаря ее пересмотру домохозяйственности (domesticity). Э. Ковалски-Уоллас утверждает, что программа Х. Мор для женщин была одним из способов демонстрации беспокойства о своем положении. Несмотря на то, что Э. Ковалски-Уоллас допускает известное влияние трудов Х. Мор о роли женщины на умонастроения XIX в., она (Э. Ковалски-Уоллас) была убеждена в том, что успехи, которых Мор добивалась для себя и для других женщин, были обеспечены только при поддержке мужчин, и, следовательно, были недо-

статочны, чтобы полностью освободить женщин от диктатуры патриархата [14, р. 106].

Современный профессор Оксфордского университета К. Сьюзерленд относит Х. Мор к традиционным английским писательницам, чьи работы раскрывают возможности женщин через их роль домохозяйки. Феминизированная семейная сфера, которую пропагандируют работы Х. Мор, утверждает К. Сьюзерленд, «прорезает устаревшую патриархальную модель социальных отношений» [15, р. 49].

Объединяя Х. Мор с традиционными женщинами-писательницами XVIII в., «читающими нотации», литератор К. Круегер полагает, что Х. Мор намеревалась показать женщинам, как добиться признания в обществе, и требовала от мужчин «раскаяния» за отказ допустить к общественным дискуссиям женщин [16, р. 174]. Стоит заметить, что препятствовали данному начинанию Х. Мор не только мужчины, но и женщины, не разделявшие ее точку зрения.

Несмотря на то, что М. Майер, К. Сьюзерленд и К. Круегер признают, что благотворительная деятельность была ключевым компонентом, с помощью которого Х. Мор намеревалась реформировать английское общество, ни один из этих специалистов не объясняет, почему и каким образом женская благотворительность стала восприниматься как часть домашних забот женщины.

Б. Ф. Тобин обратила свое внимание на интерпретацию Х. Мор благотворительности. Б. Ф. Тобин определяет писательницу как оратора для разрастающегося среднего класса в противовес джентри и аристократии, так как последние «отказывались от своих отеческих обязанностей в отношении сельских бедняков». Женщины из среднего класса, пишет Б. Ф. Тобин, своей благотворительной деятельностью заполнили разрыв, образовавшийся между бедняками, с одной стороны, и джентри и аристократией – с другой. По ее словам, Х. Мор была уверена в том, что состоятельные женщины, освоившие технологию саморегулирования, смогли бы изменить сердца бедных, внушить им, что следует принять со смирением и благодарностью свое положение [17, р. 108].

В романе Х. Мор «Коллебс в поисках жены» дворянки показаны как наиболее влиятельные представительницы домохозяек и как самые важные участники благотворительной деятельности. И хотя Мор создавала портрет социальной модели, ее версия патернализма не просто возвращала к идеализированному прошлому. Это были бы новые социальные отношения, которые могли бы существовать в рамках рыночной экономики, ориентированной на потребителя.

Одним из ключевых новшеств в филантропической деятельности конца XVIII в. было введение частных пожертвований в благотворительные общества. Пожертвования вносились в качестве капитала, а многие благотворительные

общества управлялись подобно коммерческим предприятиям: с руководителем и еженедельной комиссией. Такое финансирование благотворительности и управление ею все больше и больше вовлекало в филантропию бизнес и политику. Даже церковнослужители, рассказывая о милостыне и благодеянии, начинали использовать риторику «мужских» сфер деятельности, отмечая, что инвестируемые средства в благотворительность помогут улучшить и имущественное положение бедных, и их духовное состояние. Благотворительные общества охотно принимали женщин в качестве благотворительниц, порой доверяли им распределение средств. Однако их не допускали к официальному руководству данными обществами [11, р. 192].

Цель Х. Мор состояла в сохранении существующих отношений, предоставлении возможности женщинам из высшего и среднего слоев общества осуществлять «надзор» за бедными. В то время как «леди Баунтифул» должна была оказывать помощь бедным только на семейном поместье, Х. Мор предложила организовать благотворительные общества, существующие за счет частных пожертвований и оказывающих помощь нуждающимся из разных мест.

Наиболее красочно это показано в одном из отрывков «Cheap Repository Tracts» (Дешевое хранилище трактатов) Х. Мор – «The Riot: Or, Half a Loaf Is Better Than No Bread, In a Dialogue Between Jack Anvil and Tom Hod», («Бунт, или Лучше что-нибудь, чем ничего, в диалоге между Джеком Энвиллом и Томом Ходом»), в котором ведут спор двое мужчин: Джек Энвилл, выступающий против демократических перемен, и Том Ход, полностью поддерживающий реформационные взгляды [18]. Очевидно, что фамилии выбраны не случайно: с английского языка «Anvil» переводится как «наковальня»; а «anvil chorus (амер.) – хор недовольных, протестующих, злобствующих»; «Hod» в переводе с английского на русский означает «лоток для подноса кирпичей, извести; со старинного – корыто для извести, творило, ведро для угля».

Один из аргументов Джека в пользу традиционных отношений заключался в том, что привилегированные сословия в состоянии помочь в трудные времена всему обществу и будут это осуществлять в случае необходимости, но это будет реализовываться через благотворительные общества: «Богатые жертвуют денежные средства в благотворительные фонды, или же, например, землевладельцы отдадут в эти общества свои пудинги и пироги, а те распределят их среди нуждающихся. Эти общества и фонды не будут привязаны только к одной какой-либо местности» [18, р. 50].

Джек убежден, что такая система благотворительности будет намного эффективнее, чем помощь отдельного землевладельца только тем бедным, которые находятся в его имении. Ведь

есть состоятельные лендлорды, способные оказать достойную поддержку неимущим, и при этом они еще останутся в достатке, а есть и те, которые не в силах обеспечить бедных даже в пределах своего имения. Таким образом, будут удовлетворены потребности нуждающихся, в том числе живущих в городах.

Как отмечает Д. В. Эллиот в своей статье «Забота о бедных – ее профессия: Ханна Мор и женская филантропическая деятельность», публикация данного диалога остановила восстание возле г. Бат в 1776–1777 гг. Изменение традиционных взглядов на благотворительность было вызвано, во-первых, масштабом происшедших волнений, которые затрагивали не одну отдельную местность; во-вторых, женщина, не будучи жертвователем, могла бы заниматься распределением средств, тем самым в благотворительную деятельность были бы вовлечены и небогатые представительницы прекрасного пола [19, р. 195].

В понимании Х. Мор женская благотворительная деятельность – это не только раздача еды доведенным до нищеты людям, но и возможность приспособить традиционные иерархические связи к современной на тот момент реальности. В нескольких памфлетах, адресованных людям из среднего сословия, Х. Мор дает рекомендации по поводу того, как женщина, даже не имея средств, может заниматься благотворительностью и впоследствии повлиять на общество в целом (например, памфлет «Замечания на речь графа Дюпона, произнесенную на Национальном Собрании 14–16 декабря 1792 г. в Париже»).

В сочинении «Средство от меланхолии» рассказывается, как вдова миссис Джоунс умудрялась оказывать помощь прихожанам церковного прихода, в котором она жила, при этом денег у нее едва хватало на собственное содержание [20, р. 201]. История миссис Джоунс, в некоторой степени основанная на собственном раннем опыте Х. Мор в благотворительной деятельности, является одним из направлений благотворительности, которое пропагандировала Х. Мор в качестве «новой леди Баунтифул».

По совету священника Симпсона Джоунс старалась обучать чтению бедных прихожан или же побуждала их отказаться от «вредных привычек». Так, она рекомендовала местным женщинам не употреблять чай и белый хлеб со сливочным маслом, а советовала им самостоятельно печь хлеб из более грубой муки, которая намного дешевле, или же самим варить пиво. Тем самым их мужья останутся дома, сохранят средства и им (мужьям) будет легче контролировать себя, чтобы на следующий день продолжить трудовую деятельность.

Миссис Джоунс советовала джентри покупать более дорогие куски мяса, чтобы у бедных

тоже была возможность приобрести мясо, но дешевле, и призывала сельских жителей объявлять бойкот магазинам, работавшим в воскресенье (в данном случае подтверждается, что Х. Мор принадлежала к евангелическому обществу, для которого воскресенье являлось основным выходным, и евангелики как раз и пропагандировали объявлять бойкот тем, кто работает в этот день). Миссис Джоунс посещала и благотворительные школы, в которых обучала девочек рукоделию: кройке, шитью, стирке и пр. Таким образом, она пыталась решить некоторые проблемы прихода, используя свое умение убеждать и объяснять.

В слова Джоунс Х. Мор вложила свое видение причин, по которым было необходимо изменить патриархальные отношения: «Провидение, ниспосланное этими чрезвычайными периодами голода и волнений, которые мы недавно дважды испытали, позволило богатым узнать о желаниях, потребностях и положении своих бедных собратьев, и побудило пересмотреть методы ведения хозяйства, а также показало необходимость в создании благотворительных обществ. Это позволило богатым и бедным “встретиться” друг с другом» [20, р. 169]. Урок, который должны усвоить богатые, по мнению Х. Мор, – это важность личных контактов с бедными.

Для достижения данной цели Х. Мор использовала такой метод, как сочинение текстов для бедных. Предполагалось, что эти тексты воспитают в малоимущих чувство ответственности. Она распространяла эти же работы и среди богатых и влиятельных, чтобы последние лучше узнали о проблемах и чаяниях «своих подопечных». Для неимущих тексты печатались на дешевой бумаге, а для джентри – на бумаге лучшего качества и в ограниченном тираже. Таким образом, трактаты Х. Мор были рассчитаны на разнообразную аудиторию, что позволило писательнице преподавать уроки не только бедным (как выполнять свои обязанности и чувствовать себя счастливо в пределах своих возможностей), но и проинформировать лиц, стоявших выше по положению, об их обязанностях по отношению к бедным [7, р. 39].

Роман Х. Мор «Коллебс в поисках жены» был явно нацелен на имущего читателя. Главный герой – Чарльз, молодой человек, отправляется в путешествие по Англии с целью найти себе жену. Прежде чем встречаться с избранницами, он опрашивает соседей из их окружения, от которых не только узнает о предполагаемой избраннице, но и об образе жизни, насущных проблемах, мечтах тех, кто делится с ним сведениями. Так, в одном из поселений Чарльз встречает хромого садовника Стенли, который рассказывает о добрых делах, совершенных Луцилией и ее семьей для этого садовника. Свое повествование Стенли завершает так: «На Рождество они дали мне новый костюм, одели с головы

до ног. И я ничего не хотел бы иметь, кроме благодарного сердца, потому что я никогда не смогу отблагодарить своих благодетелей» [21, р. 203]. Именно Луцилия станет избранницей Чарльза.

В данном случае Х. Мор определяет щедрость богатых как благотворительность, основанную на практике дарения, и в романе слова «справедливость» и «благотворительность» используются как синонимы, что позволяло богатым почувствовать себя честными и справедливыми, при этом не теряя свои богатства и социальную иерархию.

Социолог и этнограф М. Маус относит практику дарения подарков ко временам первобытных обществ и отмечает, что экономику дарения отличает от рыночной то, что в первой обмен подарками преследует духовную и моральную цель: «Самое важное при получении подарка то, что он обязывает нас сделать ответный подарок» [22, р. 69]. При этом необходимо соблюсти одно важное условие – ответный подарок должен быть равноценным. Если же человек не в состоянии преподнести в ответ такой же по качеству и стоимости подарок, то он обязан отплатить своей службой, почтительным отношением к дарителю, более того, позволить дарителю контролировать не только работу, но и образ жизни, как в случае с хромым садовником в романе. Отказ от подарка воспринимался как проявление неблагодарности, да и мало кто отказывался, учитывая бедственное положение [22, р. 70].

Такие отношения между дарителями и объектами благотворительности внешне похожи на традиционные патриархальные, но могут быть применимы к построению взаимоотношений между женщинами из среднего слоя общества как дарителями, с одной стороны, и бедными как «объектами благотворительности», с другой стороны. Таким образом, «экономика благотворительности» основана на обмене подарка на зависимость бедных от дарителя. «Объектом благотворительности» может выступать как сельский бедняк, так и городской рабочий, независимо от того, из какой местности даритель [22, р. 71].

Американский социолог П. М. Блау указывает на то, что двойная обязанность получать и дарить подарки позволяет признать превосходство одних над другими, тем самым установив власть над последними. Дарителями могут выступать и женщины, приобретая властную позицию, которую они вряд ли смогли бы получить при обычном рыночном обмене [23, р. 83]. Для сохранения этой позиции за обеспеченными женщинами было необходимо, чтобы бедные оставались бедными. Это объясняет тот факт, почему женщины стали выступать за благотворительность и социальную систему, основанную на «дарении». Л. Эйкин, рассматривая, как развивалась женская филантропическая деятельность на протяжении XIX в.,

писала, что «положительный спрос на страдания был создан непрекращающимся рвением облегчить его» [цит. по: 10, р. 46].

Благотворительный акт должен был не только облегчить положение нуждающегося, но и породить следующий благотворительный акт. Х. Мор писала, что, предоставив возможность детям из бедных семей посещать школы, «дарители» будут обязаны обеспечивать их литературой, тем самым они еще раз окажут милость. При этом автор часто негативно отзывалась об обучении бедных письму и о предоставлении им всеобщего избирательного права, что подтверждают слова миссис Джоунс, главной героини рассказа Х. Мор «Средство от меланхолии»: «Я не одобряю, чтобы в благотворительных школах обучали письму. В плане обучения, особенно девочек, я придерживаюсь строгих рамок. Глубокое знание религии и практические умения, которые в дальнейшем принесут пользу общине, – то, что я хотела бы передать своим ученицам» [20, р. 170]. Миссис Джоунс уважительно относится к бедным и выступает против тех, кто считает, что любая вещь достаточно хороша для нуждающегося, но то, что бедные остаются бедными, «другими» – для нее неоспоримый факт. По мнению героини, пока будет существовать потребность в благотворительности и в благотворительных обществах, у состоятельных женщин будет дополнительный род занятий.

Наряду с властью, которой наделяет филантропия благодетелей, у женщин-благотворительниц появляются право и обязанность присматривать за теми, кому они помогают. В романе «Колес в поисках жены» Луцилия раздает молодым слугам в качестве приданного небольшие участки земли, засаженные фруктовыми деревьями и розами. При этом ставится условие, чтобы работники «хорошо себя вели» и были осмотрительны при выборе спутника жизни. Несмотря на то, что плодовые деревья и красивые цветы были пересажены в сады бедных, очевидно, принадлежали они все же богатым благодетелям. Чарльз по пути к Луцилии, своей избраннице, срезал букет роз для нее в саду ее слуги, даже не уведомив при этом находящихся в доме «хозяев». Более того, в дальнейшем Чарльз и Луцилия навещают этого слугу с целью проверить, по-прежнему ли сохраняется такой же порядок [21, р. 208].

Подобный контроль не только заставляет бедняков выполнять свой долг и быть ответственными, но и позволяет женщине-дарительнице использовать свои умения «устроить» быт. Х. Мор отмечает, что женщинам необходимо рассматривать заботу о бедных как свою непосредственную службу, потому что они более всего подходят для этой роли: они ближе знакомы с домашними потребностями, могут проявить больше сочувствия и в конечном счете у них больше свободного времени [24, с. 75].

Главное, чего не должна забывать женщина, занимающаяся благотворительностью, это то, что помогать следует разумно. При распределении средств для благотворительности неуместна «чувствительность Руссо». Заботиться о бедных нужно таким образом, чтобы в дальнейшем не пришлось самой стать «объектом дарения» [11, р. 189].

Хотя Х. Мор искренне считала, что необходимо улучшение положения низших слоев общества, она в равной степени была убеждена в целесообразности «удерживать» бедных на «своих» местах, чтобы научить их довольствоваться своим положением, неустанно благодарить своих добродетелей, а не стараться повысить свой социальный статус. Пока есть бедняки, нуждающиеся в обучении, в материальных благах, у женщин будут занятие и власть [24, с. 75].

В 1841 г. в письме к американскому публицисту В. Э. Чанингу английский историк Л. Эйкин отмечала, что практика посещать бедных стала модной и широко распространенной среди англичанок, по большей части благодаря роману «Колебс в поисках жены», опубликованному в 1808 г. По словам Л. Эйкин, писательница Х. Мор и ее евангелическое окружение привнесли изменения во взгляды английского общества на социальную роль женщины: «Этот филантропический импульс, спровоцированный, главным образом, евангелическим движением, сначала начал распространяться в пределах этого круга. Этот круг, в конце концов, стал настолько многочисленным, что оказался способным влиять на все английское общество в целом, и практика посещения бедных стала такой обыденной, что я не знаю ни одного обстоятельства, которое могло бы так изменить манеры, обучение и занятия англичанок или так же сильно отделить занятия одного поколения женщин от женских занятий предшествующего поколения» [24, с. 75].

Письмо Л. Эйкин было написано спустя 8 лет после смерти Х. Мор и спустя 30 лет после выхода в печать ее воспитательных работ для женщин. При этом Л. Эйкин характеризует современную ей благотворительную деятельность женщин именно так, как практиковала Х. Мор. К этому времени благотворительный труд героинь романа «Колебс в поисках жены» Луцилии Стэнли и леди Бэлфилд воспринимался частью обязанностей женщин из среднего и высшего слоев общества. Посещения почтенными дамами больниц, тюрем, домов рабочих и жилищ бедняков стали регулярными. Фактически благотворительность позволила женщинам «выйти из своих домов» и напрямую влиять на общество, несмотря на то, что понятие женской сферы деятельности по-прежнему ограничивалось домом и семьей [24, с. 76].

Список литературы

1. Павлова Т. А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века : традиции и новации. М. : Институт всеобщей истории, 1995. С. 86–92.
2. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
3. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих : образы и судьбы : сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л. П. Репина. СПб. : Алетейя, 2010. С. 5–18.
4. Крот М. Н. Князь В. П. Мещерский – консервативный политик и общественный деятель // Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов н/Д : Издательство Южного Федерального Университета, 2004. С. 89–99.
5. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 480 с.
6. Барлова Ю. Е. Система социальной помощи в Англии XVIII – первой половины XIX вв. и конструирование нарративов о «старом законодательстве о бедных» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории ИВИ РАН. 2009. № 28. С. 297–318.
7. Ford Ch. H. Hannah More : A Critical Biography. New York : Peter Lang Inc., 1996. 309 p.
8. Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск : Русич, 2002. 624 с.
9. Успенская В. И. Женские салоны в Европе XVII – XVIII веков // Женщины. История. Общество : сборник научных статей / под ред. В. И. Успенской. Вып. 2. Тверь : ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. С. 171–196.
10. Letitia le Breton A. Correspondence of William Ellery Channing D. D. and Lucy Aikin. From 1826 to 1842. London : Kessinger Publishing, LLC, 2008. 452 p.
11. Gerald J. Lady Bountiful: Women of the landed classes and rural philanthropy // Victorian Studies. 1987. № 30. P. 183–210.
12. Davidoff L., Hall C. Family fortunes: Men and women of the English Middle class 1780–1850. Chicago : U of Chicago, 1987. 628 p.
13. Myers Mitzi. “Hannah More’s Tracts for the Times: Social Fiction and Female Ideology” // Fettered or Free? British Women Novelists, 1670–1815. Athens, OH : Ohio UP, 1986. P. 264–284.
14. Kowalski-Wallace E. Their Fathers’ Daughters : Hannah More, Maria Edgeworth and Patriarchal Complicity. London : Oxford University Press, 1991. 293 p.
15. Sutherland K. Hannah More’s Counter-Revolutionary Feminism // Revolution in Writing : British Literary Responses to the French Revolution / ed. K. Everest. Philadelphia : Open UP, 1991. P. 27–63.
16. Krueger Ch. L. The Reader’s Repentance: Women Preachers, Women Writers, and Nineteenth-Century Social Discourse. Chicago : U of Chicago, 1992. 357 p.
17. Tobin B. F. Superintending the Poor : Charitable Ladies and Paternal Landlords in British Fiction, 1770–1860. New Haven : Yale University Press, 1993. 224 p.

18. The Riot: or, Half a Loaf is better than no Bread // The works of Hannah More : in 2 vols. Vol. 1. New York : Harper and Brothers, 1835. P. 49–50.
19. Elliot D. W. “The care of the poor is her profession”: Hannah More and women’s philanthropic work // Nineteenth-Century Contexts. 1995. Vol. 19. P. 187–195.
20. A Cure for Melancholy // The works of Hannah More : in 2 vols. Vol. 1. New York : Harper and Brothers, 1835. P. 167–172.
21. Coelebs in Search of a Wife // The works of Hannah More : in 2 vols. Vol. 1. New York : Harper and Brothers, 1835. P. 129–162.
22. Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. Trans. Ian Connison. London : Cohen and West LTD, 1966. 136 p.
23. Blau P. M. Exchange and power in social life. New York : Routledge, 1986. 372 p.
24. Вклад моралистки Х. Мор (1745–1833 гг.) в развитие благотворительности среди женщин в Англии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова [Электронный ресурс]. М. : МАКС Пресс, 2021.

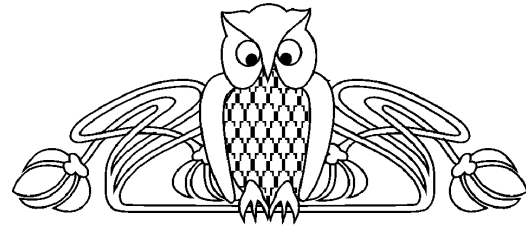
Поступила в редакцию 02.12.2022; одобрена после рецензирования 14.12.2022; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 02.12.2022; approved after reviewing 14.12.2022; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 350–356
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 350–356
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-350-356>, EDN: FENXFG

Научная статья
УДК 061.251(410)|1646/1723|+929

Архитекторы нового масонства в Англии (1646–1723)

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам масонского движения в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. Особое внимание уделяется развитию нового масонства в Англии. Анализируются наиболее актуальные вопросы трансформации национальной масонской организации. Рассматриваются деятельность и взгляды организаторов нового масонства.

Ключевые слова: масонство, новое масонство, идеологи нового масонства, Великая ложа Лондона

Для цитирования: Киясов С. Е. Архитекторы нового масонства в Англии (1646–1723) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 350–356. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-350-356>, EDN: FENXFG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Architects of New Masonry in England (1646–1723)

S. E. Kiyasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Abstract. The article is devoted to topical issues of the Masonic movement in England at the turn of the 17th–18th centuries. Particular attention is paid to the development of the New Masonry in England. The author analyzes the most pressing issues of the transformation of the national Masonic organization. The activities and views of the organizers of the New Masonry are considered.

Keywords: Masonry, New Masonry, New Masonry ideologues, the Grand Lodge of London

For citation: Kiyasov S. E. Architects of New Masonry in England (1646–1723). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 350–356 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-350-356>, EDN: FENXFG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На рубеже XVII–XVIII столетий в после-революционной Англии открыли работу новые масонские ложи, положившие начало истории философского (спекулятивного) братства «вольных каменщиков». В скором времени они приобрели большое влияние в обществе и многочисленных адептов. На масонских собраниях, недоступных для посторонних, использовались ритуалы и символика средневековых ремесленно-строительных цехов. Приверженность старым, корпоративным традициям способствовала росту популярности и успешной легализации обновленного, внеремесленного масонства. Его идейные установления и структуры распространили интеллектуалы, члены научного Королев-

ского Общества (Royal Society). Наибольший вклад в распространение субкультуры новоявленных «вольных каменщиков» внесли Элиас Эшмол (1617–1692), Кристофер Рен (1632–1723), Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744), Джеймс Андерсон (1679–1739), Джордж Пейн (1685–1757).

Выбор необычной, обращенной в далекое прошлое, формы интеллектуального сообщества оказался удачным и отнюдь не случайным. Строительные братства были широко известны в эпоху Античности, а также в европейском социуме раннего и позднего Средневековья [1]. Итоги многовековой деятельности каменщиков «старой» Европы навечно запечатлены в величе-

ственных архитектурных сооружениях, которые и в наши дни наполняют человека высокой духовностью, а также гордостью за безграничную высоту созидательного порыва. Признание заслуг столь авторитетного сообщества, а также состоявшееся единение с ним полностью соответствовало умонастроениям идеологов Возрождения и Просвещения.

Очередная попытка после паневропейского Ордена розенкрейцеров консолидировать интеллектуальную элиту на сей раз на базе архитектурной эзотерики и ремесленного братства столкнулась с существенными проблемами. К этому времени в цеховой системе Европы произошли перемены. В условиях зарождавшихся на континенте буржуазных предпринимательских отношений строительные цехи утратили прежний замкнутый характер и превратились в торгово-промышленные корпорации. Первыми такое переустройство пережили цехи масонов-каменщиков Англии и Шотландии [2]. Таким образом, обитатели «высоких» мастеров утратили свой сакральный ореол, которым собирались воспользоваться реформаторы старого, ремесленного (оперативного) масонства.

Разрушение средневекового цехового уклада в Англии, казалось, предопределило неизбежность полного исчезновения ремесленных строительных организаций. Однако в развитие событий вмешались местные интеллектуалы, подтвердившие позиции хранителей оккультных практик древних и средневековых мастеров-каменщиков. Угасающая цеховая культура была воспета в многочисленных сочинениях, а деятельность творцов архитектурных шедевров представлена аллегорически, т. е. как извечное нравственное созидание, нацеленное на подлинно научное преобразование человека и окружающего мира. В качестве эталона подобных деяний пропагандировалось и прославлялось творчество зодчего Хирама Абифа, который в библейские времена воздвиг храм царя Соломона в Иерусалиме [1, с. 275].

Благодаря усилиям заинтересованных поклонников древнего эзотерического культа уцелевшие строительные братства в Англии были сохранены, модернизированы и стали территорией пропаганды идилического, «духовного строительства» [3]. По мнению современного шотландского историка Дэвида Стивенсона, впервые мода на новые масонские ложи, в которых преобладали не ремесленники-строители, а интеллектуалы и джентльмены, возникла в конце XVI столетия в Шотландии [4]. В дальнейшем еще более активно процесс формирования обновленных масонских ассоциаций происходил на территории революционной и послереволюционной Англии. Специфику и хронологию состоявшихся в данной области перемен освещают, в частности, «Ордонансы

лондонских масонов» 1521 г., а также более поздние тексты многочисленных масонских «Конституций» [3, с. 353–361].

Некоторые подробности «масонского Ренессанса», состоявшегося в Британии, высвечивают биографии его идейных вдохновителей и практиков.

Начальный этап становления обновленного масонства в Англии тесно связан с деятельностью Элиаса Эшмола. В королевстве Стюартов этот человек был известен как талантливый литератор, ученый и масон. Интересны также политические симпатии Эшмола, поскольку масонская организация поначалу признавалась заговорщической и антимонархической [1, с. 21]. Так, в период Английской революции он оставался убежденным роялистом и защитником династии Стюартов. В этом качестве в 1645 г. будущий масон и ученый принимал участие в обороне университетского Оксфорда, а в начале 1646 г., по поручению короля, уже находился в Вустере (графство Стаффордшир). Вскоре Эшмол получил чин капитана кавалерии королевской армии. После поражения короны и казни Карла I Стюарта (1649) новоиспеченный офицер-роялист был вынужден искать убежища у родственников жены в графстве Чешир, на северо-западе Англии [5, р. 2].

После реставрации Стюартов (1660) Эшмол продолжил научную карьеру в Оксфорде, пополняя ряды Королевского Общества. В прославленном университете он возглавлял Философское общество, а также Музей искусства и археологии. Талантливый ученый был приближен ко двору и в качестве герольдмейстера по поручению короля написал пространную историю рыцарского Благороднейшего Ордена Подвязки [5, р. 7–8].

Помимо научных и политических исканий, Эшмол, как уже отмечалось, увлекся масонством. Его начальные усилия в этой области освещены весьма кратко в личном дневнике. Так, в одной из записей сообщается о масонской инициации (посвящении) ученого мужа 16 октября 1646 г. Торжественное событие состоялось в Уоррингтоне (графство Ланкашир) в присутствии семерых членов местной ложи. Небезынтересно, что аналогичный обряд прошел и компаньон Эшмола, некий Генри Мейнуоринг [6, р. 2].

Данное сообщение, несмотря на лапидарный характер, позволяет оценить общую ситуацию в масонском движении Англии середины XVII столетия. В частности, можно отметить представительный характер заседания провинциальной ложи. По количеству участников оно сопоставимо с масонскими собраниями столичного Лондона, численность которых в то время не превышали 10–15 чел. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ложа в Уоррингтоне была организована по-новому.

Список Эшмола свидетельствует о том, что трое (мистеры) из семерых ее членов являлись джентльменами. Это означает, что мастера-строители к «работе» уже не привлекались. Примечателен и сам факт пополнения провинциальной ложи сразу двумя, причем, приезжими братьями. Для середины XVII в. – для Англии времени до предела политизированного, а потому и небезопасного – более привычными были редкие, единичные случаи приема в законспирированное, а потому крайне подозрительное, особенно в глазах неискушенных обывателей, масонское сообщество.

Присутствие Эшмола в Уоррингтоне было спланированным. Поводом для такой встречи могла стать необходимость срочного обсуждения текста масонских «Предписаний» (Old Charges). В пользу этого свидетельствует совпадение даты масонского собрания и даты публикации текста «Предписаний» – 16 октября 1646 г. Еще один подтверждающий аргумент – родство Эдуарда Сэнки, их автора, и Рича Сэнчея, одного из членов упомянутой масонской ложи [6, р. 2].

Масонское собрание в Уоррингтоне высвечивает достаточно высокий уровень консолидации и единомыслия первых масонов-философов Англии. Данный вывод особо убедительно подтверждает инициация Генри Мейнуоринга. Сопровождая Эшмола, этот человек по-прежнему оставался ярым сторонником вождя независимых и будущего лорда-протектора Оливера Кромвеля (1599–1658). Отметим в этой связи, что город Уоррингтон в период гражданской войны был оплотом парламента на северо-западе Англии, что, как мы видим, отнюдь не мешало контактам и общению близких по духу, увлеченных новыми идеями людей.

В последующие десятилетия популярность масонства в Англии неуклонно нарастала. Впрочем, отсутствие старых масонских архивов не позволяет исследователям более детально реконструировать столь важные события. Напомним, что обязательное протоколирование заседаний масонских лож в Англии было введено лишь после образования Великой ложи Лондона (1723). По этой причине основной источник сведений о масонских ложах Англии рубежа XVII–XVIII вв. – это немногочисленные мемуары. Важное место в их скромном перечне занимают уже упоминавшиеся дневниковые записи Эшмола.

Помимо масонского собрания 1646 г., ученый из Оксфорда столь же кратко описал свое присутствие в ложе, расположенной на территории Масонского Дома в Лондоне. Визит состоялся 11 марта 1682 г., т. е. спустя четыре десятилетия после посещения им провинциального Уоррингтона. В списке участников очередного заседания «вольных каменщиков» и последующего банкета в одной из таверн

столичного Сити – фамилии 13 чел. Все они, включая мастера ложи Томаса Вайса, представлены как люди благородного происхождения [6, р. 3]. Автор не скрывал своего удовлетворения от состоявшейся встречи и объявил себя причастным к наблюдаемым успехам растущего количественно столичного масонского братства. Более подробный перечень масонских лож Лондона того времени содержится в других источниках, в частности, в переиздании знаменитых «Конституций» Джеймса Андерсона [7, р. 97–139].

Многолетняя деятельность Элиаса Эшмола, направленная на развитие и консолидацию нового масонского движения Англии, принесла результаты. Отметим, в частности, усилия столичного эмиссара, которые способствовали укреплению организационных основ обновленного масонства, а также налаживанию связей столичных лож с провинцией. Не исключено, что Эшмол, кроме ложи в Уоррингтоне, поддерживал контакты и с другими, столь же отдаленными масонскими структурами. Данное направление его активности, безусловно, содействовало обеспечению независимости английских масонских лож от более ранних по времени рождения, но слабо адаптированных к современности собраний шотландских «вольных каменщиков».

Кроме Эшмола, внимание историков английского масонства привлекает профессор кафедры астрономии Оксфорда, математик и главный королевский архитектор Кристофер Рен [8, с. 158–171]. В качестве градостроителя он принял деятельное участие в восстановлении Лондонского Сити после «большого пожара» 1666 г. Здесь Рен прославил свое имя как творец шедевра европейской архитектуры Нового времени – собора Святого Павла в Лондоне.

Кристофер Рен родился в семье священника и получил хорошее воспитание в среде набожных роялистов, одним из которых был его дядя – Мэтью Рен, епископ Илийский (1587–1667). В годы революции и гражданской войны священнослужитель был заключен в тюрьму и освобожден только после смерти лорда-протектора О. Кромвеля. Исследователи полагают, что дружеское расположение Карла II Стюарта к епископу-мученику было в итоге перенесено на его одаренного племянника [8, с. 164].

После коронации Карла II Стюарта (1660) в Лондоне была возобновлена деятельность королевской корпорации каменщиков-строителей. Об этом, в частности, свидетельствует появление имени К. Рена в списках Великих смотрителей «вольных каменщиков» столицы. Данное назначение способствовало началу масонской карьеры знаменитого зодчего. В новом качестве К. Рен активно содействовал модернизации уставов придворного строительного цеха. Участие в реорганизации устаревшего оперативного

масонства помогло архитектору в июне 1666 г. занять пост заместителя Великого мастера. Наконец, он дважды избирался Великим мастером. Впервые престижная должность перешла к Рену в 1685 г. Вторично уже в качестве прославленного зодчего и строителя собора Святого Павла он был избран в 1698 г. [8, с. 160]. Таким образом, построенный архитектором храм Святого Павла стал символом масонской гармонии, поскольку полностью соответствовал главной задаче масонского движения – символическому восстановлению библейского храма царя Соломона. В переводе с языка масонских аллегорий это означало исполнение миссии, нацеленной на обретение утраченного человечеством символа Мудрости и Добродетели. Именно этим путем, поклоняясь Истинному и Единому Богу – Великому Архитектору Вселенной, должен был, как полагали идеологи нового масонства, развиваться по-настоящему просвещенный социум.

Принадлежность К. Рена к масонству, его стремление к модернизации этого сообщества характеризует талантливого ученого и архитектора как сторонника просветительских идей. Таких же убеждений придерживались члены созданного им научного Королевского Общества (1662). Не удивительно, что многие именитые ученые Англии стали адептами обновленных масонских лож [9]. Важно подчеркнуть, что первая подобная структура в Лондоне была создана на территории строящегося собора Святого Павла и возглавлена самим архитектором в 1691 г. Данный факт подтверждает сохранившийся протокол более позднего масонского собрания [6, р. 52].

В целом деятельность К. Рена продолжила и заметно расширила усилия, предпринимаемые с середины XVII столетия сторонниками преобразования и легализации нового масонского движения в Англии. Более того, его инициативы приблизили и сделали возможным провозглашение первой, так называемой «материнской» Великой ложи, которая заявила о претензиях на общее руководство обновленным масонством. Данное событие состоялось 24 июня 1717 г. в Лондоне, в таверне «Гусь и Противень», расположенной на территории собора Святого Павла. Можно с уверенностью утверждать, что вышеупомянутая масонская ложа и ложа-таверна при знаменитом кафедральном соборе, в котором состоялось главное событие всей современной масонской истории – провозглашение Великой ложи – одна и та же структура «вольных каменщиков» лондонского Сити [8, с. 166].

Подобное пересечение во времени и пространстве подтверждает, что организационные процессы 1717 г., успешно завершившие масонское Возрождение в Англии, были теснейшим образом связаны с предшествующей деятельностью великого масона – Кристофера Рена. Не случайно в 1723 г. ложа Святого Павла,

или ложа Рена, первой была включена в список дочерних структур Великой ложи Лондона и Вестминстера [8, с. 167].

Известность К. Рена, а также его выдающаяся роль в становлении нового английского масонства предопределили повышенный интерес к «вольным каменщикам» со стороны его более молодых коллег по Королевскому Обществу. Они внесли свой, не менее значительный вклад в дальнейшее развитие масонского движения, причем уже вселенского масштаба. Продолжая дело учителя, его последователи занялись, в частности, составлением универсальных масонских уставов и регламентов. Новые лидеры «вольных каменщиков» продемонстрировали также недюжинный интеллектуальный потенциал при разработке парадной, осознанно мифологизированной истории масонского Ордена, которая работала на дальнейшую популяризацию движения, якобы имевшего многовековую, древнюю историю. Столь тщательно продуманная пропагандистская миссия была исполнена хорошо подготовленными людьми, настоящими интеллектуалами-просветителями, поставившими перед собой далеко идущие цели не только по активизации масонского движения, но также по совершенствованию современного общества и его законов.

После отхода Кристофера Рена от дел решающую роль в преобразовании масонского движения сыграли Джон Теофил Дезагюлье, Джеймс Андерсон и Джордж Пейн. Именно этот «триумвират» признан исследователями в качестве центра созидания организационной структуры лондонской Великой ложи. В частности, их усилия были направлены на универсализацию (кодификацию) движения «вольных каменщиков», что позволило сформировать его в том виде, в котором оно существует и в настоящее время. Значительную поддержку в этой деятельности реформаторы вновь получили от многочисленных коллег по Королевскому Обществу [10, р. 47–49].

Можно с уверенностью констатировать, что создателями структур философского (нового) масонства, а в будущем также Великой ложи Лондона и Вестминстера стали столичные интеллектуалы и члены Королевского Общества, мечтавшие об итоговом появлении влиятельного и широко распространенного просветительского сообщества. Сразу оговоримся, что не следует рассматривать масонское братство Англии как одну из многих великосветских организаций. «Замыкание» (конспирация) братства «вольных каменщиков» никогда не являлась самоцелью для его создателей и участников. Случись такое, масонские ложи не смогли бы уцелеть и были бы разгромлены как места собраний опасных заговорщиков. Более того, им не удалось бы даже сохранить самостоятельность и продолжить наращивать влияние

в обществе. Показательна в этом плане постоянная конкуренция масонских структур с клубами, с богемными собраниями Лондона и других городов Великобритании, продолжающими свое автономное существование в настоящее время.

Первые английские клубы, объединившие «людей по интересам», появились в период правления Генриха IV Ланкастера (1399–1413). Наибольшее распространение они получили в середине XVII столетия одновременно с масонскими ложами. Клубные собрания также носили закрытый характер и были организованы любителями попавшего под временный запрет кофе. Небезынтересно, что первое такое объединение, явно копировавшее организацию «вольных каменщиков», составили интеллектуалы того же промасонского Оксфорда. Здесь был рожден и термин «клуб», который употреблялся для обозначения сообщества единомышленников. Однако, как и предшествующая организация мистиков-розенкрейцеров, английские клубы проиграли масонскому сообществу итоговую битву за влияние в социуме. Причиной поражения стали малочисленность и постоянство дислокации таких структур (локальный характер), абсолютизация правил сословной иерархии, а также идейная аморфность [8, с. 168–169].

Джон Теофил Дезагюлье – главный идеолог и лидер на стадии централизации регулярного масонского движения Великобритании [11, р. 33]. Он родился во Франции, в Ларошели – столице французских гугенотов. Его отец был пастором, который после отмены Нантского эдикта во Франции (1685) переехал с семьей в Англию. Здесь, на новой родине, его сын Джон (Жан) Дезагюлье прославился как выпускник Оксфорда, ассоциированный член Королевского Общества, министр по делам Англиканской церкви, друг Ньютона и французского философа-просветителя, масона Ш. Монтескье [1, с. 104].

При всем многообразии увлечений Дезагюлье заметное место в его жизни занимало масонство. Такую увлеченность вряд ли можно считать случайной или навязанной. Предшествующий жизненный опыт, в особенности события жесточайшего и длительного межконфессионального противостояния на родине, в католической Франции, убедили этого человека в необходимости поиска новой, истинной религии, которая могла бы не разъединять, а объединять людей. Своих единомышленников в лице философов-просветителей Дезагюлье нашел в Англии, которая успешно преодолевала последствия только что пережитых собственных внутренних войн.

После обретения искомой веры француз-гугенот и ученый, ставший англичанином и просветителем, сделал еще одно открытие: он уверовал в способность масонской организации,

к которой он приобщился, изменить мир к лучшему. Во всяком случае Дезагюлье прославился как неутомимый организатор и пропагандист масонства, представляемого им в качестве идеальной формы просветительского движения. В 1725 г. после провозглашения Великой ложи Лондона Дезагюлье совершил поездку в Шотландию, где провел переговоры с местными масонами, что способствовало образованию Великой ложи Шотландии. В 1731 г. в Гааге его усилиями в масонское братство был принят Франц Стефан, герцог Лотарингский (1708–1765), будущий супруг Марии-Терезии Австрийской и с 9 июля 1737 г. – император Священной Римской империи. Наконец, в 1737 г. с участием Дезагюлье состоялась масонская инициация Фредерика Людвиг, принца Уэльского (1707–1751) – старшего сына и наследника английского короля Георга II [8, с. 33]. Все это, как и несомненные следы участия Дезагюлье в составлении основополагающих разделов книги масонских «Конституций», позволяют говорить об особой, не менее выдающейся, чем у Рена, роли этого человека в английском и европейском масонском Возрождении.

Протестант и масон Джеймс Андерсон – уроженец шотландского Абердина. После переезда в столицу Англии и непростой адаптации на новом месте он занял вакансию пастора небольшой пресвитерианской церкви [12, р. 44–45]. Набожность не помешала ему в 1721 г. примкнуть к набиравшему популярность масонству. Несмотря на отсутствие длительной практики участия в новом движении, он сумел внести большой вклад в пропаганду его базовых принципов. Андерсон как человек, обладавший солидным жизненным опытом, быстро осознал, что вновь созданные в Англии структуры «вольных каменщиков» нуждаются в жесткой централизации, а также в принятии и утверждении четкой, проправительственной программы действий. В этом его убедил и внутренний кризис Великой ложи, которая на короткое время оказалась в руках сторонников реставрации Стюартов (якобитов) во главе с герцогом Ф. Уортоном (1698–1731). Чаяния Андерсона совпали с действиями нового масонского руководства, заявившего после смещения Уортона (1723) о своей лояльности Ганноверской династии. В целях пресечения вольного, неоднозначного понимания миссии масонского братства, могущего привести организацию к краху, Великая ложа сделала ставку на издание и распространение книги новых масонских «Конституций». В ней планировалось изложение официальной истории братства, а также определение основополагающих принципов и направлений его будущей деятельности. Работа над текстом «масонской Библии» была поручена Джеймсу Андерсону в сентябре 1721 г. [12, р. 45]. Начальная версия «Конституций» увидела свет

в феврале 1723 г. [13]. После изгнания с поста Великого мастера Филиппа Уортона, которому в соответствии с принятой иерархией книга и была торжественно вручена, ее наделили статусом обязательного к использованию издания для всех регулярных, т. е., признанных Великой ложей масонских структур как в Англии, так и за ее пределами. Склонность Андерсона к историческим, политическим и ментальным исканиям, а также дружба с Дезагюлье, по-видимому, стали решающими мотивами для привлечения к работе над текстом масонского Законоположения.

Последний из списка апостолов обновленного масонского сообщества – Джордж Пейн, представитель влиятельного клана лондонских антикваров. Его перу как любителя истории и культуры Античности, а с 1714 г. и преданного сторонника пришедшей к власти Ганноверской династии принадлежали не менее важные разделы книги «Конституций». В частности, речь идет о Регламенте масонского братства, который согласно ортодоксальным ремесленным канонам установил обязательные начальные степени посвящения в таинства нового масонства: Ученик, Подмастерье, Мастер [8, с. 182].

Как человек, дважды занимавший пост Великого мастера столичной Великой ложи (в 1718 и 1720 гг.), Пейн может быть охарактеризован в качестве безусловного сторонника трансформации старого (оперативного) масонства Англии в новое (спекулятивное), т. е. регулярное и философское. Именно в этом направлении его характеризовал Томас Меннингэм, заместитель сэра Генри Бриджеса, маркиза Карнарвона и гроссмейстера Великой ложи Англии (1737–1738). В письме в Великую провинциальную ложу Голландии Меннингэм называл Джорджа Пейна «последователем» мэтра английских оперативных масонов Кристофера Рена, который наиболее активно способствовал их превращению в сообщество реформаторов-просветителей [12, р. 83].

Появление в послереволюционной Англии новых, регулярных, масонских лож было связано, в первую очередь, с настроениями, переживаемыми в условиях общественно-политического кризиса местной элитой и социумом. По итогам состоявшихся в стране радикальных перемен в лагере интеллектуалов, а также в среде политического истеблишмента возникло желание, объединившее тех и других, преодолеть хаос в социуме, сплотить свои ряды в интересах «архитектуры» будущего «разумного» общества и государства [14].

В этих целях были использованы обновленные масонские структуры, выстроенные на фундаменте древней эзотерики и новой просветительской идеологии. Актуальность последней предопределила их востребованность в Англии,

Шотландии и даже в Ирландии. Следует подчеркнуть, что рождение регулярного масонского движения было изначально одобрено властями и, таким образом, его структуры получили возможность на свободное распространение в границах всего королевства. Далее, в хронологических рамках XVIII столетия, новомодное братство «вольных каменщиков», помимо Великобритании, успешно экспортировало свою обрядовую культуру и убеждения в страны Старого и Нового Света [15]. Вольно или невольно такие умонастроения и действия в исторической перспективе способствовали укреплению имперских амбиций Великобритании в глобальной политике.

Список литературы

1. Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории. СПб. : Лань, 2003. 480 с.
2. Stevenson D. The origins of freemasonry: Scotland's century, 1590 to 1710. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 270 p.
3. Киясов С. Е. От гильдий каменщиков – к философским ломам: масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 27. С. 353–361.
4. Stevenson D. The First Freemasons: Scotland's Early Lodges and their Members. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1988. 218 p.
5. Josten C. H. Elias Ashmole, F. R. S. (1617–1692). Oxford : Ashmolean Museum, 2000. 10 p.
6. Calvert A. F. The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.
7. Anderson J. The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges. London : Caeser Ward and Richard Chandler, 1738. 232 p.
8. Киясов С. Е. Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
9. Freemasons and the Royal Society. Alphabetical List of Fellows of the Royal Society who were Freemasons. URL : <https://studylib.net/doc/8838262/freemasons-and-the-royal-society-alphabetical-list-of> (дата обращения : 18.01.2023).
10. Weisberger R. W. Speculative freemasonry and the Enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague and Vienna. Boulder : East European Monographs ; New York : Distributed by Columbia University Press, 1993. 243 p.
11. Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris : Office du Livre, 1987. 251 p.
12. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de D. Ligou. Paris : Presses Universitaires de France, 1987. 1301 p.
13. The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient

and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.

14. Киясов С. Е. Век Просвещения и трансформация масонства в Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отноше-

ния. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 57–64. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-57-64>

15. Киясов С. Е. «Вольные каменщики» в социуме и географии эпохи Просвещения : метаморфозы имиджа // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России) / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2019. С. 251–275.

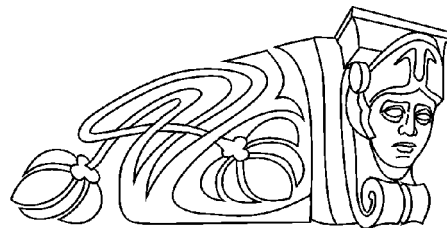
Поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 357–363
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 357–363
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-357-363>, EDN: GFXPZG

Научная статья
УДК [94+316.722](460)+341.713(410)|1940/1944|+929Хор+929

Испания и испанцы глазами чрезвычайного британского посла Сэмюэля Хора (1940–1944)

В. А. Крылов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крылов Владимир Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, krylovladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, AuthorID: 1140935

Аннотация. На материалах воспоминаний участников событий и деловой переписки посольства с Британским правительством рассматривается образ испанского народа в представлениях английского посла в Испании – Сэмюэля Хора, занимавшего должность с 1940 по 1944 г. Испанская гражданская война 1936–1939 гг. привела к кризису во многих сферах жизни общества. Формулируется вывод, согласно которому конфликт внутри государства привел к глубокому культурному расколу испанского общества.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Англия, Испания, Германия, международные отношения, геополитика, военные конфликты XX века

Для цитирования: Крылов В. А. Испания и испанцы глазами чрезвычайного британского посла Сэмюэля Хора (1940–1944) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 357–363. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-357-363>, EDN: GFXPZG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Spain and the Spaniards through the eyes of the Extraordinary British Ambassador Samuel Hoare (1940–1944)

V. A. Krylov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Krylov, krylovladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, AuthorID: 1140935

Abstract. Based on the materials of the memoirs of the participants of the events and the business correspondence of the embassy with the British government, the image of the Spanish people in the representations of the British ambassador to Spain – Samuel Hoare, who held the post from 1940 to 1944, is considered. The Spanish Civil War of 1936–1939 led to a crisis in many spheres of society. The author comes to the conclusion that the conflict within the state has led to a deep cultural split in Spanish society.

Keywords: World War II, England, Spain, Germany, international relations, geopolitics, military conflicts of the XX century

For citation: Krylov V. A. Spain and the Spaniards through the eyes of the Extraordinary British Ambassador Samuel Hoare (1940–1944). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 357–363 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-357-363>, EDN: GFXPZG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первые сражения Второй мировой войны были наиболее тяжелыми для Британской империи. Нацистская военная машина успешно наносила удары на Западном фронте. Весь цивилизованный мир с затаенным дыханием следил за новостями с полей сражений. Многие представители элит нейтральных стран были уверены в скором крахе «демократий» [1, с. 24].

Потеря Франции как единственного достойного союзника в борьбе с немецкими войсками

болезненно сказалась на авторитете Великобритании в Европе. Разделение ответственности между Англией и Францией за оборону Атлантического океана и Средиземного моря в начале войны усугубило тяжелое положение англичан [2, р. 533]. Перспектива оккупации Германией Французской республики угрожала англичанам потерей важных морских коммуникаций в Атлантике и Средиземноморье.

В сложившейся обстановке новое правительство Великобритании под руководством Уинстона Черчилля стремилось укрепить шаткое положение и защитить Англию от вступления в войну новых союзников рейха. Военное командование Великобритании волновала проблема немецкого влияния на Пиренеях. Руководство Испании сочувствовало политике Германии и Италии. Географическое положение морских портов испанцев позволяло странам оси увеличить частоту нападений на корабли Британии в Атлантике и Средиземноморье. Огромную роль в развертывании английского флота играл Гибралтар, на который претендовала Испания в силу стратегической ценности базы и ее территориального положения на юге Пиренейского полуострова [3, р. 112]. Стремление исправить содеянную англичанами в отношении «Скалы» историческую несправедливость подвигло испанцев начать собственные военные приготовления по захвату этого пункта преткновения [4, с. 76]. Кроме того, проекты относительно Гибралтара вынашивали гитлеровцы, работавшие над совместным с франкистами претворением плана «Феликс» [5, с. 116]. В таких условиях нависшая угроза приобретала чрезвычайную остроту и казалась непреодолимой.

Учитывая сложившуюся международную обстановку, английское руководство приняло решение отправить в Мадрид нового посла, опытного и авторитетного, сопричастного английскому консервативному нобилитету. Целями кадровой перестановки в дипломатическом корпусе Великобритании являлись укрепление англо-испанских отношений и усиление позиций Лондона на Пиренейском полуострове. Кандидатом, которого выдвинуло английское руководство для решения комплекса задач на Пиренеях, стал Сэмюэль Джон Гурни Хор (1880–1959).

Сэмюэль Хор был родом из семейства крупных банкиров. Свою службу Британской короне он начал в 1905 г., став секретарем министра колоний. Позднее начинающий политик был избран в палату общин и вступил в партию консерваторов. Во время Первой мировой войны будущий дипломат был призван в армию, но остался в тылу в должности офицера-рекрутера. Летом 1916 г. Сэм Хор был направлен Британской службой разведки в Россию на должность английского представителя при Генеральном штабе Русской армии [6]. Незадолго до Февральской революции он был назначен в Рим для руководства местной резидентурой. В Италии английский резидент проявил себя как искусный разведчик, завербовав итальянского журналиста Бенито Муссолини [7, р. 321].

По окончании Первой мировой войны будущий посол занимал различные посты в правительстве Великобритании. Благодаря реформам С. Хора на посту министра по делам авиации Англия наладила воздушное сообщение

между имперскими колониями и метрополией [8, р. 364–368]. Стоит отметить, что во многих «пионерских» полетах политик участвовал лично. Под протекцией Хора в 1935 г. через парламент был проведен Закон об управлении Индией, предусматривавший образование Индийской федерации, состоящей из провинций Британской Индии и индийских княжеств. Позднее он занимался реализацией реформы пенитенциарной системы в Англии, которая была свернута из-за начала войны [9, р. 112]. В правительстве Чемберлена Сэмюэль Хор считался приближенным к премьер-министру человеком и его преемником. Необходимо также отметить, что мировоззрение Сэмюэля Хора было довольно консервативным на фоне общественной парадигмы 40-х гг. XX в. Консерватизм и снобизм своего английского коллеги американский посол Карлтон Джозеф Хантли Хейз описал единственной фразой: «Он видел в каждом американце лишь взбунтовавшегося жителя британских островов» [10, р. 32]. Однако таланты и умения опытного политика и дипломата не пригодились в кабинете министров Уинстона Черчилля.

Уинстон Черчилль и Сэмюэль Хор являлись давними оппонентами. Их первое серьезное столкновение произошло во время обсуждения реформы административного управления Индии. Будущий премьер-министр возглавил ее противников. После Первой мировой войны представитель дома Мальборо укреплял личные и государственные связи с политиками США. Его оппонент продолжил развивать свои связи в Европе, сотрудничая, например, с Бенито Муссолини и Пьером Лавалем [11]. В конце концов, разница во взглядах и европейские связи прервали правительственную карьеру Хора.

В британском правительстве было принято решение об отправке Хора в качестве посла в Испанию. Руководство Англии было уверено в том, что краткое посещение Испании такой весомой политической фигурой, как Сэмюэль Хор, польстит Франко и продемонстрирует стремление Великобритании к развитию англо-испанских отношений.

Как раз с воспоминаний о прекращении своей многолетней карьеры в правительстве Великобритании Сэм Хор начинает повествование, посвященное его испанской миссии. В первые дни формирования администрации Черчилля Хор консультировал руководство министерства авиации Англии, ожидая нового назначения. В правительстве Британии наметились перспективы ухудшения англо-испанских отношений, в связи с чем было принято решение отправить отставного министра в Испанию в качестве специального посла.

Первоначально Сэм Хор отказывался от предложения, но прежде чем дать окончательный ответ, решил обсудить перспективы

миссии со сведушими людьми. Бывший премьер-министр Чемберлен в ходе доверительной беседы рекомендовал отставному министру отказаться от столь рискованного предприятия. Он считал миссию крайне опасной и бессмысленной. Позднее адмирал Том Филлипс убедил Хора в важности миссии для Англии с точки зрения военной стратегии и геополитики. Автор мемуаров убедился в ценности своей поездки, предложенной лордом Галифаксом – министром иностранных дел. Стоит сказать, что Хор как серьезный политик и разведчик с большим опытом дипломатических контактов не мог не понимать, что нейтральная Испания могла стать локацией для переговоров представителей враждующих сторон. Контроль над закулисными переговорами для английского посла в Мадриде легко мог обернуться перспективами не только новых связей с представителями европейских элит, но и укреплением личных позиций в среде британского истеблишмента [12, р. 311]. Окончательное решение о поездке отставной министр принял после известия о поражении союзников под Седаном [11].

По словам самого Хора, первоначально предполагалась короткая миссия в несколько недель с целью демонстрации Великобританией повышенного интереса к укреплению англо-испанских отношений [12, р. 15]. Однако в ходе консультаций становилось понятно, что британский дипломат должен будет возглавить посольство Англии в Мадриде на долгие месяцы.

В своих мемуарах Сэмюэль Хор пишет об испанцах как о довольно флегматичном народе, способном проявлять чрезвычайную медлительность даже при решении весьма важных дипломатических вопросов. Автор аргументирует свои слова тем, что даже формальные соглашения о дипломатических назначениях испанское руководство способно рассматривать несколько месяцев [12, р. 17]. Однако новый посол получил одобрение своей кандидатуры быстрее, чем ожидал, и отправился в путь. Сэр Хор затруднялся дать однозначный ответ на вопрос о причинах расторопности испанцев, но предполагал, что дело в его блестящем послужном списке и длительной службе на высоких постах. Для руководства Испании было весьма важно убедить Лондон в соблюдении своих интересов. Столь весомая политическая фигура, как Сэмюэль Хор, могла помочь испанскому правительству убедить руководство Англии пойти навстречу требованиям генерала Франко.

Молниеносные изменения на фронте летом 1940 г. вынудили дипломата остаться в Испании на долгих 4 года. После окончания Второй мировой войны Хор, уже бывший посол, презентует свои воспоминания о франкистской Испании в мемуарах [12]. В послевоенной Европе записка политика о его дипломатической деятельности

в должности английского посла в Мадриде оказались актуальными из-за насущного «испанского вопроса». Страны-победительницы долгое время вырабатывали общую позицию по отношению к режиму Франко, поддерживавшего страны оси во время Второй мировой войны [13].

Цель данной статьи – исследование взглядов Сэмюэля Хора на франкистский режим в Испании как зоркого наблюдателя, разведчика и политика. Попытаемся выявить основные составляющие образа франкистской Испании и ее руководства, запечатленные на страницах мемуаров и писем британского посла в Мадриде – консерватора, человека, стоявшего в одном ряду с такими политиками, как Чемберлен, Черчилль и Галифакс.

Книга Сэмюэля Хора изначально была рассчитана на англоязычное население Британской империи и США. Примечательно, что в Великобритании мемуары Хора увидели свет в 1946 г. под названием «Посол со специальной миссией». Через год в США воспоминания посла были изданы под названием «Самодовольный диктатор», акцентирующим содержание этого труда. Книга пропитана пропагандой о сильной и щедрой Британии, способной снабдить всем необходимым послушных партнеров. Значительная часть мемуаров посвящена недалёковидности диктатора, отказавшегося от английской помощи и выбравшего сторону проигравшего.

В первые послевоенные годы в связи с бурным обсуждением судьбы режима Франко книга С. Хора являлась своеобразным призывом к политическим режимам, действовавшим вне рамок, установленных победителями нацистской Германии. В мемуарах Хора проводятся аналогии между испанским диктатором и восточными деспотами, демонстрирующие расовые предубеждения представителей англо-саксонских элитариев [12, р. 47].

В своем повествовании бывший посол описывает не только инциденты, происходившие с ним и его подчиненными в ходе работы посольства, но и многое другое. Сэр Хор уделяет особое внимание своим впечатлениям, оставшимся у него от поездок по Испании, встречам с испанцами и интервью с каудильо. Будучи человеком, объехавшим «половину света», английский политик сравнивал Испанию и культуру ее жителей с другими странами. Его наблюдения позволяют выявить массу интересных фактов, касающихся менталитета испанцев.

Свое знакомство с испанским государством Сэмюэль Хор начинает с перелета из Лиссабона в Мадрид. Он обратил внимание на разницу между Португалией и Испанией. Стоит отметить, что в ходе первого путешествия над Пиренейским полуостровом английский дипломат видел лишь территории провинций Эстремадура и Кастилия. Автор мемуаров повествует о португальской

Лузитании как о бедном, наполненном ухоженными садами и аккуратными домами, регионе [12, р. 25]. Испания в воспоминаниях английского дипломата предстает как пространство, через которое протянулись пустыни, сравнимые только с африканскими просторами. Редкие поселения, отсутствие лесов и акры, на первый взгляд, непаханой земли, – вот что бросилось в глаза британцу. Английский посол называет основной причиной контраста двух соседних стран культурные различия испанского и португальского народов.

Справедливости ради следует отметить, что между полетом Хора и окончанием гражданской войны в Испании прошло всего чуть более года. Одним из факторов редкости поселений послужили недавние столкновения мятежников и республиканцев, в ходе которых многие населенные пункты превратились в руины. Многочисленные беженцы из Кастилии и Эстремадуры покинули дома, стремясь спасти свою жизнь от превратностей войны, которые случаются в ходе любого конфликта. В своих мемуарах сэр Хор указывал на испанский менталитет как основной фактор, мешавший работе сельского хозяйства в Эстремадуре и Кастилии. Недавние боевые действия в данных районах он игнорировал.

Дефицит рабочих рук, семян, экономический кризис и недостаток хозяйственного инвентаря у испанцев стали причиной запустения огромных территорий. Одной из основных тем для обсуждения, которую сам британский дипломат поднимет в ходе первых встреч с испанским руководством, станет обеспечение жителей страны достаточным количеством провианта. Он полагал, что британские поставки зерна в Испанию позволят английским дипломатам сдерживать амбиции Франко и укрепят англо-испанские отношения.

Английское посольство провело аналитическое исследование и пришло к выводу о том, что уровень жизни испанцев в 1940 г. был значительно ниже, чем в 1936 г. Стоймость жизни на всей территории Испании выросла, по меньшей мере, на 100%. Более того, в некоторых городах, таких как Севилья, только за последние 8 месяцев дороговизна выросла еще на 48% [14, р. 28].

После долгого перелета новый посол вместе с супругой поселился в гостинице «Ритц». Частично разрушенное здание посольства для проживания не годилось. Автор мемуаров описывает мадридский «Ритц» как типичный отель класса «люкс», комфортному проживанию в котором мешали многочисленные представители абвера.

Помимо активной деятельности немецких спецслужб, в гостинице постоянно происходили скандалы. Автор мемуаров упоминает нападение фалангистов на испанского экс-министра прямо у дверей гостиницы и самоубийство жены немецкого дипломата, узнавшей о предстоящем

возвращении в Германию. Стоит отметить, что в первые послевоенные месяцы «Ритц» являлся одним из не многих мест в Мадриде, где дипломаты, приехавшие в Испанию, могли найти достойное жилье [12, р. 35].

Тяжелая психологическая обстановка заставила Эма Хора и его супругу искать подходящий дом. Автор утверждает, что к концу гражданской войны в Мадриде практически не осталось достойного жилья. Большая часть жилищного фонда столицы Испании была разрушена или повреждена. В конце концов, английский дипломат переехал в особняк, находившийся по соседству с домом немецкого посла [14, р. 26].

Таким образом, из повествования британского политика становится известно, что Мадрид после гражданской войны находился в крайнем упадке. Напряженная психологическая обстановка и повсеместная разруха довели над послом и жителями испанской столицы.

Разведывательные спецслужбы стран оси в Испании чувствовали себя абсолютно свободно, что демонстрировало тяготение испанских элит к Германии. Хор описывает Мадрид как город, изобилующий препятствиями для претворения в жизнь британской политики, направленной на укрепление англо-испанского мира.

Мемуарист подробно останавливается на официальной церемонии вручения верительных грамот генералу Франко. Аккредитованный дипломат отмечает масштабность и помпезность события. Франсиско Франко постарался сохранить пышность церемонии, существовавшей при монархии. Единственным франкистским нововведением стал почетный эскорт марокканской кавалерии. В прежние времена мавров на полуострове не привечали [12, р. 28].

В первые дни своего пребывания новый английский посол в Испании вел интенсивную переписку с представителями английского истеблишмента. В своих письмах Хор не скрывает волнения. Он пишет о тяжелой англофобской обстановке в стране, открытых действиях немецкой разведки и многочисленной испанской полиции, якобы опекающей важного гостя.

В письме от 6 июня 1940 г., адресованном другу и соратнику Невиллу Чемберлену, С. Хор пишет: «На днях на Даунинг-стрит вы сказали мне, что, по вашему мнению, я проявил большую смелость, взявшись за эту работу. После недели, проведенной в Мадриде, я бы сказал, что это не столько смело, сколько безрассудно. Ибо обнаружил сам себя в самом центре разного рода трудностей, которые было плохо освещены или не освещены совсем, но требующие решения для дальнейшего продвижения. Жить в Мадриде – все равно, что жить в осажденном городе. Почти всего не хватает, цены ужасно высоки, и повсеместно царит тяжелая атмосфера надвигающегося кризиса» [12, р. 28].

Письмо к Чемберлену можно отнести к наиболее объективным запискам С. Хора, так как бывший премьер-министр уже не занимался серьезными вопросами, и посодействовать в преодолении трудностей отставленный глава правительства не мог.

Письмо аналогичного характера о засилье немцев было послано С. Хором лорду Бевербруку 6 июня 1940 г. [12, р. 30].

Несмотря на волнение, граничащее с отчаянием, Хор пытается сохранить самообладание, готовясь к длительной работе в Испании, и разрабатывает стратегию поведения [14, р. 23]. Еще находясь в Лондоне, назначенец предупреждает лорда Галифакса о будущих серьезных тратах, необходимых для укрепления позиции англичан в Испании. В более позднем письме от 3 июня новый английский посол в Испании говорит о дефиците провианта в Мадриде, серьезном ущербе зданию посольства, недостаточном количестве сотрудников, влиянии немцев и отсутствии нужного оборудования [12, р. 30]. В письмах к другим адресатам автор утверждает, что никогда не видел столь сильного контроля над средствами связи и прессой. Во всех своих письмах Хор стремится убедить адресатов в том, что Испания находится в одном шаге от полного подчинения Германии, добиваясь тем самым повышенного финансирования миссии [12, р. 40].

Последующие письма, датированные июнем и июлем 1940 г., свидетельствуют о том, что новый посол с каждым днем все более вникает в послевоенную политическую обстановку в Испании. В своих сообщениях Сэмюэль Хор констатирует крайне шаткое положение генерала Франко на посту главы государства и указывает, что нестабильность побуждает испанского лидера лавировать между политическими группировками. Однако автор писем подмечает, что с популярностью Германии среди испанцев эффективно конкурируют только их антивоенные настроения. Новый посол уверен в том, что Англия не будет иметь большой популярности в официальных кругах Испании, но пропагандировать политику Лондона можно среди сторонников растущего пацифистского движения [12, р. 31].

В своих мемуарах Сэмюэль Хор вспоминает о первых переговорах с генералом Франко. Весьма любопытны строки, содержащие описание резиденции главы испанского государства. Первая встреча английского посла и каудильо состоялась 22 июня 1940 г. Дипломат посетил дворец Пардо, некогда являвшийся охотничьим домом королевских особ Испании, а затем превратившийся в обителище вождя. Посол рисует резиденцию как компактное и уютное архитектурное сооружение, охраняемое исключительно марокканской гвардией, верной лишь одному каудильо. Он отмечает особую дисциплинированность гвардейцев, не делавших процедурной

разницы при допуске во дворец как послов, так и более скромных чиновников. Сэм Хор сопоставляет свои впечатления от посещения резиденции с поездками к правителям стран Ближнего Востока. В частности, старому дипломату приходит на ум сравнение обители Франко с дворцом последнего султана в Константинополе [12, р. 46].

Внутреннее убранство дворца восхитило англичанина. Несмотря на весьма презрительное отношение к квартирующему, посол воздерживается от критики безвкусоности и излишней роскоши резиденции. Напротив, он сравнивает внутренний интерьер дворца Пардо с комфортабельным загородным домом нормального обывателя [12, р. 47].

Первые переговоры английского посла и каудильо не увенчались серьезными успехами. Их целью был скорее поиск точек соприкосновения интересов и границ дозволенного. Подобные приемы многие века использовались дипломатами разных стран. Основными темами для обсуждения стали поставки британской провизии в Испанию и разъяснения каудильо относительно статуса «невоюющей страны».

Сэмюэль Хор отмечает поразительное спокойствие своего оппонента при упоминании начавшегося в Мадриде голода, а также большие трудности при вовлечении Франко в дискуссию. Последнее позволяет оценить изрядные дипломатические таланты испанского генералиссимуса.

Гораздо больше проблем, по воспоминаниям автора, доставлял министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер. Сэм Хор описывает его как болезненного худого мужчину, однако отмечает оперативность его действий при решении проблем государственного значения. Будучи родственником испанского диктатора, Суньер играл одну из ведущих ролей во франкистском государстве [15, с. 193]. Официальная должность Рамона Серрано Суньера позволяла ему жестко контролировать прессу, а также передвижения присутствовавших в Мадриде дипломатов. Шурин Франко был разочарован в идеях демократии и являлся англофобом. У неприязни имелись основания, возникшие в годы гражданской войны. По словам самого министра, он потерял двух братьев из-за отказа британского посольства в предоставлении убежища [12, р. 58].

Человек, радикально настроенный против английского влияния, являлся особенно опасным антагонистом для нового посла. Необходимо отдать должное министру внутренних дел Испании: в условиях полной дестабилизации административного аппарата он успешно монополизировал информационное пространство. По словам автора мемуаров, испанские СМИ действовали грубее, а их риторика порой была враждебнее, нежели у немецкой прессы. Масштабы информационной изоляции Испании были столь заметны,

что лишенный британских газет дипломат испытывал сильнейшие переживания, оставаясь в неведении относительно реального хода боевых действий на фронтах Второй мировой войны [12, р. 57].

Суньер имел доминирующее влияние в правительстве генерала Франко в первые годы войны. Мемуарист описывает родственника Франко как германфила, стремящегося навязать Испании сотрудничество со странами «оси». Кунья-диссимус, как называли Суньера за его родственные связи с генералиссимусом, один из немногих в испанском руководстве имел связи с нацистскими бонзами. Осенью 1940 г. он был назначен министром иностранных дел, так как испанское правительство приняло решение развивать прогерманскую линию во внешней политике [15, р. 145].

Гражданская война в Испании была окончена, но во время Второй мировой войны процесс ликвидации последствий конфликта внутри государства только начинался. Без сомнения, фаланга временно возобладала над англофильской партией в Мадриде. Однако во многих провинциях Испании все еще оставались внушительные силы, успешно конкурировавшие с фалангистами в политической игре. Возможностей обуздать региональные власти как политического игрока Франко до поры не имел. Автор мемуаров пишет об огромной разнице между Мадридом и провинциями, где оппозиционные настроения все еще оставались сильными, а влияние государственного аппарата было минимальным [12, р. 143]. Генералиссимус обязан был считаться с регионами во избежание нового конфликта.

Помимо отсутствия в послевоенной Испании мощного бюрократического аппарата, способного обуздать периферию, в регионах оставались крупные предприятия, зависевшие от торговли с Британией и США, что было на руку английскому посольству. Считая поддержку разгромленной в Мадриде проанглийской партии испанцев недостаточной, Сэм Хор начал поиски союзников в провинции. Укрепляя влияние Англии, британский посол посетил практически все регионы Испании. Особое внимание в ходе поездок английская миссия уделила наиболее населенным городам Испании, таким как Барселона и Севилья.

Автор мемуаров сравнивает две поездки в Барселону, совершенные в июле 1940 и апреле 1941 г. Британский посол отмечает положительную для англичан динамику в настроениях жителей столицы Каталонии. Старый дипломат связывает эти изменения со сменой гражданского губернатора, являвшегося ярким фалангистом, на более умеренного и лояльного британцам. Новый глава провинции снизил влияние фаланги в регионе, хотя и носил униформу, подчеркивая лояльность режиму. Примечательно, что глава администрации позволял себе передвижения без

охраны, несмотря на нестабильную обстановку [12, р. 144]. Эпизод с губернатором Каталонии служит ярким примером умения Франко вести тонкую региональную политику, подбирать кадры, а также своевременно закрывать глаза на принципы сложившегося в Испании режима ради сохранения целостности государства. В Барселоне отсутствовали влиятельные церковные сановники, что было большим успехом для генералиссимуса, учитывая важность провинции для католической церкви [12, р. 147]. Большое влияние Англии среди каталонцев в совокупности с сильной церковью могло стать серьезной угрозой для режима Франко. Каудильо умел вести тонкую и дальновидную политику, что сильно разнится с описанием диктатора Хором.

Посещение провинции Наварра отмечено в мемуарах Хора встречей с влиятельным представителем испанских традиционалистов Доном Хоакином Балеузена, а также с епископством католической церкви, имевшим большое влияние в регионе. Наставляющие лица Памплоны являлись противниками расширения влияния нацизма. Автор мемуаров пишет, что из переговоров с представителями местных католиков и лидерами региона он сделал выводы о сильных монархических и антигерманских настроениях. Позиции Мадрида в провинции были крайне слабы, что отразилось на сниженном влиянии фаланги на местный административный аппарат [12, р. 151].

Вспоминая поездки по стране, мемуарист отмечает невероятный контраст между жителями севера и юга. В своих записях он сравнивает богатую Барселону с широкими улицами, заполненными транспортом, и Севилью с ее узкими проулками, изобилующими нищими и уличными торговцами. Бедные земли Андалусии контрастируют с зеленеющими садами Каталонии. Отличие местных жителей юга Испании от северян, по словам автора, колоссально [12, р. 156].

Несмотря на очевидную бедность южных испанских земель, британский посол находит достойную поддержку английской внешней политике в лице инфанта Дона Карлоса – представителя отстраненной от власти династии Бурбонов [12, р. 156]. Второй брак связал почтенного инфанта обязательствами с домами герцога Орлеанского и графа Парижского. Столь прочные узы обеспечивали Дону Карлосу не только влияние на испанских карлистов, но и поддержку французских монархистов. По словам самого Хора, инфант пользовался уважением жителей Андалусии, так как в прошлом являлся генерал-капитаном (губернатором) этой провинции [12, р. 155]. Претендент на испанский трон в Севилье был практически недостижим для Мадрида. Благодаря своим связям среди монархистов супруги могли рассчитывать на укрепление собственного положения в случае реставрации монархии.

Сэм Хор искал поддержки не только у монархистов, но и у католической церкви в Андалусии, которая существовала здесь достаточно скромно. Местный архиепископ кардинал Сегура, имевший высочайший авторитет в среде церковных иерархов, искал возможность укрепить положение католиков в регионе. Священнослужитель вступил в диалог с английским политиком в поисках поддержки.

Разыскивая союзников английской политики и формируя собственную агентурную сеть в Испании, Сэмюэль Хор провел здесь более 4-х лет. Британский посол покинул свой пост после отступления немцев из Франции, что кардинально поменяло англо-испанские отношения. Завершая свои мемуары, английский дипломат отметил особый менталитет испанского народа, который более близок к культуре народов Африки, чем Европы [12, р. 296].

Таким образом, Сэмюэль Хор как много повидавший английский консерватор и наблюдательный человек повествует о франкистской Испании после гражданской войны как о стране, где чувствуется огромный культурный разлад жителей разных провинций. Мадрид представляется наполненным идейными фашистами и немецкими шпионами. Церковь и общество описываются оппозиционно настроенными по отношению к власти Франко, но пассивными и не способными радикально изменить ситуацию. Диктатор подобно своему народу предстает перед читателями довольно флегматичным. В мемуарах Хора он описан как человек, глубоко уверенный в своей политической позиции и поддержке Германии. Завершая работу, автор мемуаров отдает дань уважения испанскому народу и размышляет о пользе свержения генералиссимуса. Основной причиной устойчивости каудильо британский политик называет усталость от войн, пассивную позицию церкви и раздробленные силы монархистов. Несмотря на осуждения со стороны Хора, справедливости ради стоит сказать, что Франсиско Франко удалось уберечь Испанию от Второй мировой войны и руководить страной еще несколько десятков лет. Этот факт позволяет

говорить о сравнительно эффективном правлении каудильо и недостатке проницательности английского наблюдателя.

Список литературы

1. Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 3 : Вторая мировая война. Исторический очерк / науч. рук. Л. В. Поздеева; отв. ред. Е. Н. Кульков. М. : Наука, 2005. 595 с.
2. *Abulafia D.* The Great Sea : A Human History of the Mediterranean. London : Allen Lane, 2011. 783 p.
3. *Bradford E.* Gibraltar : The History of a Fortress. London : Rupert Hart-Davis, 1971. 212 p.
4. *Креленко Д. М.* Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 71–81. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-7-81>
5. *Гальдер Ф.* Военный дневник : в 3 т. М. : Военное издательство Министерства обороны, 1969. Т. 2. 628 с.
6. *Hoare S. J.* The Fourth Seal. London : William Heinemann Ltd, 1930. 432 p.
7. *Andrew C. M.* The defense of the realm : The authorized history of M I5. London : Allen Lane, 2009. 1032 p.
8. *Matthew C.* Samuel Hoare // Dictionary of National Biography : in 63 vols. Oxford : Oxford University Press, 2004. Vol. 27. P. 364–368.
9. *Cross J. A.* Sir Samuel Hoare A Political Biography. London : William Heinemann Ltd, 1997. 414 p.
10. *Hayes C. J. H.* Wartime mission in Spain, 1942–1945. London : Macmillan, 1945. 313 p.
11. *Simkin J.* Samuel Hoare. URL : <https://spartacus-educational.com/PRhoareS.htm> (дата обращения : 24.11.2022).
12. *Hoare S. J.* Ambassador on special mission. London : Collins, 1946. 315 p.
13. *Tash D. R.* An Investigation of the Spanish question before the United Nations. Montana : University of Montana, 1951. 137 p.
14. *Seoane E. G.* Balancing Act : British Intelligence in Spain During the Second World War. Brighton ; Portland : Sussex Academic Press, 2018. 181 p.
15. *Престон П.* Франко / пер. с англ. Ю. В. Бехтина. М. : Центрполиграф, 1999. 702 с.

Поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 12.04.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 364–377

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 364–377

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-364-377>, EDN: GJFRNF

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Косагов

Воевода Саратова Иван Иванович Косагов (1660–1662)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография саратовского воеводы Ивана Ивановича Косагова, отца известного генерала Григория Косагова. Свою службу при дворе царя Михаила Романова И. И. Косагов начал в 1620 г. в возрасте 17 лет, а до этого несколько лет служил у патриарха, как и многие его предки. Став московским дворянином в 1631 г., он получил свое первое назначение на воеводство в Юрьев-Польский, затем в основном служил на южных границах. Говорится о его полковой службе в Мценске, Ломове, Туле. В 1647–1650 гг. он был воеводой в Орле, затем на полковой службе в Брянске, а в 1660 г. его отправили в Саратов. Особое внимание уделяется саратовской службе И. И. Косагова. Дается характеристика внутренней жизни Саратова, занятий жителей, приводятся имена российских и иностранных послов, посетивших город во время этого воеводства.

Ключевые слова: Печатный приказ, воевода, боярские списки, генерал Косагов, Карачев, калмыки, родословные росписи, патриаршие дети боярские, Воздвиженский женский монастырь, старица Дорофея

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Иван Иванович Косагов (1660–1662) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 364–377. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-364-377>, EDN: GJFRNF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

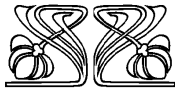
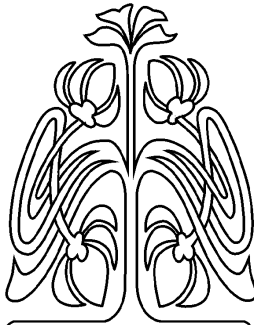
Voivode of Saratov Ivan Ivanovich Kosagov (1660–1662)

Ya. N. Rabinovich

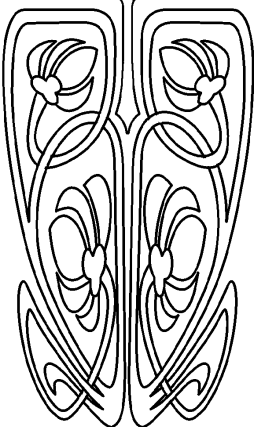
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article presents for the first time the biography of the Saratov voivode Ivan Ivanovich Kosagov, the father of the famous General Grigory Kosagov. I. I. Kosagov began his service at the court of Tsar Mikhail Romanov in 1620 at the age of 17, and before that he served with the patriarch for several years, like many of his ancestors. Becoming a Moscow nobleman in 1631, he received his first appointment to the voivodship in Yuriev-Polsky, then mainly served on the southern borders. It is said about his regimental service in Mtsensk, Lomov, Tula. In 1647–1650 he was a voivode in Orel,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

then on regimental service in Bryansk, and in 1660 he was sent to Saratov. The article pays special attention to the Saratov service of I. I. Kosagov. The characteristics of the inner life of Saratov, the occupations of residents are given, the names of Russian and foreign ambassadors who visited the city during this voivodeship are given.

Keywords: Printed order, voivode, boyar lists, General Kosagov, Karachev, Kalmyks, pedigree paintings, patriarchal boyar children, Vozdvizhensky convent, staritsa Dorofea

For citation: Rabinovich Ya. N. Voivode of Saratov Ivan Ivanovich Kosagov (1660–1662). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 364–377 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-364-377>, EDN: GJFRNF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

«Первооткрывателем» саратовского воеводы Ивана Ивановича Косагова был А. А. Голомбиевский, который обнаружил в московском архиве грамоту, связанную с деятельностью этого воеводы в Саратове, и в 1890 г. опубликовал ее в трудах СУАК. В грамоте говорилось о выдаче воеводой Косаговым жалования старицам Воздвиженского монастыря [1, с. 244–245]. Естественно, краеведы Ф. Ф. Чекалин [2, с. 80] и составители Саратовской летописи Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский [3, с. 28] уже указали, что И. И. Косагов был на Саратове в 1661 и 1662 гг. В 1892 г. А. А. Голомбиевский привел ряд дополнительных документов Печатного приказа, в которых упоминается этот саратовский воевода [4, с. 8, 18], но почему-то назвал его стольником, хотя данный чин у воеводы И. И. Косагова никогда не был, он был дворянином московским, а на момент саратовского воеводства служил по Брянску. В алфавитном указателе боярских книг И. И. Косагов записан московским дворянином (в книгах 7137, 7144, 7148, 7170, 7176, 7184, 7185 гг.) [5, с. 209].

А. П. Барсуков отмечал, что И. И. Косагов, кроме Саратова, служил воеводой в Орле в 1647–1649 гг. [6, с. 202, 163, 503], а А. А. Герасимов обнаружил среди документов МАМЮ дело об оскорблении «стольника» И. И. Косагова А. П. Чириковым, также будущим воеводой Саратова и назвал «точные» даты воеводства в Саратове «6 марта 1660 г. – 17 марта 1662 г.» [7, с. 67]. Даты, указанные А. А. Герасимовым – это даты отправки документов из Москвы о назначении воевод, реальные же сроки пребывания в Саратове значительно отличались от приведенных.

Других сведений о воеводе Саратова И. И. Косагове до настоящего времени исследователи не приводили, если не считать брянского краеведа В. П. Алексева, которого в основном интересовали земельные владения «карачевского помещика» И. И. Косагова и его сына Григория в районе Карачева [8, 9]. Современный орловский историк А. А. Рогожин в своих статьях и в диссертации также много внимания уделил сыну саратовского воеводы генералу Григорию Косагову и указал, что его отец – И. И. Косагов – в 1646 г. был головой у стряпчих и дворян московских, «что свидетельствовало об авторитете и уважении, которое к нему питало московское дворянство» [10, с. 132]. Тезис довольно спорный, если вспомнить дело

об оскорблении И. И. Косагова А. П. Чириковым. Также А. А. Рогожин выяснил имена отца, деда и других близких родственников нашего героя, которые происходили из слуг митрополичьего дома. Это очень важное дополнение, так как к настоящему времени родословной Косаговых не обнаружено.

В конце 1680-х гг. уже после отмены местничества многие сотни служилых людей по отчеству представили в Палату родословных дел свои родословные росписи. Значительная часть их опубликована. Только за последние несколько лет (2017–2022 гг.) Л. Е. Шабаетым было опубликовано в ряде выпусков альманаха «Российская генеалогия» 530 росписей 475 боярских и дворянских родов [11, с. 256]. Однако среди этих росписей не обнаружено родословной одного из самых выдающихся военачальников второй половины XVII в., русского по происхождению (!) генерала, генерал-поручика (1679), полного генерала (1680), думного дворянина (1688) Григория Ивановича Косагова, сына воеводы Саратова Ивана Ивановича Косагова. Восклицательный знак поставлен потому, что из 21 известного в 1680-е гг. генерала в русской армии, русскими были только 5 человек (А. А. Шепелев, М. О. Кровков, В. А. Змеев, Г. И. Косагов и И. Д. Лукин) [12, с. 54–55, 75].

Можно предположить, что многие в стране в те годы хорошо знали, что предки Косагова были митрополичьими детьми боярскими, так что гордиться древностью и знатностью своих предков генерал Г. И. Косагов не мог. Не случайно в 1646 г. стольник Алексей Пантелеевич Чириков в споре назвал отца Г. И. Косагова Ивана Ивановича, который в то время был уже московским дворянином, «стрелецким и поповым сыном и холону своему братом» [13, с. 275].

Первый известный представитель рода Косаговых – это некий житель д. Горлышково в митрополичьей волости в Переславском уезде «Бориско Косагов», живший в конце XV – начале XVI в. В писцовой книге 1491/92 г. этот Бориско Косагов упоминается в числе рядовых жителей деревень, относящихся к митрополичьему с. Каринскому в волости Великая Слобода Переславского уезда. В самом селе был митрополичий двор и числилось 43 крестьянина. К этому селу «тянули» 11 деревень, среди которых последней указана д. Горлышково. Именно в ней жил Бориско Косагов. Он указан единственным жителем

этой деревни, в некоторых других деревнях крестьян было значительно больше [14, с. 40–42].

Через 18 лет в 1509 г. в одном из местных актов Борис Косагов назван в качестве послуха в меновой грамоте на одну из деревень Романовской волости Переславского уезда. Его имя стоит позади детей боярских, но впереди всех крестьян. Он указан уже не уменьшительно (Бориско), а полным именем «Борис Дмитриев сын Косагов» и записан четвертым послухом после детей боярских Честного и Федора Великих и Истома Мантурова. А после Бориса Косагова идут послухи с уменьшительными именами – Сенка попов сын Борисов, Федько Микитин сын Зубцовской. Этот Сенка попов сын Борисов расписался в меновой грамоте вместе с другим послухом Истомой Мантуровым [15, с. 121–122].

Еще через 8 лет в 1517/18 г. Б. Д. Косагов снова указан в одной из разъезжих грамот, когда он по указу митрополита Варлама вместе с владимирским митрополичьим наместником Юрием Григорьевым Мануйловым занимался разъездом спорных земель теперь уже во Владимирском уезде. Здесь он прямо указан как митрополичий тиун: «А на разъезде были: митрополич посельской Иван Андреев сын Потапов, да митрополич тиун Борис Дмитриев сын Косагов, да староста богословской Михаль Трофимов сын...». Так что теперь мы видим его митрополичьим тиуном во Владимирском уезде [16, с. 166].

В 1519 г. Б. Д. Косагов снова в Переславском уезде участвовал в разъезде земель в Романовской волости по указу митрополита Варлама вместе с митрополичьим дворецким Ф. Ф. Сурминым и митрополичьим дьяком Л. И. Коншиним. В конце грамоты приводится список тех, кто был на этом разъезде: «А на разъезде были Гневаш Васильев сын Внукова, да Борис Дмитриев сын Косагова, да Шарпа Семенов сын Гаврилова Баскаков, да Афонас Фуник Иванов сын Курцева», а далее идут имена митрополичьих крестьян. Как видим, Б. Д. Косагов назван отдельно от крестьян, записан между двумя землевладельцами Г. В. Внуковым и Ш. С. Баскаковым [17, с. 122–123].

Последнее известие о нем относится к 1522 г. В документе он указан даже впереди митрополичьего дворцового дьяка. Борис Косагов был на разъезде по указу митрополита Даниила вместе с митрополичьими боярами и дьяками. В конце грамоты перечислены имена тех, кто был на разъезде. Первым записан Степан Игнатьев сын Чертова, за ним – Б. Д. Косагов, потом идет митрополичий дворцовый дьяк Петр Стрига, а далее – крестьяне сел Каринского (!) и Степуринского Переславского уезда [18, с. 112–113].

Кроме Бориса Косагова, в XV в. известен еще помещик Владимирского уезда некий Сеня Косагов. В писцовой книге П. Г. Заболоцкого в митрополичьем владении в Боголюбском стане Владимирского уезда в 1498/99 г. д. Яновец была

за Сенькой Косаговым, у которого было два человека – Гридка и Федька, а также в этой деревне числилось еще 4 крестьянина, «*пашни половина полуцверти сохи*» [19, с. 151].

С. Б. Веселовский еще указывал Терентия Косагова, убитого в 1445 г. в известной битве с татарами под Суздаlem, когда в плен к татарам попал московский князь Василий II [20, с. 136]. Теоретически он тоже мог считаться родоначальником Косаговых. Но Косаговым он назван в синодике Успенского Кремлевского собора, а в синодике Успенского Ростовского собора читается Терентий Косаговский [21, с. 172, 194]. Не исключено, что в Суздальском сражении погиб выезджий литвин из шляхетского рода Косаковских (Касаговских), чьи потомки или родственники в конце XV в. были испомещены в Новгороде, в том числе Михаил Иванович Касаговский. В конце XVI в. в Новгороде было немало помещиков Касаговских [22, с. 378–379].

К сожалению, пока не обнаружены сведения о Косаговых, живших в 1520–1580-е гг. Следующий представитель этого рода появляется в источниках только в 1593 г., причем в этом году он уже указан как умерший. Это Иван Третьяков Косагов. В грамоте говорится, что Иван Третьяков Косагов и двое Угрюмовых – Адаш и Иван – совместно владели с Добрячевым в Юрьевском уезде. В 1593 г. все трое умерли, после них остались вдовы – Настасья, Огрофена и Василиса (вдова Ивана Третьякова Косагова). За право владеть этим поместьем в с. Добрячеве после их смерти, видимо, боролось немало претендентов. В итоге выиграл родственник И Т. Косагова – Овдоким Петров Косагов. Ему и трем вдовам было выделено «*две чети села Добрячева*». Казначее старцу Феодосию была отправлена 21 июня 1593 г. грамота, в которой говорилось, чтобы «*поместье, пашню и покосы из оброку давати не велено*» до тех пор, пока не возьмут на эти поместья жалованную грамоту Овдоким Петров Косагов и 3 вдовы [23, с. 129].

Овдоким Косагов в дальнейшем сыграет важную роль в судьбе Ивана Ивановича Косагова. Трудно сказать, в каких родственных связях он состоял с умершим И Т. Косаговым, возможно, они были двоюродными братьями (предположим, что Третьяк и Петр – родные братья). Овдоким Косагов был патриаршим сыном боярским, служил патриарху Иову в Юрьеве Польском. В 1595 г. он по указу патриарха вместе с попами, старостами, целовальниками и сторонними людьми в с. Богоявленском отделил земли разным помещикам (Онучиным, Свинским, Селезневу и Мячкову) [24, с. 151].

Овдоким Косагов был помещиком не только Юрьевского, но и Владимирского уезда. У него был младший брат Иван, отец нашего героя. Иван Петров Косагов также был патриаршим сыном боярским. Впервые о нем мы узнаем из грамоты

1599 г. Возможно, что в 1593 г., когда Овдокиму и вдовам было дано поместье в с. Добрячеве, он был еще молод и не «поспел на службу». За прошедшие с 1593 г. 6 лет И. П. Косагов, уже находясь на службе патриарха, получил поместный оклад 150 чети и к 1599 г. вместе с братом Овдокимом стал совладельцем с. Добрячева, а потом, как и Овдоким, стал еще помещиком Владимирского уезда. 24 мая 1599 г. патриарх Иов пожаловал своих детей боярских «Овдокима и Ивана Петровых детей Косагова в Володимирском уезде из дворцового села из Житкова на сто чети, по пятидесяти чети человеку, к старому их поместью, что в Юрьевском уезде, в Добрячеве, ко сту четвертям, в Овдокимов оклад в двесте чети, в-Иванов оклад во сто в пятьдесят чети» [25, с. 202]. Овдоким Косагов как старший брат в этом документе записан первым, его поместный оклад больше, чем у Ивана (у Овдокима – 200 чети, у Ивана – 150 чети). Братья к тому времени совместно владели в с. Добрячеве Юрьевского уезда поместьем в размере 100 четей. Теперь, после дополнительной дачи поместья, в конечном итоге у Овдокима и Ивана стало у каждого по 100 четей. Реальные владения очень редко соответствовали поместному окладу.

В тот самый день 24 мая 1599 г. по указу патриарха Иова еще одному представителю рода Косаговых – тоже патриаршему сыну боярскому Борису Третьякову Косагову – было пожаловано в этом же дворцовом с. Житкове Владимирского уезда поместье на 80 чети [26, с. 202].

Борис Третьяков Косагов был младшим братом упоминавшегося Ивана Третьякова Косагова, умершего около 1593 г. А. А. Рогожин считает, что прапрадедом генерала Г. И. Косагова был Третьяк Косагов, а «сын Третьяка Петр Косагов имел трех сыновей, одним из которых был дед Г. И. Косагова Иван Петрович Косагов» [12, с. 153]. Однако судя по датам смерти и пожалованиям, все же более предпочтительна версия, согласно которой Третьяк Косагов был не отцом Петра Косагова, а его старшим братом. В таком случае умерший около 1593 г. Иван Третьяков и Борис Третьяков Косаговы были двоюродными братьями Овдокима и Ивана Петровых детей Косагова, Борис Третьяков получил в с. Живтове поместье больше, чем Овдоким и Иван (Борису – 80 чети, братьям – по 50 чети) [26, с. 202].

Кроме Бориса Третьякова, в источниках упоминается еще Борис Пятой Косагов, который в 1597 г. просил патриарха Иова дать ему в поместье пустошь Калитеева во Владимирском уезде [27, с. 177–178]. Какому-то Борису Косагову патриарх Иов в следующем 1598 г. также передал в поместье пустошь, бывшую д. Марино, в Слободском стану Переславского уезда в размере 100 четей [28, с. 186–187]. Как видим, имя Борис в роду Косаговых было популярно. Не свидетельствует ли это о том, что предком Косаговых был указанный ранее Борис Дмитриевич Косагов?

Что касается Ивана Ивановича Косагова, то известен год его рождения – 1603 г. Как его отец Иван и дядя Овдоким, он начал службу как патриарший сын боярский, причем в самом юном возрасте. Сохранился один интересный документ, который позволяет выяснить, как проходили детство и становление будущего воеводы Саратова. Иван Иванов сын Косагов 20 августа 1615 г. подал челобитную митрополиту Сарскому и Подонскому Ионе на имя царя Михаила Романова. В ней отрок-челобитчик указывает, что его отца убили литовские люди в 117 (1608/09) г. После смерти отца он жил у своего родного дяди Овдокима, к тому времени был еще мал («невелик»). В 1615 г. дядя Овдоким умер, осталась его вдова Олена и он, Иван, ее племянник. В августе 1615 г. И. И. Косагов пишет: «И ныне дяди моего Овдокима не стало, а после ево осталась жена ево, а моя тотка вдова Олена да я племянник ее Ивашко двунатцети лет» [29, с. 254–255].

Упоминание о смерти отца от «литовских людей» может свидетельствовать о верной службе И. П. Косагова Василию Шуйскому, а не Тушинскому вору. В те годы гражданской войны (Смутного времени) церковь также находилась по разные стороны баррикад. В Тушино был «патриарх» Филарет (ростовский митрополит), в Москве – патриарх Гермоген. «Служилые города» (местные дворяне и дети боярские) Юрьева, Переславля, Суздаля, Владимира в 1608–1609 гг. в подавляющей массе поддерживали тушинцев, а часть сражалась на стороне Василия Шуйского. Контроль за Переславским и Юрьевским уездами, где были земли патриарших детей боярских Косаговых, правительственные войска установили только в сентябре – октябре 1609 г.

Указание на возраст (12 лет) позволяет вычислить год рождения И. И. Косагова – 1603 г., а также, сколько ему было лет, когда он потерял отца (5–6 лет). Видимо, тогда же (или еще раньше) умерла его мать, он полностью осиротел, поэтому был вынужден жить у дяди Овдокима. Скорее всего, благодаря дяде Овдокиму, патриаршему сыну боярскому, в 1614/15 г. Иван Косагов в юном возрасте (около 12 лет) тоже стал служить патриарху, функции которого (местоблюстителя патриаршего престола) в те годы исполнял митрополит Иона.

К моменту своей смерти дядя Овдоким владел поместьями (патриаршими землями) в Юрьевском уезде в сельце Добрячеве (50 чети, как и ранее) и в Суздальском уезде в с. Михайлове Стране (100 чети). Ранее это с. Михайлова Страна принадлежало патриаршему дворецкому кн. Федору Сугорскому, а после его смерти небольшая часть перешла вдове княгине Мавре Сугорской. Кроме того, 100 четей дано в 122 (1613/14) г. «на прожиток» Овдокиму Косагову, и часть еще оставалась за патриархом (191 четь).

Этот остаток отдали сыну боярскому И. Р. Мануйлову [30, с. 241–243; 31, с. 327–328]. Получив эти земли кн. Сугорского, Овдоким не предполагал, какая борьба за них развернется после его смерти, и что из себя представляет эта вдова княгиня Мавра, которая потом много нервов попортит его вдове Олене и племяннику Ивану Косагову.

Далее в челобитной 20 августа 1615 г. Иван Косагов просит дать ему эти поместья умершего дяди Овдокима и пишет, что, когда ему исполнится 15 лет, он будет служить государеву службу и ухаживать за теткой Оленой. Положительная резолюция митрополита Ионы по данной челобитной датировалась 12 октября 1615 г. [29, с. 254–255].

Итак, в возрасте 12 лет Иван Косагов получил поместья общим размером 150 четей в Юрьевском и Суздальском уездах [29, с. 254–255]. Конечно, это поместье в сельце Добрячеве Юрьевского уезда, вотчине Московского патриархата, было ему пожаловано в октябре 1615 г. не за какие-то собственные службы, а авансом, за будущую службу 12-летнего отрока.

В мае 1616 г. по указанию митрополита Ионы было разрешено выдать (отказать) земляной хлеб (рожь), который сеял покойный Овдоким Косагов в с. Михайлове Стороне Суздальского уезда вдове Олене и ее племяннику Ивану Косагову [32, с. 267]. Однако этим поместьем молодой отрок с тетей-вдовой владел недолго. Уже летом 1616 г. вдова бывшего хозяина поместья кн. Федора Сугорского княгиня Мавра сумела вернуть его себе. Печально было читать тетке и племяннику Косаговым такие слова в грамоте: «А Овдокимову жену вдову Олену с племянником ее с Ывашком Косаговым ис того поместья выслать вон и владети им не велел». Грамота была составлена 17 августа 1616 г., а получена в Суздале местным осадным головой Григорием Мякишевым только через месяц, 17 сентября. Гонцы из Москвы в Суздаль обычно успевали добраться за 2 дня, но тут, видимо, митрополичьи власти не спешили, позволив Косаговым успеть убрать урожай и засеять озимые. 9 октября 1616 г. вдова Мавра Сугорская получила ввозную грамоту на это поместье [33, с. 271–273].

На следующий год патриарший сын боярский Иван Косагов подал новую челобитную и по его просьбе в июне 1617 г. ему разрешили в с. Михайлове Стороне собрать урожай ржи, который должны были собрать крестьяне новой хозяйки поместья княгини Мавры Сугорской. В грамоте, адресованной воеводе Суздаля Петру Григорьевичу Сабурову, указывалось: из собранного урожая часть ржи в размере, сколько было засеяно ранее, выделить этой княгине Мавре, а остальной урожай передать Ивану Косагову. Вот чем приходилось заниматься отроку, которому едва исполнилось 14 лет [34, с. 297]!

В сентябре 1621 г. патриарх Филарет пожаловал вдову Олену Косагову прожиточным поместьем ее мужа в с. Добрячеве Юрьевского уезда в размере 50 чети с условием возврата поместья после ее смерти снова во владения патриарха, «взять в дом Пречистые богородицы и великих чудотворцев Петра и Олексея и Ионы попрежнему». Вдова Олена могла судить своих людей и крестьян, а ее в случае чего мог судить только сам патриарх или его бояре [35, с. 333–334].

Незадолго до составления этой грамоты племянник Олены И. И. Косагов, который к тому времени достиг 18-летнего возраста, переменял социальный статус и в отличие от своих предков прекратил службу в качестве патриарших (ранее митрополичьих) слуг, тиунов, детей боярских. Службу при дворе патриарха Филарета если он и нес, то всего несколько месяцев. Уже в начале 1620 г. И. И. Косагов состоял при дворе царя Михаила Романова. Он перешел в состав Государева двора, став при нем жильцом. Видимо, после освобождения из польского плена и возвращения в Москву патриарх Филарет лично пересмотрел список своих детей боярских, кого-то сделал патриаршим стольником, а кого-то передал царю Михаилу (некоторые стали служить по своим городам, вошли в местные городские корпорации, в «служилые города»).

В итоге это поместье в сельце Добрячеве Юрьевского уезда перешло к его тетке Олене. Сам же И. И. Косагов, став московским жильцом, являлся четвертчиком Костромской чети. В Кормленной книге этой чети находим интересную запись: «КосЯгов Иван Иванов жилец. 128 году июля в 13 день, по памяти зу приписью дьяка Михаила Данилова, написан ему денежный оклад из чети вновь 10 рублев» [36, с. 139]. Обратим внимание на слова «жилец», «вновь». Получается, что И. И. Косагов впервые в июле 1620 г. включен в список жильцов и ему при этом установили денежный оклад из Костромской чети в размере 10 руб. Возможно, что такое написание фамилии (Косягов) привело к тому, что данная информация не была замечена исследователями, изучавшими биографию генерала Г. И. Косагова.

В начале 1620-х гг. И. И. Косагов был уже женат. Свадьба, видимо, состоялась вскоре после того, как он стал московским жильцом. Известно, что жену И. И. Косагова звали Мавра. В. П. Алексеев указывает, что 22 сентября 1678 г. за вдовой И. И. Косагова Маврой закрепляется вдовья четвертная часть из поместья ее мужа в д. Яхонтовой и в пустоши у Вербного Колодца Карачевского уезда [9, с. 149]. Пока трудно сказать, была ли эта Мавра единственной женой И. И. Косагова, т. е. матерью генерала Г. И. Косагова или его мачехой. Вскоре после свадьбы у И. И. Косагова родился сын Григорий, который уже в 1630-е гг. стал

служить в качестве жильца при царском дворе вместо отца, ставшего московским дворянином.

Будучи московским жильцом, И. И. Косагов постепенно утрачивает родовые владения в Юрьевском уезде. Из одного документа более позднего времени выясняется, что у И. И. Косагова, кроме тетки вдовы Олены, была еще родная тетка Мария, дочь Петра Большого Косагова, сестра Овдокима и Ивана. Также обнаружилось, что у деда И. И. Косагова Петра Большого был родной брат тезка Петр Меньшой. Родовой вотчиной И. И. Косагова была пустошь Мандарьево в Золотском стане Юрьевского уезда (бывшее до разорения Смуты селом), которой он владел совместно с тетей Марией и ее мужем – юрьевским сыном боярским Дмитрием Майковым Есиповым. Пустошь (село) Мандарьево – это приданая вотчина Марии, жены Д. М. Есипова. В 1621/22 г. чашник И. А. Плещеев купил эту пустошь у И. И. Косагова и Д. М. Есипова [37, с. 135–138]. Теперь, после потери этих земель, у И. И. Косагова становится все меньше связей с Юрьевским уездом. Со временем все его внимание будет обращено на приобретение земель в южном Карачевском уезде на Брянщине.

Одними из таких первых известных приобретений были пустоши (ранее сельцо и деревня) Подсосенки (Подсосенье) и Попково в Городском стане Карачевского уезда на речке Снеже. Когда-то эти земли принадлежали Н. Д. Исакову, а в 1626 г. Г. М. Сибилов получил на них жалованную вотчинную грамоту. 31 августа 1629 г. бывшая владелица этих земель вдова Г. М. Сибилева Мария Петровна с сыном Елизаром заложили эту вотчину И. И. Косагову за 200 руб. с условием перехода к нему по истечении срока заклада. Трудно сказать, почему И. И. Косагов лишь через 18 лет (в марте 1647 г.) подал челобитную о записи за ним этой вотчины по просроченной закладной кабале, и в итоге окончательная передача этих земель И. И. Косагову в вотчину произошла только 10 февраля 1648 г. [38, с. 1137–1138].

В 1630-е гг. и позже у И. И. Косагова будут новые приобретения в Карачевском уезде у Богдана Кареева (д. Измаризна, она же Макарова), у вдовы Степана Стрешнева Арины (пустошь Ананьино), часть пустоши Подсосенье (бывшие владельцы Оболмасовы) и ряд других земель [9, с. 147–148].

Служба И. И. Косагова в качестве жильца при царском дворе продолжалась вплоть до октября 1631 г., а далее мы видим его уже московским дворянином. В 1620-е гг., будучи жильцом, он редко находился в Москве при царском дворе, служил в южных городах, головой у стрельцов и казаков сначала в Ельце, затем в Карачеве. Поэтому позже его называл А. П. Чириков «*стрелецким и поповым сыном и холопу своему братом*» [13, с. 275]. Пока трудно сказать,

почему его фамилия не была указана в жилецком списке 1628/29 г. [39, с. 105–162]. Однако в жилецком списке 1624/25 г. он записан среди жильцов с поместным окладом 400 чети, здесь также говорится, что у него поместье в Суздале [40, с. 318].

Впервые имя московского дворянина И. И. Косагова встречается в Боярской книге 1629 г., где в списке новых московских дворян записано: «*Из житья Иван Иванов сын Косагов. Оклад, что был в житье, 400 чети, из чети 10 рублей*» [41, с. 173]. Как видим, за прошедшие 10 лет его денежный оклад не изменился и составлял по-прежнему 10 руб. В этом источнике уточнен также поместный его оклад – 400 чети. Пока трудно сказать, какие реально у него были поместные дачи в то время. Следует учесть, что записи в боярских книгах делались на протяжении длительного времени, вплоть до составления следующей боярской книги (в боярской книге 1629 г. находим записи за последующие 10 лет).

Чтобы узнать, когда именно И. И. Косагов стал московским дворянином, и какие службы у него были до составления следующей боярской книги (1639 г.), следует обратиться к «Подлинным» боярским спискам за данный период (1629–1639 гг.), в которых жильцов нет, зато указаны московские дворяне. Впервые в «Подлинном» списке 140 (1631/32) г. после списка московских дворян, которые служили ранее, под подзаголовком «*Из Житья в дворяне*» приводятся имена бывших жильцов, ставших московскими дворянами в период с сентября 1631 до августа 1632 г. Перед фамилией И. И. Косагова указана дата – 13 октября 1631 г. Именно в этот день он был переведен из жильцов в московские дворяне, а не с 1633/34 г. Против его фамилии стоит помета «в Юрьеве». В указанном боярском списке среди московских дворян перед И. И. Косаговым стоит также бывший жилец Евраф Елизаров, а после него – Нефед Кузьмин Минин, переведенный из стряпчих, и князь Семен Иванов Горчаков – из жильцов [42, с. 501].

Подтверждение о пребывании И. И. Косагова воеводой в Юрьеве находим в Книгах разрядных. В разрядной записи за 1631/32 г. указано, что «*в Юрьеве Иван Иванов сын Косагов, а с ним посадицкие люди*» [43, стб. 662]. Это было первое самостоятельное воеводское назначение новоиспеченного московского дворянина. Было ему к тому времени уже около 30 лет. Вновь судьба забросила И. И. Косагова туда, где прошло его детство.

В боярском списке 1632/33 г. против фамилии И. И. Косагова также стоит помета «в Юрьеве». Записанный после него Нефед Минин, судя по помете, умер в ноябре 1632 г. [42, с. 523].

Служба в Юрьеве продолжалась вплоть до марта 1634 г. В Записной книге Московского стола имеется примечательная запись, относящаяся именно к нашему герою: «*Марта в 11 день*

отпущон в Юрьев Полской Михайло Елизарьев сын Бормосов, на Иваново место КосаЧова; а Ивану велено быть на государеве службе с бояры и воеводы. Наказ ему дан за приписью диака Михайла Данилова» [44, с. 555]. Трудно сказать, это опечатка при публикации, неверное прочтение текста источника или дьяки ошибочно написали фамилию воеводы. Исследователи, включая А. П. Барсукова и А. А. Гераклинова, посчитали, что речь идет о некоем Иване Косачове, поэтому не связывали этого человека с саратовским воеводой И. И. Косаговым.

Об участии И. И. Косагова после возвращения из Юрьева в боевых действиях на завершающем этапе Смоленской войны в марте – июне 1634 г. сведений пока не обнаружено. Однако в боярской книге 1629 г. имеется следующая записка: «Да ему же за литовскую службу 143-го году придано 100 чети, денег 10 рублей» [41, с. 173]. Если дата 143-й г. указана в источнике верно, то можно предположить следующее. 143-й г. начинался в сентябре 1634 г., когда уже закончилась Смоленская война. Следовательно, эта литовская служба была в период после окончания Смоленской войны и завершилась до августа 1635 г. Она могла быть связана со встречей польского посольства А. Песочинского, с вопросами размежевания границ. Как вариант – И. И. Косагов сопровождал русское посольство в Варшаву для ратификации Поляновского мира, находясь в свите дворян (хотя в разрядах его имя не упоминается). Как известно, эти послы во главе с боярином кн. А. М. Львовым были отправлены из Москвы в октябре 1634 г., а вернулись домой в июле 1635 г., привезя с собой тела царя Василия Шуйского и его брата Дмитрия [45, стб. 404, 471].

В результате этой, неизвестной пока нам литовской службы, новый поместный оклад дворянина И. И. Косагова стал 500 чети, а денежный – 20 руб., он был по-прежнему четвертчиком Костромской чети.

В конце 1637 г. И. И. Косагов был отправлен в Мценск, что указано в боярском списке 1637/38 г. Перед этим он находился в Козельских селах (эта помета в боярском списке была зачеркнута) [46, с. 85]. Причина, по которой он отмечен в Козельске и Мценске, понятна. В связи с известными событиями вокруг Азова возникла угроза большого похода крымцев по приказу турецкого султана на русские земли. Уже в 1637 г. состоялся крупный набег крымцев под командованием нурадына Сафат Гирея, который вскрыл ряд недостатков в укреплении южных границ. Поэтому весной 1638 г. были предприняты беспрецедентные меры по усилению южных границ. Мобилизация воинских сил охватила все города страны, члены Государева двора также были отправлены на юг. В разрядной записи за 1637/38 г. особое внимание уделено размещению полков на южных рубежах. Общее командование осуществлял первый

воевода Большого полка боярин кн. Иван Борисович Черкасский. Этот полк базировался на Туле. И. Б. Черкасскому подчинялись воеводы других полков, размещенных в Переяславле-Рязанском (боярин кн. Д. М. Пожарский), Одоеве (боярин кн. И. А. Голицын), Крапивне (боярин И. П. Шереметев), Мценске (стольник кн. М. П. Пронский) и Веневе (окольный кн. С. В. Прозоровский) [47, с. 1–79; 48, с. 314–344]. Поэтому в Мценске вместе со стольником кн. М. П. Пронским в то время находилось немало представителей Государева двора, включая стольников и стряпчих, а больше всего было дворян московских. Дворянин И. И. Косагов стоит в этом боярском списке между С. М. Реновым и М. Г. Свищовым. Некоторые представители Государева двора к осени 1638 г. вернулись в Москву. Однако И. И. Косагов и в начале следующего 1638/39 г. продолжал оставаться в Мценске, а вернулся в столицу, видимо, лишь в январе 1639 г., уже после рождественских и крещенских праздников (помета в очередном боярском списке 1638/39 г. «во Мценску» была зачеркнута) [49, с. 207].

В начале февраля 1639 г. И. И. Косагов находился в Москве. 5 февраля 1639 г. состоялась встреча персидского посла за Яузой по Владимирской дороге. Этот посол шел из Персии вместе с голштинскими послами (подробно это возвращение голштинцев описано у Адама Олеария). Среди встречавших в конце списка московских дворян указан «Иван Иванов сын Косагов». Он записан между А. С. Языковым и И. К. Опухтиным, здесь очередность несколько отличалась от боярских списков [45, стб. 962].

В следующем году никаких служб у И. И. Косагова не было, против его фамилии в боярском списке 1639/40 г. никаких помет нет, видимо, он находился в Москве [50, с. 241]. Тогда же была составлена очередная боярская книга 1639 г., в которой также против фамилии московского дворянина И. И. Косагова никаких помет нет, отсутствуют сведения о награждении за какие-либо службы. В этой боярской книге он по-прежнему записан между дворянами С. М. Реновым и М. Г. Свищовым, в последней сотне московских дворян, ближе к концу списка [51, с. 182].

В 1641 г. не без участия И. И. Косагова и его покровителей при дворе его сын Григорий Иванович получил повышение по службе, из жильцов его перевели в стряпчие. Это произошло 22 марта 1641 г., «государь пожаловал из житья в стряпчие Григорья Иванова сына Косагова» [52, с. 260]. Именно будучи стряпчим, Г. И. Косагов в последующие 20 лет стал известен многим людям как в России, так и на Украине, в Запорожье, командуя крупными воинскими частями, сражаясь против поляков, крымцев и изменников-гетманов.

Незадолго до назначения Г. И. Косагова стряпчим он женился на Марфе Тимофеевне

Лошаковой, дед которой Александр Булатников в те годы был келарем (!) Троице-Сергиева монастыря, мать – старица Евниея Лошакова, а дядя – стряпчий Лаврентий Григорьевич Булатников. В качестве приданого были получены земли в Кашинском и Угличском уездах. На эти земли дед, дядя и мама невесты 10 сентября 1640 г. составили данную Григорию Косагову. Судя по дате свадьбы, Григорий родился в самом начале 1620-х гг., но никак не в 1630-х. Через 5 лет после свадьбы 23 февраля 1645 г. Григорий Косагов подал в Поместный приказ челобитную и данную, а уже через 10 дней 6 марта за ним были записаны эти вотчины [53, с. 745]. Родственные связи с келарем знаменитого монастыря, конечно же, сыграли свою роль – уже в 1641 г. Григорий стал стряпчим при дворе.

Несмотря на то, что в боярской книге 1639 г., как уже говорилось, против фамилии И. И. Косагова не стоит никаких помет, не указаны награждения, это не значит, что у него была спокойная жизнь в Москве при государевом дворе. На самом деле награждения, придачи за службу, значительные повышения поместного и денежного окладов в 1640–1650-е гг. были и притом немалые, но они не были занесены в боярскую книгу 1639 г. Видимо, уже в 1642 г. или 1643 г. И. И. Косагов находился в новом г. Ломове (трудно сказать, в Верхнем или Нижнем) на стыке двух пограничных линий. Здесь заканчивалась Белгородская черта и начиналась новая Симбирская черта. В 1644 г. из Ломова он был переведен служить на Тулу. Не случайно в боярском списке 1643/44 г. против его фамилии сначала дьяки записали «В Ломове», потом помета была зачеркнута и поставлена новая запись – на Туле [54, с. 437].

При новом царе Алексее Михайловиче служба московского дворянина И. И. Косагова также сопровождалась участием в разных походах. Видимо, в Москве оценили его командирские качества и, не считаясь с местническими спорами, назначили И. И. Косагова командиром одного из отрядов, состоявших из представителей Государева двора, что было отмечено в Дворцовых разрядах. 14 июня 1646 г. он был назначен головой у стольников, стряпчих и дворян московских в Большом полку на Туле у окольного и воеводы кн. Дмитрия Петровича Львова [55, стб. 37]. Вероятно, такое назначение потомка митрополичьих слуг вызвало недовольство других представителей Государева двора. Не связано ли дело об оскорблении И. И. Косагова А. П. Чириковым, который не хотел подчиняться такому «худородному» начальнику, «попову сыну, брату своего холопа», с назначением И. И. Косагова головой в полк кн. Д. П. Львова?

В феврале 1647 г. состоялось новое назначение И. И. Косагова. Он был отправлен на воеводство в Орел – опять на южную границу.

Дата назначения указана в Записной книге: «Послан во 155 году, в феврале» [56, с. 406]. Здесь он сменил прежнего воеводу кн. Льва Михайловича Волконского [57, с. 306]. Воеводская служба на Орле И. И. Косагова продолжалась довольно долго: не только в 1647 г., но и весь 1648 и 1649 гг. В Записной книге констатируется, что он в 1648 (1648/49) г. продолжал находиться в этом городе на воеводском посту [56, с. 406]. В марте 1649 г. в Москве стало известно, что И. И. Косагов все еще служит в этом городе. Об этом свидетельствует один интересный документ, из которого следует, что воеводская служба даже в южных пограничных районах была довольно привлекательной для некоторых обедневших служилых людей по отечеству, несмотря на опасность татарских набегов. В начале 1649 г. Ефим Быков написал челобитную в Разрядный приказ, жаловался, что оскудел, обнищал на разных службах, поместье разорено, двор в Москве сгорел. Е. Быков просил направить его воеводой (видимо, надеясь поправить свое материальное положение) в Белев или в Орел на место Ивана Косагова, «который безпрестанно ездит по воеводствам». Резолюция по этой челобитной от 16 марта 1649 г. была положительной – Е. Быкова велено отпустить, но только не в Орел, а в Белев, как воеводе «минет два года» [58, с. 246]. Дьяки Разрядного приказа решили оставить И. И. Косагова служить на Орле на очередной срок. В боярском списке 1649/50 г. против его фамилии стоит помета «На Орле» [59, с. 198]. Видимо, эта служба завершилась лишь в 1650 г., когда в Орел прибыл новый воевода – торопчанин князь Иван Васильевич Шеховской [55, стб. 273].

После окончания орловской службы имя И. И. Косагова на долгие годы исчезает из боярских списков. Нам ничего не известно о его службах целых 10 лет, вплоть до начала 1660-х гг. Вместо него при государевом дворе стал служить его сын Григорий. На первом этапе русско-польской Тринадцатилетней войны (1654–1656 гг.) Григорий Косагов сражался против поляков в полку кн. Ю. А. Долгорукова, который входил в Севскую армию кн. А. Н. Трубецкого [60, с. 15], а затем долгие годы его служба будет связана с Белгородским разрядом – военно-административным округом, который находился под командованием кн. Г. Г. Ромодановского. Еще до составления боярской книги 1658 г. поместный оклад Григория Косагова составлял 700 чети, а денежный – 35 руб. [61, с. 75]. А отец Григория стал служить по Брянску. Неизвестно, где и как И. И. Косагов отличился, воюя против врагов вместе с брянскими служилыми людьми, но факт остается фактом – именно эта служба была очень высоко оценена правительством, о чем свидетельствует значительное повышение его поместного и денежного окладов. В боярской книге 1658 г. записано: «Иван Иванов сын Косагов. Во брянском списку 171-го году оклад ему

с придачеми помесной 1000 чети, денег 80 рублев» [61, с. 228]. Напомним, что ранее у него был оклад с придачами за литовскую службу всего 500 чети и 20 руб. Теперь поместный оклад стал максимальным, а денежный вырос в 4 раза. Правда, эти сведения относятся уже к 171 (1662/63) г., когда И. И. Косагов завершал службу в Саратове, так что какая-то часть придач вполне могла быть за Саратовскую службу. Саратовский период службы И. И. Косагова разберем более подробно.

О том, что ему предстоит служба в этом волжском городе, И. И. Косагов знал еще в самом начале 1660 г. Уже 6 марта 1660 г. в Москве в Печатном приказе была запечатана грамота прежнему воеводе Саратова, стольнику Даниле Варфоломеевичу Хитрову, в которой говорилось: «На Саратов, к стольнику и воеводе Данилу Хитрову, велено быть на Саратове воеводою Ивану Иванову сыну Косагову» [4, с. 8].

Однако отъезд нового воеводы в Саратов по неизвестной причине задержался более чем на полгода, и Д. В. Хитрово так и не дождался своего сменщика, умер весной или в начале лета 1660 г. на воеводском посту в Саратове. Здесь же осталась и его жена, теперь уже вдова, Марья. Временно обязанности воеводы Саратова стал исполнять один из местных детей боярских Петр Климов. Именно ему, а не новому воеводе И. И. Косагову (который еще не успел приехать в Саратов) в августе 1660 г. была отправлена из Москвы грамота следующего содержания: «На Саратов, к саратовцу к Петру Климову, по челобитью стольника Данила Хитрова, жены его, вдовы Марьи, велено ее с Саратова отпустить к Москве» [4, с. 8].

Так что новому воеводе И. И. Косагову пришлось принимать все дела в Саратове у Петра Климова. Скорее всего, это произошло лишь осенью 1660 г. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением А. П. Барсукова, А. А. Гераклитова и других, согласно которому начало службы И. И. Косагова в Саратове относится к 6 марта 1660 г.

О составе гарнизона Саратова в то время, когда там служил И. И. Косагов, свидетельствует «Сметная роспись воинских сил 171 года» [62, с. 43]. Этот сюжет ранее был уже рассмотрен в ряде статей о служилых людях по отечеству и по прибору в Саратове [63, с. 102–113; 64, с. 231–240].

Воеводе И. И. Косагову в Саратове пришлось заниматься многими делами, о которых мы узнаем из документов Печатного приказа, опубликованных А. А. Голомбиевским [4] (в скобках – номера документов, отмеченные в свое время А. А. Гераклитовым – «Голомб. № 35–41») [7, с. 67]. По указу из Москвы И. И. Косагов назначал саратовских служилых людей по отечеству на заставу (по их челобитью). Так,

в 1661 г. был назначен на заставу Лука Леонтьев Климов «для береженья проезжих людей» (№ 37), а в 1662 г. еще при воеводе И. И. Косагове на смену Л. Л. Климову был назначен Иван Микулин (№ 40). Также по указу из Москвы воевода И. И. Косагов назначал в 1661 г. поместный оклад саратовцу Луке Климову (300 чети) (№ 38), а в 1662 г. учинил придачу денежную и хлебную другому саратовцу – Ивану Климову (№ 41). При воеводе И. И. Косагове мы впервые видим на Саратове в числе служилых людей по отечеству служилых иноземцев. К примеру, Михаил Валенский ранее служил в Чебоксарах, а в 1661 г. ему велено служить по Саратову «и оклад учинить к прежнему его окладу, с которым он служил по Чебоксару, 100 чети, денег 4 рубля» (№ 39) [4, с. 13]. Естественно, все эти новые имена и изменения в поместных и денежных окладах служилых людей воевода И. И. Косагов должен был занести в саратовскую десятню.

Воевода И. И. Косагов занимался и такими делами, как контроль за местным кабаком, назначал кабацких приставов и, наоборот, отставлял от этого занятия прежних приставов, причем в обоих случаях этому предшествовали челобитные самих приставов в Москву. Кабацкими приставами были разные люди, в том числе известен пеший стрелец Панка Бахтеяров, которому данное занятие оказалось не под силу, и он в 1661 г. написал челобитную с просьбой отставить его от кабацкого приставства (№ 36) [4, с. 13].

Конечно, были и более важные дела, к примеру, отправка служилых людей в поход на Дон против крымцев. Известно, что в 1661 г. в эту «Донскую посылку» из Саратова были отправлены пешие стрельцы во главе со стрелецким пятидесятником Петрушкой Щипановым. Всем стрельцам для этой командировки выдали дополнительно по рублю денег. По челобитью всех этих пеших стрельцов «пятидесятников и десятников и всех рядовых, Петрушки Щипанова с товарищи» этих денег «ныне и впредь зачитать у них не велено» (№ 35) [4, с. 13].

Пришлось И. И. Косагову заниматься и международными делами, переговорами с калмыками. Именно в июне 1661 г. посол боярин кн. В. Г. Ромодановский вместе с дьяком Иваном Савиновичем Гороховым приводили к шерти (присяге) калмыков [65, с. 126]. Сохранилась шертная запись тайшей Дайчина и Мончака о готовности их идти в поход против крымцев [66, с. 74]. С этого момента известно о приезде калмыков в Саратов со своим товаром (лошадьми). Уже в августе 1661 г. калмыцкие послы приехали в Москву, тогда же в столицу прибыл калмыцкий табун лошадей [67, стб. 282, 283, 286].

П. С. Преображенская пишет: «В июне 1661 г. совместно с посольством И. С. Горохова отправились в Саратов торговые люди калмыки,

у которых было 410 лошадей». По-видимому, часть этих лошадей предназначалась для продажи в Саратове. Калмыки осуществляли в Саратове «з градцкими людми торги и мему» [68, с. 331–332]. Все это происходило при воеводе И. И. Косагове. Как все взаимосвязано в этом мире! Через год после того, как И. И. Косагов в Саратове наладил связи с калмыками, его сын Григорий вместе с этими союзниками-калмыками («мурза Эркетъ Атуркай от Мунчака хана») в декабре 1663 г. сражался против крымцев, изменников-черкас и поляков, ходил в поход на Перекоп.

Во время воеводства И. И. Косагова иноземных и русских послов, проплывавших через Саратов, было немного. Известно о русском гонце в Персию Иване Свизеве (1661 г.) и другом гонце Иване Хвостове. Эти гонцы сообщили, в частности, воеводе Саратова, чтобы он подготовился принять отправлявшееся в Персию великое посольство окольного Федора Яковлевича Милославского (принимать это посольство в городе пришлось уже сменщику И. И. Косагова). До этого в конце 1660 г. домой в Персию возвращался персидский купчина Мурат-хан. О посольствах из Средней Азии в эти годы ничего не известно. Накануне приезда в Саратов И. И. Косагова домой в Грузию летом 1660 г. возвращался из Москвы царевич Николай Давыдович с матерью царицей Еленой Леонтьевной и русскими посланниками к царям Теймуразу и Александру – стряпчим Бахтияром Мякининым и дьяком Яковом Ушаковым. Правда, русские посланники добрались лишь до Астрахани. Узнав, что Теймураз захвачен персами, а Александр умер, русские посланники в 1661 г. возвратились из Астрахани в Москву. В том же 1661 г. через Саратов ехал в Москву грузинский боярин от царя Теймураза Афанасий Фадеев (просил, чтобы царь Алексей Михайлович помог освободить Теймураза из персидской неволи) [69, 70]. Прием в Саратове и обеспечение безопасности всех этих послов – одна из важнейших задач, стоящих перед воеводой Саратова И. И. Косаговым в связи с непрекращающимися нападениями на Волге воровских казаков на посольские и купеческие караваны.

Приходилось воеводе Саратова И. И. Косагову заниматься и церковными делами. В октябре 1661 г. была отправлена грамота царя Алексея Михайловича «на Саратов воеводе нашему Ивану Ивановичу Косагову» о выдаче старицам Воздвиженского монастыря Дорофее с сестрами государева жалования, годовой хлебной и денежной руги. Это годовое жалование предписывалось выдавать в том же размере, как и старицам Свяжского женского монастыря, а именно – игуменью, которую старицы выберут, по 2 руб. денег, 2 чети ржи и 2 чети овса. Рядовым же старицам, число которых 29, по полтора рубля, полторы

чети ржи и столько же овса. К тому времени обязанности игуменьи временно исполняла старица Дорофеея. Игуменью должны были выбрать все старицы, а утвердить этот выбор (благословить) Астраханский и Терский архиепископ. Скорее всего, старицы потом выбрали игуменьей эту старицу Дорофеею, хотя других источников о ней и о данном монастыре в указанное время не обнаружено. Воеводе И. И. Косагову предписывалось выдавать деньги из саратовских денежных доходов, а за доставку хлеба для саратовских стариц отвечал воевода Казани кн. Д. А. Долгоруков, которому также была отправлена специальная царская грамота. Обе грамоты подписал дьяк Казанского дворца Тимофей Бессонов, справил подъячий Михайла Дуров. Интересно, что было определено число стариц – 29 и не больше. Кто захочет еще постричься в монастыре, тем надо ждать «выбылых мест» (пока кто-нибудь из стариц не уйдет в мир иной) [1, с. 243–245].

Также воевода Саратова в 1661 г. должен был предоставить место в городе под амбар старцам Макарьевского Желтоводского монастыря, которые в районе Саратова занимались рыбным промыслом (№ 74). Конечно же, царской грамоте об этом предшествовала челобитная старцев монастыря во главе с игуменом Исайей и келарем Пахоимом [4, с. 18].

Завершение службы И. И. Косагова на Саратове относится к весне 1662 г. 17 марта этого года была запечатана и отправлена из Москвы грамота «на Саратов, к воеводе к Ивану Косагову; велено быть на его место в воеводах Федору Леонтьеву» [4, с. 8]. Видимо, новый воевода, в те годы стольник, Федор Иванович Леонтьев, прибыл на Саратов вскоре, уже в мае 1662 г. В одной и той же книге Печатного приказа № 108 за 1662 г. содержатся две грамоты, адресованные на Саратов как воеводе Косагову, так и воеводе Леонтьеву, следовательно, промежуток между составлением этих грамот был небольшой (за один год обычно велось несколько книг). В то же время хорошо известно, что 5 апреля 1662 г. окольный Замятня Леонтьев, назначенный воеводой в поход против крымцев и турок под Азов, получил в Москве царский наказ, в котором указывалось, что формирование войска должно проходить на Царицыне, и туда должен прибыть из Саратова его племянник сходный воевода Федор Иванович Леонтьев [67, стб. 328–329]. Так что прибытие нового воеводы на Саратов произошло вскоре после отправки грамоты от 17 марта 1662 г.

После возвращения в Москву И. И. Косагов вновь, как и 30 лет назад (в 1631 г.), был пожалован в дворяне московские. В «Подлинном» боярском списке 1662/63 г. против его фамилии стоит запись: «Пожалован из брянчан в дворяне московские». Это произошло 29 мая 1663 г. [59, с. 198]. Где он служил в 1663–1665 гг. (172 и 173 гг.) – неизвестно, но, видимо,

отличился в каких-то делах, за что получил новые царские награды. В двух боярских списках 1663/64 г. против фамилии дворянина московского И. И. Косагова стоят пометы «на службу», «на службе» [59, с. 198]. В боярской книге 1658 г. после указаний дворянину московскому И. И. Косагову прежнего поместного оклада 1000 четей и денежного 80 руб. имеется следующая запись: «*Да за службы 172-го и 173-го году придачи 130 чети, денег 9 рублей, и за переходные чети за 130 чети денежные ему придачи шесть рублей с полтиною*» [61, с. 228].

В те годы существовало правило: поместный оклад не должен был превышать 1000 четей. Но ведь награждали поместными придачами в четах. В таком случае действовал следующий механизм замены поместных придач на денежные (по денежным придачам ограничений не было). Если поместный оклад превышал 1000 четей, то за каждые следующие 20 четей давали придачу к денежному окладу 1 руб. Поэтому Косагов получил вместо 130 четей денежную придачу 6,5 руб. Так что новый денежный оклад теперь стал 95,5 руб.

В указанное время сын И. И. Косагова Григорий продолжал сражаться в Запорожье вместе с кошевым Сирко против изменников-гетманов, татар и поляков. Ситуация в то время (в ноябре 1663 г.) в Запорожской Сечи была очень напряженная, многие копейщики, рейтары, солдаты и донские казаки разбежались, у Г. И. Косагова там осталось 200 чел. и у Серко столько же, «*в Запорогах малоллюдно*». Удержать Сечь от ляхов, татар и изменников черкас будет невозможно, общал Г. И. Косагов. Именно от того времени сохранилось письмо, которое сын Григорий написал своему отцу о тяжелом положении в Сечи, он не надеется, что сумеет выжить, просит отца позаботиться о своей жене и дочери: «*Мне с Серком тут мат*» [71, с. 146–147]. Упоминание шахматных терминов в письме свидетельствует о том, что отец с сыном любили эту игру. Но вскоре ситуация изменилась к лучшему, на помощь пришел отряд калмыков, прибыли дополнительные русские отряды, что позволило Косагову и Серко с калмыцким мурзой Эркетъ Атуркаем совершить очередной успешный поход в декабре 1663 г. к Перекопу.

В качестве московского дворянина И. И. Косагов упоминается в последующих «Подлинных» и «Наличных» боярских списках за 1665/66 г., 1666/67 г.; здесь никаких особых помет нет. Интерес представляет помета в «Наличном» боярском списке 1667/68 г.: «*На коне, да лошадь проста с боем 4 чел., а в поместье и в вотчине крестьян 130 дворов, и из того числа в Карачевском уезде разорено от воинских людей 50 дворов, а в остатке 80 дворов, с того ж ево поместья служит сын ево Григорей*» [59, с. 198].

Умер И. И. Косагов в 1675 г. О размерах его владений в Карачевском уезде вскоре после его смерти свидетельствует перепись 1678 г.

Только в конце 1650-х – 1660-е гг. он приобретает поместья Ф. П. Богатырева (в д. Березовой и в пустоши Богоявленской, Макарищевой тож), Ю. Б. Оболмасова, А. и Р. Худяковых (в пустоши на речке Одне у Большого Веребного Колодезя), Н. С. Шишкина (Подсосенки), сельцо в пустошах Новоселки и Торховой, пустошь Канино в Городском стане (бывшие владения Дехановых, С. Вилкова и других) – все они расположены в Карачевском уезде, а также сельцо Горок в пустошах Кобызева и Сычева в соседнем Орловском уезде (бывшие владения Оболмасовых, Чертова, Картамышева) [9, с. 148].

После смерти И. И. Косагова уже 21 апреля 1675 г. его сыну Григорию отказывается поместье отца в д. Попковой, пустошах Гридиной, Подсосенье и других Хотимского стана. Пустошь Подсосенье к этому времени стала с. Ильинским. И. И. Косагов заселил ее и построил здесь деревянную церковь в честь святого Ильи. О связях И. И. Косагова с тестем царя Ильей Даниловичем Милославским сведений не сохранилось, но Милославские были соседями Косаговых (боярин И. М. Милославский в соседнем с. Львовском), а само с. Ильинское в Хотимском стане на речке Житовке за большие заслуги было пожаловано Г. И. Косагову из поместья в вотчину. Население в селе было многочисленное, по переписи 1678 г. 28 старинных деловых людей душ мужского пола (дмп). Были также иноземцы из Белоруссии и Малороссии. Часть людей была переведена сюда из купленной подмосковной вотчины Половки. В с. Ильинском в 10 крестьянских дворах проживало 52 дмп. Также в 25 дворах жили 49 взрослых бобылей и 76 детей и недорослей до 15 лет. Среди бобылей также много иноземцев – литвины, черкасы. Всего в главной усадьбе Ильинском было не менее 200 дмп [9, с. 182].

Вторая вотчина Косаговых – д. Ивановская, названная по имени И. И. Косагова. Здесь всего вместе с недорослями было 29 дмп, также много иноземцев. Небольшое поместье у Г. И. Косагова в 1678 г. было и в Подгородном стане Карачевского уезда – это починок в пустоши Веребниках. Здесь находились дворы вотчинника, приказчика и 3 двора бобылей, указано также имя женщины вдовы-бобылки с тремя малолетними детьми. Всего вместе с недорослями было 25 дмп [9, с. 183]. Видимо, молодых вдов-бобылек Григорий Косагов использовал «по прямому назначению» вплоть до своей смерти. В свое время Гавриле Добрынину рассказывали домочадцы Г. И. Косагова, что он умер от «любострастной болезни» [9, с. 184; 72, с. 562–604].

Скончался Г. И. Косагов в преклонном возрасте около 1705 г. Было ему к тому времени примерно 80 лет. Известен его портрет, написанный, видимо, в конце 1690-х гг. неизвестным художником (сохранилось описание этого портрета). С 1705 г. идут сведения об отказах поместий его сыну стольнику Ивану Григорьевичу

Косагову. Известна также дочь Г. И. Косагова Пелагея в замужестве Языкова. Был еще сын Петр от второго брака с некоей Агафьей Тихоновной (но о детях Петра сведений нет). И. Г. Косагов родился в конце 1670-х гг., когда его отцу, генералу Косагову, было более 50 лет и службу свою начал в юном возрасте стольником царицы Прасковьи Федоровны, а затем царским стольником, как и брат Петр [5, с. 209]. Сын И. Г. Косагова Иван Иванович – генерал-поручик, обер-комендант Санкт-Петербурга, умер в 1762 г. Последний представитель этой ветви рода Андрей Иванович Косагов родился примерно в 1739 г., умер в возрасте 33 лет в 1772 г. и известен не только тем, что его крестной матерью была будущая императрица Елизавета Петровна, но и своим любовным и гаремом, о чем писал видевший А. И. Косагова в 1772 г. за несколько месяцев до его смерти Г. И. Добрынин, который приезжал «в дом к помещику гвардии капитану Андрею Ивановичу Косагову, в роде своем последнему» [9, с. 185; 72, с. 562–604]. С его смертью эта ветвь рода Косаговых пресеклась. Род Косаговых (Касаговых) в XIX в. внесен в ч. VI родословной книги Владимирской губернии.

Список литературы

1. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Некоторые сведения о саратовских монастырях // Труды СУАК. Саратов : Типография губернского земства, 1890. Т. 3, вып. 1. С. 231–246.
2. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. / [Соч.] Ф. Ф. Чекалина; С рис. старого Саратова Олеария. Саратов : Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
3. *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Сарат. о-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. [2], 372, V с. С. 19–104.
4. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
5. *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник П. И. Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
6. *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
7. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов : Типография Союза печатного Дела, 1913. Вып. 30. С. 61–82.
8. *Алексеев В. П.* Первый карачевский генерал Григорий Косагов // Страницы истории Карачева : [Сборник / отв. ред. В. В. Крашенинников]. Брянск : б. и., 1996. С. 11–13.
9. *Алексеев В. П.* Брянские люди XVII века. Брянск : Издательство Фонда им. Святого благоверного князя Олега Брянского, 2021. 275 с.
10. *Рогожин А. А.* Думный дворянин генерал-поручик Г. И. Косагов // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 132–141.
11. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII века. Дополнение (Б, Г, Е, К–Я) / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. С. 255–430.
12. *Рогожин А. А.* Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2014. 219 с.
13. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (далее – МАМЮ) : в 21 кн. М. : Типография Имп. Моск. ун-та, 1901. Кн. 12. [9], 551, 76 с.
14. Выпись из писцовых книг кн. В. И. Голенина на митрополичьи села в волости Великой Слободе, Опалеве и Никитском станах Переяславского уезда. 1491–1492 гг. // Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. : в 3 ч. / отв. ред. С. В. Бахрушин ; подг. к печати Л. В. Черепнин (далее – АФЗХ). М. : Издательство Академии наук СССР, 1951. Ч. 1, № 22. С. 40–42.
15. Меновая грамота на деревню Ивакино, в Романовской волости. Переяславского уезда, вымененную по приказу митрополита Симона, его волостелем А. Г. Филипповым у К. А. Тутолмина на деревню Зубцово. 1509 г., августа // АФЗХ. Ч. 1, № 131. С. 121–122.
16. Разъезжая грамота митрополичьего владимирского наместника Ю. Г. Мануйлова на земли митрополичьего села Спасского, деревень Сменкова и Плеховиц, во Владимирском уезде, с землей сельца Владимирского митрополичьего Сновидского монастыря. 1517–1518 гг. // АФЗХ. Ч. 1, № 183. С. 166.
17. Разъезжая грамота митрополичьих дворецкого Ф. Ф. Сурмина и дьяка Л. И. Коншина, келаря Троице-Сергиева монастыря Алексея и строителя приписного к Троице-Сергиеву Благовещенского Киржачского монастыря Ионы Лопотухи на митрополичьи земли деревни Вередишиной и починка Лелекова, в Романовской волости, Переяславского уезда, с землями Благовещенского Киржачского монастыря деревень Шишкиной и починка Кузнецова. 1519, ноября // АФЗХ. Ч. 1, № 132. С. 122–123.
18. Разъезжая грамота митрополичьих бояр К. Ф. Богдана и И. Н. Моры Фоминых и митрополичьих дьяков Л. И. Коншина и Д. Карпова на митрополичью землю села Колпакова, поместья Ю. Мануйлова, с вотчиной С. В. Великого Фомина, сельца Степурино, Переяславского уезда. 1522 г., октября // АФЗХ. Ч. 1, № 119. С. 112–113.
19. Выпись из писцовых книг К. Г. Заболоцкого на митрополичьи владения в Опольском и Боголюбском станах, Владимирского уезда. 1498–1499 гг. // АФЗХ. Ч. 1, № 166. С. 149–153.
20. *Веселовский С. Б.* Ономастикон : древнерусские имена, прозвища, фамилии / под ред. В. И. Буганова и Б. В. Левшина. М. : Наука, 1966. 382 с.

21. Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлекранилище, 2011. 556 с.
22. Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / под ред. А. И. Яковлева. М. ; Л. : Издательство Акад. наук СССР, 1938. XVIII, 476 стб., 446 с.
23. Запись памяти казначею старцу Феодосию с запрещением отдавать на оброк поместье А. и И. Угримовых и И. Т. Косагова две чети с. Добрячева. 1593, июня 21 // АФЗХ. Ч. 3 / сост. Л. В. Черепнин. М. : Издательство АН СССР, 1961. № 15. С. 129.
24. Запись грамоты патриарха Иова в Юрьев Польский сыну боярскому Овдокиму Косагову об отделе Ивану Селезневу поместий в с. Богоявленском. 1595, сентября 12 // АФЗХ. Ч. 3, № 76. С. 151.
25. Запись о пожаловании патриархом Иовом своих детей боярских Овдокима и Ивана Петровых детей Косагова поместьем в с. Житкове, Владимирского уезда. 1599, мая 24 // АФЗХ. Ч. 3, № 198. С. 202.
26. Запись о пожаловании патриархом Иовом своего сына боярского Б. Т. Косагова поместьем в с. Житкове Владимирского уезда. 1599, мая 24 // АФЗХ. Ч. 3, № 197. С. 202.
27. Запись грамоты патриарха Иова во Владимир приказчику села Порецкого Н. Одуткину о производстве обыска в поместье сына боярского П. Юрова пустоши Калитеево о том, ведет ли на этой пустоши хозяйство сам помещик или отдает ее в наем крестьянам Волосова монастыря. 1597, ноября 24 // АФЗХ. Ч. 3, № 149. С. 177–178.
28. Запись грамоты патриарха Иова в Переславль-Залесский У. Т. Потапову об отделе Б. Косагову поместья в пустоши Марине, в Слободском стану Переславль-Залесского уезда. 1598, мая 3 // АФЗХ. Ч. 3, № 158. С. 186–187.
29. Дело по челобитью сына боярского И.И. Косагова о пожаловании его поместьем его дяди О. Косагова в сельце Добрячеве, Юрьев-Польского уезда, и в с. Михайлове Стороне, Суздальского уезда. 1615, августа 20 – октября 12 // АФЗХ. Ч. 3, № 271. С. 254–255.
30. Дело по челобитью сына боярского И.Р. Мануйлова о пожаловании его поместьем в с. Михайлове Стороне, Суздальского уезда, из земель, оставшихся «за раздачей» у княгини Мавры Сугорской и Овдокима Косагова. 1615, января 7–11 // АФЗХ. Ч. 3, № 262. С. 241–243
31. Жалованная грамота, ввозная и несудимая, патриарха Филарета своему сыну боярскому Михаилу Томилову на поместье княгини Мавры Сугорской и Овдокима Косагова, в с. Михайлове Стороне, Суздальского уезда. 1621, марта 27 // АФЗХ. Ч. 3, № 343. С. 327–328.
32. Запись грамоты Ионы, митрополита Сарского и Подонского в Юрьев Польский сыну боярскому С. Свинскому об отказе И. И. Косагову и Е. Косаговой хлеба, посеянного в поместье покойного О. Косагова, в с. Михайлове Стороне, Суздальского уезда 1616, мая 31 // АФЗХ. Ч. 3, № 284. С. 267.
33. Дело по челобитью вдовы кн. Ф. Сугорского Мавры о пожаловании ее поместьем ее покойного мужа в с. Михайлове Стороне Суздальского уезда. 1616, июня 25 – октября 9 // АФЗХ. Ч. 3, № 288. С. 271–273.
34. Запись грамоты царя Михаила Федоровича в Суздаль воеводе П. Г. Сабурову и дьяку В. Бормосову о разделе семян в с. Михайлове Стороне между кн. М. Сугорской и сыном боярским И. Косаговым. 1617, июня 26 // АФЗХ. Ч. 3, № 303. С. 297.
35. Жалованная грамота, ввозная и несудимая, патриарха Филарета вдове О. Косагова Олене на поместье ее мужа в с. Добрячеве Юрьев-Польского уезда. 1621, сентября 11 // АФЗХ. Ч. 3, № 352. С. 333–334.
36. Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалова // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1894. Т. 15. С. 1–209.
37. Дело о записи за ... Плещеевыми ... вотчины Ивана Афанасьева сына Плещеева... 1630, апрель – июль // Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг./авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. М. : Древлекранилище, 2010. № 5974-35. С. 135–138.
38. Дело о записи за Иваном Ивановым сыном Косогова (Косагова) по просроченной закладной кабале вотчины Марии Петровой дочери, вдовы Гура Меркулова сына Сибилева, с сыном Елизаром (выслуженной вотчины их мужа и отца) пустошей Попково и Подсосенки в Городском стане Карачевского уезда. 1647, марта 1–1648, февраля 10 // Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. № 6008-35. С. 1137–1138.
39. Горбатов Е. Н. «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Вып. 6. М. : Старая Басманная, 2019. С. 105–162.
40. Горбатов Е. Н. Жилецкий список 133 г. // Очерки феодальной России. М. ; СПб., 2016. Вып. 19. С. 300–363.
41. Боярская книга 1629 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. С. 63–254.
42. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов [Текст] : сборник документов [сост. Е. Н. Горбатов]. М. : Древлекранилище, 2015. 735, [1] с.
43. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 2 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
44. Записная книга Московского стола 7142 года // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 525–576.
45. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
46. Горбатов Е. Н. Подлинный боярский список 1637/38 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Вып. 5. М. : Старая Басманная, 2019. С. 41–113.
47. Разрядная книга 1637–38 годов / отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1983. 188 с.
48. Разрядная книга 1637/1638 г. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1974. С. 314–344.

49. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 6 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. С. 163–235.
50. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1639/40 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Вып. 7. М. : Старая Басманная, 2019. С. 194–268.
51. Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов, подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина; вступ. статья М. П. Лукичева; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Издательский центр Института российской истории РАН ; РГАДА, 1999. 268 с.
52. Записная книга Московского стола 7149 (1640/41) года // РИБ. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
53. Дело о записи за Григорием Ивановым сыном Косагова по данной старца Троице-Сергиева монастыря Александра Булатникова, Лаврентия Григорьева сына Булатникова и старицы Евникии Лошаковой приданой вотчины его жены Марфы Тимофеевой дочери Лошакова трети села Апраксина и дер. Киевниково в Нерехотском стане Кашинского уезда и дер. Любивоцево (Кременицы) в Рожаловском стане Угличского уезда. 1645, февраля 23 – марта 6 // Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. № 5994–32. С. 745.
54. Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории : в 8 вып. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
55. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
56. Записная книга Московского стола 7157 (1648/49) года // РИБ. Т. 10. С. 401–490.
57. Записная книга Московского стола 7155 (1646/47) года // РИБ. Т. 10. С. 301–399.
58. Челобитная Ефима Быкова о назначении его воеводой. 1649, до 16 марта // Акты Московского государства, изданные Академией Наук : в 3 т. / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659), № 388. С. 246.
59. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Казань : Ин-т истории АН Республики Татарстан, 2009. Т. 2. 463 с.
60. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667. М. : Цейхауз, 2006. 48 с. ил.
61. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин; подг. текста В. А. Кадик. М. : Издательский центр Института российской истории РАН ; РГАДА, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.
62. Веселовский С. Б. Сметные росписи государевым людям всех полков и перечневая выписка о сборе полуполтинных денег 171 года // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. Смесь. С. 1–59.
63. Рабинович Я. Н. Служилые люди по отечеству в левобережном Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 102–113. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-1-102-113>
64. Рабинович Я. Н. Служилые люди по прибору (стрельцы, пушкари, воротники) в левобережном Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 232–241. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-1-232-241>
65. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 608 с.
66. Запись шертная (в переводе) Калмыцких тайшей Дайчина и Мончака, данная пред Дьяком Иваном Гороховым, в том: чтобы выступить им с 11 июня для разорения Крымских улусов и действовать сообразно с пользою России. 1661, июня 8 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел : в 5 ч. Ч. 4. М. : В типографии Селивановского, 1826. № 21. С. 74.
67. Дополнения к Тому 3-му Дворцовых разрядов, издаваемых по Высочайшему повелению 2-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1854. 484 стб.
68. Преображенская П. С. Торговые связи Поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России : сборник статей памяти В. В. Устюгова / отв. ред. В. И. Шунков. М. : Наука, 1966. С. 328–333.
69. РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Книги и дела; Оп. 2. Реестр персидских грамот.
70. РГАДА. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 1. Книги и дела.
71. Акты о пребывании в Запорожье стряпчего Григория Косагова, посланного для действий вместе с Запорожскими и Донскими казаками против Крымских и Ногайских Татар; Письмо Григория Косагова к отцу своему, в котором просит не оставить жену и дочь его, по случаю тогдашних смут в Запорожье, ему не придется уже видеться с ними. 1663, ноябрь // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией : в 15 т. Т. 5 (1659–1665). СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1867. № 63–X. С. 146–147.
72. Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // Русская старина. 1871. Т. 3, № 5. § XXIII (Карачев). С. 562–604.

Поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 01.04.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 01.04.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 378–382
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

Научная статья
УДК [94:323.26/.27-058.14](470.44)|1905/1907|

Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Аннотация. В статье исследуется феномен революционного насилия, культивировавшийся и закрепившийся в массовом крестьянском сознании в начале XX в. Автор, опираясь на архивные источники, на примере Саратовской губернии исследует эволюцию и особенности эксцесса революционного насилия, проявившегося в крестьянском движении в 1905–1906 гг. Формулируется вывод о том, что синдром насилия в аграрном движении сформировался, как архетип массового революционизированного сознания крестьянских масс, проявляясь в их противоправных действиях. Эксцесс революционного насилия неизбежно приводил к маргинализации крестьянства, разрушая его сословные ценности и традиции.

Ключевые слова: революционное насилие, крестьянское движение, погромы, поджоги, подстрекатели

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov Province)

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Abstract. The article examines the phenomenon of revolutionary violence, cultivated and entrenched in the mass peasant consciousness at the beginning of the XX century. The author, relying on archival sources, explores the evolution and features of the excesses of revolutionary violence manifested in the peasant movement in 1905–1906 using the example of the Saratov province. The article concludes that the syndrome of violence in the agrarian movement has formed as an archetype of the mass revolutionized consciousness of the peasant masses, manifested in their illegal actions. The excess of revolutionary violence inevitably led to the marginalization of the peasantry, destroying its class values and traditions.

Keywords: revolutionary violence, peasant movement, pogroms, arson, instigators

For citation: Varfolomeev Yu. V. The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov Province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 378–382 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Крестьянские беспорядки, наиболее масштабно и угрожающе активизировавшиеся с 1902 г., а затем продолжавшиеся с разной степенью интенсивности и революционизации вплоть до 1917 г., охватили огромные территории Российской империи, в том числе и Поволжья. В научной литературе закрепилось и стало наи-

более распространенным обозначение данного явления как «крестьянское движение». Вместе с тем этот социально-криминальный феномен российской действительности начала XX в. получил еще одно название – «аграрное движение», впервые введенное в научный лексикон и широко использовавшееся в общественно-

политическом дискурсе в начале прошлого столетия. Аграрная направленность крестьянских выступлений в этот период наглядно прослеживается на примере принимаемых на общинных сходах «общественных приговоров» и последующих действий по захвату частновладельческих земель. «Наиболее распространенным явлением в это время становятся земельные споры с помещиками, уничтожение межевых знаков на границах владений, запахивание помещичьих земель» [1, с. 75].

Крестьянское движение с момента своего бурного пробуждения в начале прошлого века прошло определенную социально-правовую трансформацию и духовно-нравственную деградацию. Так, например, на рубеже XIX–XX вв., по данным саратовских судебных установлений, наиболее распространенными видами преступлений, совершаемых крестьянами, были сопротивление местным властям, представителям правоохранительных органов, лесной и рыболовной страже, отказ от выплаты выкупных платежей и земских сборов и др.

Но, пожалуй, наиболее опасный криминальный характер носили разбойные нападения на усадьбы землевладельцев, в ходе которых оттачивались практика и идеология погромного движения. Однако на этом этапе нападения крестьян на частновладельческие усадьбы носили чисто уголовную мотивацию – завладение чужим имуществом с применением вооруженного насилия. Ярким примером в данном случае может служить дело о крестьянах М. А. Кожевникове, Е. А. Павликове и других, обвиняемых в разбойном нападении на усадьбу землевладелицы Е. Д. Хотяинцевой в д. Ковалевке Ольгинской волости Балашовского уезда. В ночь на 8 февраля 1902 г. группа вооруженных крестьян в количестве 8 чел. напали на дом дворянки Хотяинцевой с целью грабежа. Им удалось даже проникнуть в одно из помещений дома, но ничего похитить они не успели, так как работник хозяйки А. Кузин стал звать на помощь. Произведя несколько выстрелов и увидев, что к дому бежит толпа крестьян из соседней деревни, грабители поспешили удалиться. На суде злоумышленники признались в том, что «они сговорились напасть с целью ограбления на усадьбу землевладелицы Хотяинцевой, которая, по их мнению, имеет у себя много денег» [2, л. 3 об.].

Следует согласиться с выводом Ж. А. Утилиева о том, что «начало XX века характеризовалось эскалацией деструктивных настроений в крестьянской среде, проявлявшихся в различного рода делинквентных поступках – оскорбление, сопротивление, а также нанесение побоев местной администрации и полиции; оскорбление членов суда и царствующих особ, отказ от исполнения судебных решений, а также выплаты выкупных платежей и земских сборов; незаконная рыбная ловля и порубка леса; богохульство

и пр. Все это свидетельствовало о падении нравов и уровня законопослушания в крестьянской среде, а также о росте нетерпимости и агрессивности по отношению к представителям царской власти» [3, с. 67]. Если в самом начале века крестьянские противоправные выступления носили в основном общеуголовный характер, то постепенно с течением времени они приобретали форму антипомещичьей и антиправительственной мотивации, сопровождавшейся эскалацией революционного насилия. Точкой невозврата в криминальном революционизировании массового сознания крестьянства стали 1905–1906 гг. – апогей обострения системного социально-политического кризиса в стране.

В научной литературе феномен революционного насилия изучается в различных аспектах – историческом, правовом, философском, психологическом, социальном и пр. В данном случае междисциплинарный подход к изучению этого явления имеет, безусловно, продуктивный и обоснованный характер. В онтологическом смысле парадигма революционного насилия представляет собой психосоциальную модель поведения личности, замешанную на страхе, агрессии и ниспровержении традиционных аксиологических конструкций, прежде всего, религиозно-духовных и моральных принципов. В этом смысле революционное насилие ставит своей целью разрушение государственно-правовых, общественно принятых и повседневно-бытовых иерархий в достижении отдельным человеком или определенной группой контроля и превосходства над жизнью и судьбами других людей, распоряжения их правами и собственностью, а затем и установление особой конфигурации власти, мимикрируемой под различные симулякры «справедливости» и «народовластия». Насилие как важнейшая доминанта формирования и прогрессирования революционизации общества сопровождало все общественно-политические процессы XX в. Причем «бациллы революционаризма действительно наполняют всю российскую историю» [4, с. 14], – справедливо констатирует В. П. Булдаков.

Для исследования феномена «революционное насилие», его природы и трансформации в сознании крестьянских масс необходимо обратиться к методологии когнитивной истории с целью выявления «психологических основ мотивации поведения индивида в прошлом на основе раскрытия информации исторических источников» [5, с. 19]. Именно это позволит установить «человеческую “психопатологию” революции» [4, с. 16]. Таким образом, по архивным источникам предстоит проследить психосоциальную динамику массовых настроений в крестьянской среде и выявить ключевые факторы зарождения и эволюции эксцессов революционного насилия.

Революционное насилие крестьянских масс, так же как и общеуголовное, носит, несомненно, криминальный характер, но в отличие от него оно

мотивировано и подстрекаемо радикальными идейными установками, транслируемыми эсерами и эсдеками, и воодушевленное грабительскими целями насильственного перераспределения помещичьей земли в свою пользу. В 1904 г. заметно активизировалась эсеровская агитация, традиционно призывавшая к кардинальному переделу земли в пользу крестьян и привлекаясь спекулировавшая на неудачах российской армии в непопулярной среди населения русско-японской войне.

Правда, поначалу правительство привлекало революционеров к судебной ответственности и за агитацию, и за пропаганду, и за распространение нелегальной литературы, и даже за принадлежность к радикальным партиям и тайным организациям по ст. 126 Уголовного Уложения, более «мягкой» по диспозиции, чем ст. 102. В 1904 г. Саратовской Судебной палатой и Саратовским окружным судом было рассмотрено 10 дел об антиправительственной пропаганде, а в 1905 г. их количество возросло более чем в 2 раза – судами было рассмотрено 23 дела агитаторов радикальных партий.

Как видно из материалов судебных процессов, крестьяне нередко сами распространяли запрещенную эсеровскую литературу. В середине июня 1904 г. в с. Татаново был замечен неизвестный молодой человек, проходивший по селу, и бросивший какие-то листки в переулке, а также за околицей. Местные крестьяне, ознакомившись с содержанием этих листков, убедились в их антиправительственном характере. Это были эсеровские листовки-воззвания «К деревенской бедноте». Через некоторое время по свидетельским показаниям был задержан крестьянин с. Тулиновки В. И. Бздникин, у которого при обыске нашли 147 экземпляров этого воззвания. В листовках, как значится в обвинительном акте, оспаривается и подвергается сомнению неприкосновенность прав Верховной Власти и дерзостно порицается установленный законами образ правления» [6, л. 2 об.]. Как выяснило следствие, Бздникин был агитатором-рецидивистом. До этого он уже дважды привлекался к дознанию: 4 января 1904 г. по обвинению в распространении революционных воззваний (дело было прекращено 13 августа 1904 г.) и 15 июня того же года по обвинению в распространении противоправительственных изданий. Получается так, что, уже находясь под следствием, он продолжал свою преступную деятельность благодаря тому, что на тот момент не содержался под стражей.

В марте 1905 г. в Саратовской Судебной палате рассматривалось дело учащихся Московских педагогических курсов сестер Анны и Евгении Соустиных, обвиняемых по ст. 128 Уголовного Уложения за хранение и распространение революционных воззваний. В качестве вещественных доказательств их преступного деяния в деле фигурировали найденные у них в ходе

обыска различные запрещенные издания: брошюра «Листок Саратовского комитета партии эсеров», прокламации «О войне с Японией» и другие пропагандистские материалы. В эсеровском «Листке», в частности, безапелляционно утверждалось, что «народные массы не желают и проклинают войну». Заканчивалась эта прокламация призывом ко всем гражданам сплотиться вместе: «Общими усилиями можно сломить самодержавие. “Долой войну!”, “Долой самодержавие!”» [7, л. 97а].

Однако все обвинительные приговоры, как, например, по делу мещанина Петровска Г. Е. Дронина, выносимые судами по данному виду преступлений, совершенных до 30 июля 1904 г., заканчивались стандартной формулировкой: «Наказанию не подвергать за силою 1 п. XIX ст. Всемиловейшего Манифеста от 11 августа 1904 г.» [8, л. 44], принимая во внимание то обстоятельство, что вменяемые в вину преступления совершены до дня рождения наследника российского престола Алексея Николаевича. Царские власти, несмотря на особо опасный характер и широкое распространение антиправительственной пропаганды, все-таки освобождали от ответственности большое количество революционных агитаторов, руководствуясь гуманными соображениями и традицией прощения преступников по случаю великих праздников, каковым для венценосной четы стало рождение долгожданного наследника. Этот акт милосердия революционеры расценили, с одной стороны, как гарантию своей безнаказанности и правоты, а с другой, как слабость власти и поэтому с еще большим усердием продолжали свое леворадикальное дело.

Массированная и дерзкая антиправительственная агитация дала свои плоды: с весны 1905 г. Юг России, Черноземье и Поволжье захлестнула мощная волна аграрных беспорядков. В обстановке необузданной крестьянской охлократии просматривалась и повышенная активность деятелей революционных партий – эсеров и социал-демократов. Крестьянские беспорядки в Саратовской губернии активизировались осенью 1905 г. Погромы носили отчаянный и беспощадный характер, а их сценарий, как правило, был один и тот же. Сначала группой подстрекателей и организаторов формулировались мотив и цель погрома. Затем разгоряченную и не только лозунгами, но и нередко горячительными напитками толпу организаторы вели на частновладельческие усадьбы и экономии. Погром обязательно сопровождался разграблением имущества, а все захваченное, и, прежде всего, хлеб вывозили затем на десятках, а то и на сотнях подвод. Финальным аккордом разбойничьей драмы был поджог всех строений имения.

Последнее злодеяние крестьяне наделяли каким-то языческим смыслом. Очень хорошо

иллюстрирует логику преступных деяний крестьянский лозунг, откровенно транслируемый в те дни и адресованный в первую очередь жертвам погрома: «Земля и хлеб наши, – движимость ваша, постройки же нужны нам, и мы их принесем в жертву своим предкам, из которых вы пили кровь» [9]. В этой, на первый взгляд, абсурдной формуле как раз и скрыта природа человеческой агрессии и антропологические метаморфозы насилия, доказывающие то, что одним из архетипов революционаризма является жертвоприношение как акт возмездия-уничтожения собственности ненавистных «кровопийц»-эксплуататоров.

Эксцесс революционного насилия, начиная с 1905 г., стал неотъемлемым атрибутом всех крестьянских погромов. Из материалов судебных процессов «телетайпной лентой» можно привести свидетельства разгрома крестьянского погромного насилия: «...Толпа крестьян явилась в эту усадьбу и, ворвавшись в дом, частью расхитила, частью уничтожила все находившееся в доме имущество. <...> в этом разбойном скопище принимали участие 40 человек» [10, л. 2 об.], «...к дому подошла толпа человек в 150, которые начали все громить, переломали всю мебель и расхитили все имущество. <...> у грабителей было несколько ломов, которыми разбивали шкафы и другие предметы. Разломали двери, окна, печи. Сожгли дом» [10, л. 92 об.], и, наконец, важное признание одного из подсудимых: «Мы подписались все жечь!» [10, л. 86].

Между тем осенью 1905 г. во время крестьянских погромов впервые заявила о себе одна из крайних и массовых форм революционного насилия – вооруженное восстание, сопровождавшееся погромами частновладельческих усадеб и казенного имущества. 16 ноября 1905 г. Саратовской Судебной палатой рассматривалось дело жителей сел Голицыно, Ириновки и Тепловки Саратовского уезда А. В. Курко, У. Ф. Мясниковой и других в количестве 125 чел., обвинявшихся в вооруженном восстании [11, л. 3]. Началось это восстание днем 20 октября 1905 г., когда толпа крестьян человек 30–40 из с. Ириновки, вооруженная ружьями и револьверами, прошла по с. Голицыно с пением революционных песен и красным флагом, а затем остановилась на центральной площади перед земской школой. Здесь к толпе присоединились 3 неизвестных агитатора (приезжие) или, как их называли местные жители, – «ораторы», а также две учительницы А. В. Курко и У. Ф. Мясникова, вышедшие из школы. Именно эта пятерка, явно не крестьянского сословия, и стала во главе развернувшегося крестьянского восстания [11, л. 1].

Первым объектом в борьбе за свободу и против эксплуатации стала казенная винная лавка. Разграбив это заведение под угрозой применения оружия, толпа, предводительствуемая тремя неизвестными «ораторами» и двумя земскими

учительницами, направились в соседнее с. Тепловка, по дороге ограбив сборщика денежных средств казенных винных лавок и захватив у него табельное оружие. По ходу движения толпа ириновцев увеличивалась за счет жителей Голицыно, а затем и Тепловки. Первым разгрому толпы подверглось казенное имение по привычной схеме: разграбление, а затем поджог. Нескольких охранников имения, попытавшихся отстоять имущество, крестьяне обратили в бегство ружейными залпами. После пожара было ограблено почтовое отделение, а затем и местная казенная винная лавка. Ночью крестьянами были разграблены и сожжены поташный завод, пристань, мельница, мануфактурная лавка и усадьба саратовского мещанина В. Г. Суданкина, проживавшего в Тепловке. В последующие 3 дня вакханалия насилия продолжилась. Особенно пострадали казенное имение и казенная лесная дача, а земская учительница Мясникова, ворвавшись с револьвером в Тепловское волостное правление, потребовала выдать ей паспортные бланки. Только с прибытием войск 24 октября 1905 г. крестьянское восстание удалось подавить и задержать его вожаков и участников [11, л. 2 об.].

Обобщая образ погромного движения крестьянских масс 1905–1906 гг., исследователи выделяют ряд характерных признаков: «Крестьянские погромы имели ярко выраженный аграрный характер, так как основной и главной целью бунтовщиков был захват частновладельческих земель. <...> Подстрекателями и организаторами погромов, как правило, были представители радикальных партий – эсеров и социал-демократов <...> погромы, сопровождавшиеся популярными лозунгами о справедливом распределении земли и равенстве, носили, на самом деле, псевдоревolutionный, ярко выраженный общеуголовный характер <...> характерным признаком рассмотренных крестьянских погромов является высокая степень агрессии, беспощадность и бессмысленная жестокость» [12, с. 145].

Оригинальное объяснение идеологии и криминальной практике аграрного движения тех лет дал известный политический защитник, лидер «Молодой адвокатуры» Н. К. Муравьев. Он заявил, что крестьянские противоправные деяния «... это – до самого последнего времени единственный, хотя и беспорядочный язык масс. До сих пор в большинстве безмолвный, только, что учащийся говорить – лишь совершая преступления, рабочий народ заставляет себя услышать» [13, с. 105].

Таким образом, эксцесс революционного насилия стал обязательным атрибутом крестьянского движения 1905–1906 гг., проявляясь в своих крайних формах – грабежах, вооруженных нападениях, погромах и поджогах. В этом смысле эти виды крестьянской криминальности напрямую коррелируют с революционным терроризмом, и это вполне объяснимо. Ведь идеологи и в том

и в другом случае, как правило, одни и те же – эсеры. «Формами революционного насилия, подпадающими под широкую трактовку дефиниции “терроризм”, – подчеркивает А. А. Бакаев, – стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж» [14, с. 3].

Можно констатировать, что сформировавшийся в 1905–1906 гг. синдром насилия в аграрном движении представлял собой архетип массового революционизированного сознания крестьянских масс. Эксцесс революционного насилия являлся неотъемлемой чертой всех противоправных действий, совершавшихся под лозунгами радикальных партий, включая требования «справедливого» перераспределения земли. В итоге он неизбежно приводил к маргинализации крестьянства, разрушая его сословные ценности и традиции.

Список литературы

1. Варфоломеев Ю. В. «Картинка воскресшего крепостного права...» (по материалам «аграрных» судебных процессов начала XX века с участием лидера «Молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева) // Освободительное движение : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2007. Вып. 22. С. 75–82.
2. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 8 (Саратовский окружной суд). Оп. 1. Д. 255.
3. Утцулиев Ж. А. Эскалация деструктивных настроений в крестьянской среде накануне Первой русской революции (по материалам Саратовской Судебной палаты и окружного суда) // Базис. Научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 64–66.
4. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 2010. 965 с.
5. Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2015. № 2. С. 17–27.
7. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2491.
6. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2524.
8. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2497.
9. Аграрное движение в Аткарском уезде // Приволжский край. 1905. 8 окт.
10. ГАСО. Ф. 409 (Мясоедов Николай Николаевич). Оп. 2. Д. 203.
11. ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 337.
12. Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. Погромные «иллюминации» : особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 135–145.
13. Молодая адвокатура : сборник речей по политическим процессам. СПб. : Наука и жизнь, 1908. Вып. 1. 312 с.
14. Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 42 с.

Поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 383–390
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 383–390
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

Научная статья
УДК [94:323.26](470.44)|1921|+929

Идеология и практика антибольшевистской «Крестьянской войны» 1921 года в Саратовском Поволжье

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID Scopus: 0000-0001-7571-7645, AuthorID РИНЦ: 296863

Аннотация. Статья посвящена массовому сопротивлению крестьян Саратовского Поволжья в 1921 г. политике военного коммунизма большевистской власти. Оно приобрело вооруженный характер и сопровождалось как боевыми действиями стихийно сформированных отрядов, перемещавшихся по территории региона и занимавших определенные местности и населенные пункты, так и общим сопротивлением крестьян фактически каждого села мероприятиям продразверстки. Война носила жестокий характер, сопровождалась безграничным насилием и массовым уничтожением представителей противной стороны. Исследуются конкретные программные документы крестьянского сопротивления, выявляются их идеологические корни в эсеровских теоретических установках.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, крестьянская война, идеология крестьянского сопротивления, практика вооруженных столкновений, А. Антонов, К. Вакулин, Ф. Попов, М. Пятаков, А. Сапожков

Для цитирования: Герман А. А. Идеология и практика антибольшевистской «Крестьянской войны» 1921 года в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 383–390. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideology and practice of the anti-Bolshevik “Peasant War” of 1921 in the Saratov Volga region

A. A. German

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arkadiy A. German, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID Scopus : 0000-0001-7571-7645, AuthorID: 296863

Abstract. The article is devoted to the mass resistance of the peasants of the Saratov Volga region in 1921 to the policy of “war communism” of the Bolshevik government. It acquired an armed character and was accompanied both by the fighting of spontaneously formed detachments moving across the territory of the region and occupying certain localities and settlements, and by the general resistance of the peasants of virtually every village to the prodrazverstka measures. The war was brutal, accompanied by mass violence and the destruction of representatives of the opposing side. The author examines specific program documents of the peasant resistance, revealing their ideological roots in the Socialist-Revolutionary theoretical principles.

Keywords: Saratov Volga region, peasant war, ideology of peasant resistance, practice of armed clashes, A. Antonov, K. Vakulin, F. Popov, M. Pyatakov, A. Sapozhkov

For citation: German A. A. Ideology and practice of the anti-Bolshevik “Peasant War” of 1921 in the Saratov Volga region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 383–390 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-383-390>, EDN: UNNJRQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Победив своих политических противников в Гражданской войне и монопольно господствуя в жизни страны, большевики и в мирных условиях продолжали управлять обществом военными методами, считая их наиболее эффективными.

Принуждение как основной метод строительства нового общества признавался необходимым и единственно возможным. Российское крестьянство все настойчивее выражало нежелание мириться с удушавшей хозяйственную инициативу

экономической политикой большевиков. Они же расценивали военный коммунизм не только как сумму вынужденных войной чрезвычайных мер, но и как прорыв к созданию нетоварной, истинно социалистической экономики. В новых, мирных, условиях, говорили они, крестьянам следует исправно поставлять в город хлеб по подразверстке, а власть оперативно восстановит на этой основе разрушенную за годы лихолетья промышленность, вернет крестьянам долг – и тогда, «выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [1, с. 157].

В ответ один за другим в разных концах страны (Тамбовщина, Среднее Поволжье, Дон, Кубань, Западная Сибирь и др.) вспыхивают антибольшевистские восстания крестьян. Недовольство перебрасывается и в вооруженные силы. В марте 1921 г. происходит Кронштадтское восстание моряков. В городах нарастает волна массовых забастовок и демонстраций рабочих. В стране возникает серьезный политический кризис.

О различных аспектах крестьянской войны в Саратовском Поволжье в разное время писали исследователи М. Левинсон [2, с. 97], Р. Таубин [3], С. А. Есиков и Л. Г. Протасов [4], В. П. Данилов [5, 6], А. В. Посадский [7], А. А. Герман [8–10], Д. Рейли (США) [11], А. В. Гончаров и В. Н. Данилов [12], В. В. Кондрашин [13, 14]. Новые документы, обнаруженные в архивных фондах, позволяют расширить и уточнить наши представления о крестьянской войне в Саратовском Поволжье.

* * *

В Саратовском Поволжье низкий урожай 1920 г., новые попытки силой реквизировать зерно у крестьян и ухудшающаяся в целом экономическая ситуация вызвали повсеместное недовольство в селах, особенно когда тысячи красноармейцев – крестьян вернулись домой, к своим семьям. В Саратовской и Самарской губерниях появились вооруженные крестьянские отряды или, как их называли большевики, «банды» [11, с. 167]. Постепенно в Саратовском Поволжье, как и во многих других регионах страны, разразилась настоящая крестьянская война.

Первое известие о появлении крестьянских отрядов в пределах Саратовского Поволжья относится к середине лета 1920 г. Небольшие группы атамана Александра Антонова (бывшего советского продкомиссара) из Тамбовской губернии перебираются в Балашовский и Сердобский уезды. Саратовские власти оказались перед серьезной опасностью. В. И. Ленин в то время отмечал, что эта «контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые» [15, с. 24]. Серьезность положения подтверждалась появлением у восставших собственной идеологии. Для большевиков это

было опасно потому, что с началом агитации, образованием агитационных отделов при штабах повстанцев под их знамена стало прибывать большое количество крестьян, измученных военно-коммунистическими методами управления деревней.

Агитацией у восставших крестьян занимались в основном представители партии эсеров. Использовались сложившаяся противоречивая ситуация в обществе, недовольство крестьян политикой РКП (б) в деревне. Восстание в Саратовском Поволжье получило название «Восстание голодных крестьян Поволжья». Эсеры разработали программу крестьянского движения, которая нашла свое воплощение в многочисленных «декларациях», «воззваниях», «приказах».

11 марта 1921 г. Парижское радио сообщило о восстании в Саратове и образовании антибольшевистской Саратовской республики [16, л. 28]. Этот факт американский историк Д. Рейли счел неправдоподобным [11, с. 180], однако в то время крестьянские волнения реально охватили обширную территорию Саратовского Поволжья, а Саратов и другие города крестьянскими повстанцами были фактически блокированы [7, с. 341].

При анализе содержания программных и агитационных документов, которыми пользовались лидеры восставших против большевиков крестьян, бросается в глаза их содержательная близость, что подтверждает вывод об эсерах как единичных идейных руководителях и организаторах крестьянских восстаний. Приведем фрагменты из воззвания «Революционного штаба и командующего восставшими голодными крестьянами Поволжья» Михаила Пятакова: «Признавая за коммунизмом великое будущее, идеи его священными, новая революционная власть ни в коем случае не имеет в виду силу штыка противопоставить этой идее, а борется с насильниками – комиссарами, спекулировавшими на знамени коммунизма, а также не принимает и борется с принудительной государственной коммуной, считая, что увлечение всякого рода идеями право всякого человека, и меньшинство не имеет право навязывать большинству народа свою волю...». Далее «Революционный штаб и командующий» заявляли, что будут бороться со всякими попытками справа и слева навязывать власть народу, «которая должна быть только избранная по принципу всеобщего избирательного права...» [9, с. 97].

Из этого фрагмента явствует, что идеологи крестьянского восстания выступали не против Советской власти, а против политики военного коммунизма, которую проводили большевики в 1918–1920 гг.

В том же духе агитировали и другие вожаки крестьянских повстанцев в Саратовском Поволжье, в частности, Кирилл Вакулин и его преемник Федор Попов. Они провозглашали «Советскую власть без коммунистов». Известный

руководитель тамбовских восставших крестьян А. Антонов, повстанцы которого действовали и на территории Саратовской губернии, ратовал за Учредительное собрание, а про Советскую власть не упоминал вообще. Он призывал к патриотизму и очищению России от ига большевизма, обращаясь в основном к красноармейцам. Как видим, в отличие от других вожаков крестьянского восстания, идейные установки А. Антонова несли в себе и некоторые элементы программы партии кадетов.

К. Вакулин в своих воззваниях заявлял, что он не против Советской власти, но против комиссаров и коммунистов: «Я такой же, как и вы, рядовой крестьянин; всю гражданскую войну сражался на красных фронтах против буржуазии, для меня дороги завоевания великой нашей Революции» [3, с. 97]. К. Вакулин сравнивал власть большевиков с прежним царским режимом: «...Мало того, что у ваших семей отобрали хлеб и скот, насильники додумались даже до того, что отбирали постель, чашки и ложки, это такое издевательство, до которого не додумались даже опытные в том деле жандармы Николая Кровавого». Свои отряды он называл «освободителями, которые несут правду и освобождение трудовому народу» [17, л. 7].

Ф. Попов особое внимание уделял печатной агитации. Захватив Хвалынский, он успел отпечатать в местной эсеровской типографии множество различных воззваний. Как только Ф. Попов со своими отрядами взял Хвалынский, он тут же издал приказ, который обязаны были выполнять все жители города. Приведем фрагменты этого интереснейшего документа: «Обращаюсь к гражданам города Хвалынска, что я иду только против насилия комиссаров-коммунистов и даю освобождение русскому народу.

Приказываю.

1. Всем учреждениям с 9 часов утра приступить к работе, которая будет контролироваться восставшими войсками и всякий саботаж будет пресекаться.

2. Никакие обыски и аресты не должны производиться без особого на то разрешения моего, или следственной комиссии восставшего отряда.

3. Хождение по улицам разрешается только до 12 часов ночи, после чего пойманные будут арестованы.

4. Все вещи, которые были конфискованы коммунистами для нужд Советских учреждений, будут возвращены обратно их хозяевам, но никакие самочинные изъятия из учреждений — не допускаются.

5. Выезда, до особого на то распоряжения — из города не допускается» [17, л. 18].

Из документа видно, что беспорядков и анархии восставшими не допускалось. Было даже введено, как бы мы сейчас сказали, чрезвычайное положение: комендантский час и ограничение передвижения горожан.

Очень многие документы Ф. Попова имели подпись: «Агитационный отдел». Одно из таких обращений, адресованное коммунистам, гласит: «Уйдите от власти! Ваш союзник — Азия. Вы, отчаявшиеся, озлобленные против Европы, которая не захотела признать вашей диктатуры, бросились искать друзей в Азии. Будируя Восток, вы звали оттуда на борьбу с Европейской культурой азиатчину» [17, л. 18].

Ф. Попов устанавливает власть «Революционного военного совета пяти». Такие новые органы власти в созданных большевиками продовольственных районах должны были состоять только из 5 чел. — одного председателя и 4-х членов. Секретари могли быть лицами приглашенными, члены комитетов избирались общим собранием «союза трудового крестьянства». Существовали еще волостные и сельские комитеты, состоявшие из трех лиц, при которых организовывались вооруженные отряды «внутренней охраны». Количество вооруженных людей ограничивалось: при районных комитетах должно было состоять 10 чел., при волостных — 5 чел. и сельских — 2 чел. Обязанности этих новых органов власти строго регламентировались. Они должны были держать тесную связь между собой, следить за порядком, предотвращать провокации и шпионаж [17, л. 13].

В программе Ф. Попова новая система власти обосновывалась следующим образом: «Бюрократически-коммунистический аппарат власти, создавший армию новых бюрократов — комиссаров, которые кроме вреда ничего не приносят, — такая власть отныне заменяется простым, подходящим к самобытности русского народа аппаратом Совета Пяти и Совета Трех, избираемым на общих собраниях, и вся власть на местах переходит к этим Советам и никаким ограничениям не подлежит» [2, с. 95].

Программа также провозглашала свободу действий всех российских политических партий, за исключением монархистов-черносотенцев, однако в ней отмечалось, что «их деятельность ограничивается политико-парламентарной областью и посягательство партий на захват государственной власти будет считаться узурпацией и пресекаться самым беспощадным образом» [2, с. 95].

Можно утверждать, что программа, содержащая отмеченные выше положения, была более чем демократической для России того времени. Несомненно, привлекательной, особенно для крестьянства, являлась экономическая ее часть: «... Разорённая трехлетним владычеством комиссаров-коммунистов, Россия нуждается в интенсивном экономическом исправлении, а посему новая революционная власть объявляет свободную торговлю, как переходную степень к социалистической кооперации, и отменяет всякого рода государственную монополию на жизненные продукты и фабрикаты. < ...>

Признавая мелкую частную собственность в земельной и фабрично-заводской областях, новая власть будет бороться с крупным капитализмом, допуская концентрацию капитала и земель только в руках артельных и кооперативных организаций» [2, с. 98].

В национальной политике программы Ф. Попова содержалось признание в качестве основополагающего принципа «самоопределения народностей и областей». Особого внимания заслуживает внешнеполитический раздел программы: «... Одним из величайших преступлений коммунистической власти стал отказ работать с демократией России, Европы и Америки, следствием чего были блокада и бойкот России, и её экономический упадок. Новая революционная власть ставит своей ближайшей задачей завязать самые близкие отношения с упомянутыми демократическими объединениями через своих представителей – социалистов, которых коммунистическая власть, по примеру Николая Кровавого, изгнала из своей Родины, и участие которых в строительстве России новая власть считает необходимым» [2, с. 98].

Анализ программы Ф. Попова позволяет сделать вывод, что это программа «социализма с человеческим лицом», выражаясь современным языком, и она похожа на ту, которую чуть позже был вынужден выдвинуть вождем большевиков В. И. Ленин. Речь идет о программе новой экономической политики (нэп).

Важно отметить, что программа Ф. Попова являлась программой-минимум всех объединенных сил антибольшевистской направленности, или сил «контрреволюции», поскольку, начиная от эсеров и заканчивая представителями крупной буржуазии (которым, однако, нет места в обновленной России, судя по вышеупомянутой программе), все отлично могли сойтись на платформе восстановления свободы торговли и отстранения коммунистов от власти. Эта программа фактически представляла собой основу нормального функционирования любого общества, а главное – за ней шла большая часть крестьянства, уставшая от Гражданской войны, недовольная разверсткой, стеснением свободы своей хозяйственной деятельности. Выступления против большевистской гегемонии были стихийным проявлением этого недовольства, что своевременно поняли и учли В. И. Ленин и его сторонники на X съезде РКП (б).

Агитационные органы восставших крестьян не только «выпускали в свет» листовки и воззвания, не только публиковали свои политические программы, но и издавали газеты. Так, например, К. Вакулиным в Усть-Медведицком округе Области Войска Донского выпускалась газета «Вольный гражданин». Это был печатный орган временной революционной Пятёрки Усть-Медведицкого округа. В ней населению разъяснялась

позиция восставших, их идеи и т. д. Умелыми агитаторами даже сочинялись и печатались стихи, посвященные «правому делу» повстанцев [18, л. 3–12].

Не забыли также повстанческие лидеры и русскую интеллигенцию, которая не была еще окончательно уничтожена большевиками. Они обращались к ней с призывом поддержать их власть, «оказать помощь в строительстве разорённой комиссарами и коммунистами республики» [17, л. 25].

В самом Саратове повстанцы через подпольные эсеровские организации пытались создать свой нелегальный центр, тайно распространяли свою литературу, подготавливая и зондируя почву для будущего открытого выступления. По словам эсера Л. Дашевского, Саратов должен был стать центром восстания в Поволжье [19, л. 28]. Там было сильно военно-эсеровское подполье, однако его работа в значительной мере парализовалась успешными действиями органов ЧК. Превратить Саратов в центр восстания против большевистской власти в этом регионе не удалось, что послужило одной из существенных причин разрозненности и последующего поражения крестьянских восстаний.

* * *

Рассмотрим действия крестьянских повстанческих отрядов. Первым отрядом повстанцев, оказавшимся на территории Саратовского Поволжья, стал отряд А. Сапожкова – сына самарского крестьянина, некоторое время состоявшего в партии левых эсеров. Затем он становится членом ВКП (б) и в 1918 г. – председателем Новоузенского Совета. В рядах Красной Армии дослужился до начальника дивизии. 13 июля 1920 г. бывший начальник дивизии Красной Армии начал восстание против коммунистов в Бузулуке. Два месяца его отряд совершал рейды по Заволжью и прилегающим районам Урала. В конце июля 1920 г. отряд А. Сапожкова насчитывал 1000–1200 чел. [2, с. 173] и представлял собой серьезную военную силу.

С лозунгами «Долой хлебную монополию», «Долой комиссаров», «Долой лжекоммунистов» А. Сапожков появился в Новоузенском уезде, где его поддержали крестьяне. Войска Новоузенского гарнизона отступили под артиллерийским огнем сапожковцев.

И все же в сентябре 1920 г. части Красной Армии разгромили А. Сапожкова. Остатки его армии были взяты в плен либо уничтожены. Большевики в документах того периода прямо указывали на то, что была опасность «полного коммунистического низложения» Новоузенского уезда сапожковскими лозунгами и действиями [20, л. 26]. Поход А. Сапожкова в Саратовское Заволжье сказался на продовольственных заготовках, временно прекратили работу волостные и сельские советы.

После разгрома армии А. Сапожкова угроза крестьянских выступлений не миновала. «Сложилась крайне тяжёлая ситуация в связи с налётом Антоновских банд», – говорилось в секретном донесении, направленном в Саратовский губком РКП из Балашова [17, л. 16]. Но это были не банды, это были вооружённые отряды, перед которыми стояла чёткая задача – свергнуть власть большевиков, вернуть крестьянам изъятый у них продотрядами хлеб. Превратив Тамбовскую губернию в свою базу, в плацдарм для будущих походов «против красных палачей», 5 октября 1920 г. А. Антонов вторгся в Саратовскую губернию. Вторжению подверглись, как уже отмечалось, Балашовский и Сердобский уезды. Это событие стало грозным предупреждением Саратовским властям! Если вторжения небольших отрядов А. Сапожкова большевики не восприняли всерьёз и за это поплатились, то ответом на новые события в губернии явилось создание большевиками специального органа. Губком организовал при командующем Саратовской группой войск, действовавших против А. Антонова, реввоенсовет (тройку), ввел в него члена Губкома В. Лиде и председателя Губчека Н. Ермилова. Председателем Президиума реввоенсовета стал А. Моторин. 4 января 1921 г. на заседании Чрезвычайного секретного заседания Президиума Губисполкома был создан Штаб управления реввоенсовета, находившийся в Саратове на улице Царицынской (ныне – улица Первомайская) в доме № 6 [19, л. 2]. Реввоенсовету было дано задание «правильно определить сущность Антоновщины как политического явления», организовать военный разгром А. Антонова, предохранить партийный аппарат в Балашовском и Сердобском уездах «от разложения». Последнее было актуально, так как очень многие коммунисты в условиях создавшейся обстановки начали выходить из рядов РКП (б). Для этого уместно привести такой яркий пример, как выход из рядов РКП (б) 15 железнодорожников. В волостях, затронутых военными действиями, выход из партии составил от 5 до 10 чел. из каждой организации [16, л. 17]. Это были уже основания для того, чтобы саратовские большевики «схватились за голову». Однако А. Антонов, уничтожив 23 коммуниста, неожиданно скрылся. Его армия, насчитывавшая уже 9000 чел., вновь появилась в Саратовском Поволжье в январе 1921 г. [21, с. 89]. Действия А. Антонова (убийства продработников, коммунистов и членов их семей) заставили уйти в подполье местные партийные организации.

Большевики характеризовали действия антоновской армии как акции белогвардейцев и даже утверждали, что А. Антонов имеет связь с П. Врангелем [16, л. 17]. Однако совершенно очевидно, что А. Антонов и другие вожди крестьянского восстания были связаны с подпольными эсерскими организациями, которые

сохранились и действовали в сельской местности, несмотря на преследования большевиков.

Вполне возможно, что партия эсеров прямо не участвовала в организации этого крестьянского мятежа, но отдельные ее представители делали это весьма охотно. Так, например, в Трескинской, Камышинской и Курдюмской волостях восстанием, теперь уже местных крестьян, руководил некий Иван Егорович Ишин, член партии социалистов-революционеров, с 1905 г. сидевший в царских тюрьмах, по слухам чуть ли не «правая рука» самого А. Антонова [22, л. 6]. Эсеры помогали А. Антонову, передавая ему списки коммунистов и красноармейцев, проживавших в сельской местности. Призывы и агитация проводилась и подготавливалась так же, именно эсерами. В каждом селе А. Антонов выступал перед крестьянами, он обращался к сельскому сходу с призывами покончить с Советской властью и восстановить Учредительное Собрание.

Во всех деревнях и селах, через которые проходили антоновцы, все, кто был хоть как-то связан с продразверсткой, расстреливались, общественные амбары разбивались, и, к великой радости изголодавшихся крестьян, хлеб раздавался всем желающим. Сельские советы заменялись «пятерками». Пройдя Балашовский уезд, А. Антонов направился в Сердобский уезд. Он находился там с 6 по 12 марта 1921 г. и действовал по старой схеме так же, как и в Балашовском уезде. Всего рейд А. Антонова захватил 15 волостей [23, л. 51].

В январе 1921 г. в Саратовском Поволжье появились повстанческие отряды Кирилла Вакулина. С 1918 г. К. Вакулин – красный командир, участник Гражданской войны, бывший коммунист. 20 декабря 1920 г. караульный батальон, дислоцированный в Усть-Медведицком округе, поднял восстание против большевиков. Руководил этим мятежом командир этого батальона К. Вакулин. Сами коммунисты были ошеломлены. Истинных причин они не знали, но пытались принизить роль К. Вакулина, объявляли крестьянского лидера сумасшедшим, объясняли, что его на такой «гнусный» (в их понимании) шаг заставил пойти сифилис последней стадии и невращения на почве этой ужасной болезни [23, л. 103].

В январе повстанческие формирования из Усть-Медведицкого округа во главе с «командующим восставшими войсками» К. Вакулиным осуществили свой первый рейд – преимущественно по территории области немцев Поволжья. Этот поход носил большей частью разведывательный характер. Изучалось настроение крестьянства, обострялось путем агитации его недовольство, подбирались и готовились будущие руководители повстанческого движения в селах, создавались тайники и склады оружия. Одновременно разоружались и разгонялись продотряды [9, с. 96].

Как А. Антонов и А. Сапожков, К. Вакулин, словно Робин Гуд, раздавал хлеб голодным и малоимущим. Население радостно встречало К. Вакулина и его бойцов. Из источников можно узнать, что примерно 50% населения сочувственно относилось ко всем его действиям. Вернувшись в Усть-Медведицкий округ, К. Вакулин далее направился в сторону Камышина, где его отряды быстрыми темпами стали пополняться сочувствующими казаками и добровольно переходившими на его сторону бойцами противостоявших ему мелких частей Красной Армии. В феврале его войска захватили Камышин [9, с. 96; 17, л. 105]. Расправляясь с коммунистами и советскими работниками, К. Вакулин выдвигал лозунги, которые требовали многопартийной системы и введения свободной торговли. Своими действиями он спровоцировал крестьянские выступления в большинстве уездов Саратовской губернии, под его влиянием среди местных крестьян стали формироваться отряды, которые присоединялись к нему и действовали вместе с ним. Не известно, чем бы завершилась деятельность К. Вакулина, если бы в его судьбу не вмешался случай. В феврале 1921 г. он погиб в одном из боев на юго-востоке автономной области немцев Поволжья [2, с. 97].

На смену К. Вакулину пришли сразу несколько лидеров. Один из них, уже упоминавшийся Ф. Попов, действовал на севере Саратовского Поволжья и сумел захватить Хвалынский. Это произошло 18 марта 1921 г. [23, л. 59]. При наступлении Ф. Попова на Хвалынский большевики не создали организованную оборону, серьезного сопротивления ему не оказали. Когда восставшие вошли в город, то отряд особого назначения, состоявший из местных коммунистов, просто разбежался. Охранная рота вообще была взята в плен прямо в своих казармах. Власти сбежали из города. Как говорится в одном из докладов о положении дел в то время, «перед боем, власти одни, без отряда выехали из города, не захватив с собой что-нибудь ценное (было брошено в банке 100 млн. рублей). Отъехав на 25 верст от Хвалынского, они дали распоряжение по всему уезду эвакуироваться, чем подложили большую свинью и Кузнецку» [17, л. 59].

Напуганных представителей Советской власти, однако, удалось вернуть обратно. По словам очевидцев, над таким поступком посмеивались даже местные крестьяне [24, л. 71]. Подобные действия не были редкостью там, где власть коммунистов была не особенно крепкой. При подходе повстанческих полков партийное руководство предпочитало избегать столкновений и старалось поспешно ретироваться чаще всего в Саратов или вообще в другие губернии, бросая и вверенных им людей, и имущество.

В результате побега руководства из Хвалынского вся северная часть Кузнецкого уезда оказалась открытой. Были брошены ссыльные пункты

и произошло изъятие местными крестьянами свыше 30 тыс. пудов зерна. В г. Кузнецке было введено осадное положение. Если бы Ф. Попов решил идти на Кузнецк, то он мог бы взять его без всякого труда. Сил у кузнецких коммунистов не было. Около 200 чел., плохо вооруженных, не имели ни одного пулемета, а соседние города в помощи отказали. Однако Кузнецку повезло. Он не стал объектом нападения, выстоял благодаря еще и гибкой политике местных большевиков. Созданный в городе Ревком за 3 дня распределил между крестьянами семена, что произвело очень благоприятное впечатление на сельских жителей уезда. В это же самое время было объявлено постановление X съезда РКП (б) о введении вместо продразверстки натурального налога [24, л. 66].

Из захваченного Хвалынского Ф. Попов направился в Петровский уезд. Движение Попова по территории Саратовской губернии сопровождалось расправами с коммунистами и представителями их власти. Все это происходило при активном участии крестьянского населения [24, л. 71]. Они выдавали семьи коммунистов и их самих на расправу поповцам. Расстрелу подвергались как большевики, так и сочувствовавшие им беспартийные. Их имущество тут же делилось между повстанцами и местными крестьянами. Также имел место разгром совхозов, увод племенных лошадей, изъятие зерна из общественных амбаров и раздача крестьянам семенного фонда. Партийно-советский аппарат большевистской власти на местах был полностью уничтожен. Авторитетом пользовались новые органы власти, созданные Поповым. Даже после разгрома поповских отрядов там еще долго, хотя и частично, существовали выбранные поповские «опертроечки» [23, л. 16].

После известия о решениях X съезда РКП (б) в Москве наметилась некоторая перемена в настроении населения. По сведениям большевиков, крестьяне стали более отрицательно относиться к действиям Ф. Попова, видя в них разорение, прежде всего их хозяйств. Вскоре Ф. Попов был тяжело ранен в одном из боев и умер. Его некогда сильная повстанческая группировка распалась на несколько мелких групп, которые довольно быстро потеряли свою политическую окраску и скатились к уголовщине, занимаясь грабежом и насилием.

В марте того же 1921 г. в Поволжье появился «новый наёмник капитала» (как говорили о нем коммунисты) – командир нескольких крупных повстанческих отрядов, бывший райпродкомиссар Михаил Пятаков [23, л. 103] – еще один преемник убитого К. Вакулина. Он стал «командующим восставшими голодными крестьянами Поволжья» и свои акции осуществлял, главным образом, в Левобережье. Крупной боевой операцией, проведенной им, стало взятие немецкого поселения Ровное (Зельман) – уездного центра области немцев Поволжья [8, с. 8–16].

В начале марта часть повстанцев, тайно перейдя через замерзшую Волгу, расположилась в селах Иловатской волости, что в нескольких десятках километров южнее Ровного. Другая часть сосредоточилась в селах Золотовской волости – на правом берегу Волги напротив Ровного. При поддержке местных крестьян в ночь с 16 на 17 марта повстанцы скрытно подошли к Ровному и с утра напали на село. Нападение стало полной неожиданностью. Караульная рота и конный отряд милиционеров – единственные воинские подразделения большевиков, располагавшиеся в городе, застигнутые врасплох, – серьезного сопротивления повстанцам оказать не смогли.

Поселок был захвачен менее чем за час. И сразу же началась охота за коммунистами, их семьями, советскими, профсоюзными, комсомольскими работниками, красноармейцами и милиционерами. В течение нескольких первых дней после захвата города пятаковцами, таким образом, было уничтожено около 100 чел., причем в расправах принимала участие и определенная часть местного населения.

М. Пятаков, по данным большевиков, «разграбил» 900 тыс. пудов хлеба [22, л. 103]. В дальнейшем под контроль повстанческих отрядов М. Пятакова и поддерживавших его местных крестьянских формирований перешла почти вся территория области немцев Поволжья, Покровского уезда, часть территории Пугачевского и Новоузенского уездов. Ликвидация крестьянских войск М. Пятакова проводилась с конца марта регулярными частями Красной Армии и продолжалась до конца апреля. Остатки пятаковцев рассыпались на мелкие группы, довольно быстро скатившиеся к бандитизму.

Кроме отмеченных выше, в Саратовском Поволжье оперировали отряды таких полевых командиров, как Еремеев, Рожков, Кузнецов, Серов, Барадулин, Сафонов, Сарафонкин и др. Однако территории их действия и активность были существенно меньше, чем у руководителей крестьянского сопротивления, охарактеризованных выше. На протяжении 1921 г. имели место также стихийные выступления и бунты крестьян некоторых сел как в Правобережье, так и в Заволжье. Все эти антибольшевистские выступления и действия были подавлены красноармейскими частями. Таким образом, в течение всего 1921 г. в Саратовском Поволжье велись боевые действия. Восстания в отдельных волостях то прекращались, то вспыхивали с новой силой.

Осень 1921 г. ознаменовалась новыми крупными столкновениями частей РККА и ВЧК с основными силами Антонова, отряды которого все еще находились в пределах Саратовской губернии. Избегая встреч с основными силами большевиков, антоновские части действовали в Балашовском уезде, занимая то одно село, то другое. Командовал Балашовским отрядом

«красных» коммунист А. Вишняков. Именно ему было поручено ликвидировать отряды антоновцев. Отряд насчитывал 200 штыков, а также имел хорошо слаженный разведывательный аппарат. Позже, в ходе пополнения отряда, он насчитывал уже 3 роты по 110 чел., 4 роты по 131 чел., 23 кавалериста, имелись также два пулемета [23, л. 109]. 5 октября началось преследование А. Антонова всеми вышеперечисленными силами. Проехав села Лядовка, Северки, красноармейцы остановились в с. Макарово. Проходя ранее эти села, А. Антонов сурово расправлялся с продработниками и коммунистами, нередко жестоко вел себя по отношению и к простым крестьянам, под угрозой расстрела заставляя их вступать в его отряд.

6 октября в Перевесенке разведчики «красных» встретились с разведкой А. Антонова. Характерно, что, желая скомпрометировать большевиков в глазах местного населения, антоновские разведчики имели на одежде красные банты и красноармейские значки на фуражках. Даже сами «истинные» красноармейцы вначале не поняли, с кем имеют дело, и просто растерялись. Однако после выяснения отношений, кто есть кто, начался бой за с. Перевесенка. Антоновцев в том бою участвовало довольно много – 250 всадников, у них имелось также 2 пулемета. Большевикам все же удалось вытеснить противника. Отступая на Турки, повстанцы повернули на Михайловку. Устроить «красным» засаду в Михайловке им не удалось. Потерпев очередное поражение и даже потеряв в бою знамя с надписью: «Да здравствует трудовой народ, долой большевизм и коммунизм», антоновцы отступили в Студенку, а затем в Нижнюю Родионовку. У А. Антонова было много раненых, которых он забирал с собой [25, л. 110]. Решительными ударами большевикам удалось вытеснить А. Антонова из Балашовского уезда, а чуть позже и с территории Саратовской губернии.

К этому времени в Саратовском Поволжье стали проявляться отдельные позитивные изменения в политике большевиков, связанные с переходом к нэпу. Отмена продразверстки и разрешение продажи «излишков» продуктов своего труда для сельских жителей способствовали их успокоению и налаживанию мирной жизни.

Однако Саратовское Поволжье уже входило в новые испытания: как следствие трехлетней политики продразверстки, быстро разрастался тотальный голод 1921–1923 гг. со всеми его тяжелейшими последствиями.

Список литературы

1. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. М. : Политиздат, 1970. С. 155–175.
2. Левинсон М. Контрреволюция в Саратовской губернии 1918–1921 // 1917 год в Саратове. Саратов : Изд. Обкома ВКП(б), 1927. С. 84–106.

3. Таубин Р. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 56–62.
4. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: Новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.
5. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. : документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
6. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / под ред. В. П. Данилова. Тамбов : Архивный отдел администрации Тамбовской области, 1994. 333 с.
7. Посадский А. В. Саратовское крестьянство в условиях гражданской войны // КЛИО. СПб., 1997. № 3. С. 20–25.
8. Герман А. А. Крестьянская война в области немцев Поволжья // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 3, ч. 2. Саратов : Научная книга, 1999. С. 12–27.
9. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. 2-е изд., испр. и доп. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
10. Герман А. А. Трансформация национальной идентичности поволжских немцев в 1918–1941 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 340–345. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345>
11. Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. / ред. кол. А. А. Герман [и др.]. Вып. 4. Саратов : Научная книга, 2000. С. 167–193.
12. Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовской Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов : Издательство Саратовского педагогического института, 2000. 219 с.
13. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М. : Янус-К, 2001. 542 с.
14. Кондрашин В. В. «Сильные» и «слабые» в крестьянских восстаниях 1918–1921 гг. (на материалах Поволжья) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Янус-К, 2000. С. 150–154.
15. Ленин В. И. X съезд РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. С. 1–127.
16. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27 [Саратовский губком ВКП (б)]. Оп. 2. Ед. хр. 313.
17. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 326.
18. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 328.
19. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 318.
20. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 801.
21. Посадский А. В. Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии на карте гражданской войны // Гротовские чтения – 2018 : материалы Всероссийской научной конференции (Самара, 15–16 ноября 2018 г.) / отв. ред. Н. М. Малкова. Самара : Арт-Лайт, 2019. С. 84–90.
22. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 317.
23. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 316.
24. ГАНИСО. Ф. 138 (Волжский райком КП РСФСР г. Саратова). Оп. 1. Ед. хр. 81.
25. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 327.

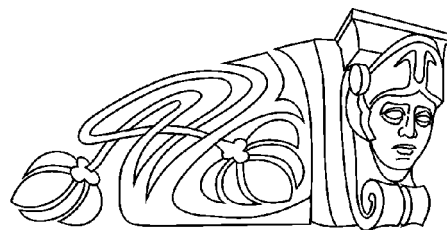
Поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 391–399
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 391–399
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-391-399>, EDN: VZBTFH

Научная статья
УДК [94:342.26](470.6)|1920/1940|

Калмыцкий национальный район и проблема выбора его административного центра

З. В. Акопян

Пятигорский государственный университет, Россия, 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

Акопян Завен Викторович, аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
zvakopyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>, AuthorID: 1183019

Аннотация. Настоящая статья посвящена образованию Калмыцкого национального района на Дону и проблеме определения его административного центра на рубеже 1920–1930-х гг. Автор, отмечая положительные явления, которые происходили в жизни донских калмыков в составе национального района (образование, сохранение национального самосознания), обращает внимание на искусственный характер создания этого национального района в условиях отсутствия компактного проживания донских калмыков. При его организации не учитывались интересы как русского населения, включенного в состав района, так и многих калмыков, которые предпочли еще до ликвидации национального района в 1944 г. переселиться в Калмыцкую автономную республику. Даже административный центр Калмыцкого района так и не приобрел национального облика.

Ключевые слова: Юг России, Донской регион, Сальский округ, Нижнее Поволжье, Калмыкия, казачество, национальный район, национальные меньшинства, станица, хутор

Для цитирования: Акопян З. В. Калмыцкий национальный район и проблема выбора его административного центра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 391–399. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-391-399>, EDN: VZBTFH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Kalmyk National District and the problem of choosing its administrative center

Z. V. Akopyan

Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Ave, Pyatigorsk 357532, Russia

Zaven V. Akopyan, zvakopyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>, AuthorID: 1183019

Abstract. This article is devoted to the formation of the Kalmyk National District on the Don and the problem of determining its administrative center at the turn of the 1920–1930s. The author, noting the positive phenomena that occurred in the life of the Don Kalmyks as part of the national district (education, preservation of national identity), draws attention to the artificial nature of the creation of this national district in the absence of compact residence of the Don Kalmyks. When organizing it, the interests of the Russian population included in the district, as well as many Kalmyks, who preferred to move to the Kalmyk Autonomous Republic even before the liquidation of the national district in 1944, were not taken into account. Even the administrative center of the Kalmyk district has not acquired a national appearance.

Keywords: South of Russia, Don region, Salsky district, Lower Volga region, Kalmykia, Cossacks, national district, national minorities, village, farm

For citation: Akopyan Z. V. Kalmyk National District and the problem of choosing its administrative center. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 391–399 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-391-399>, EDN: VZBTFH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процесс национально-территориального строительства на Юге России в 1920–1930-е гг. охватил не только горские народы, но и национальные меньшинства. Увеличению их представительства в органах власти должны были способствовать малые формы территориальной автономии – национальные районы,

создававшиеся в местах компактного проживания нацменьшинств.

История национального района калмыков Дона, кроме отдельных исследований (работы К. М. Максимова [1], П. Э. Алексеевой [2], Е. Ф. Кринко [3]), не привлекла к себе внимание историков. Тем более, была обойдена проблема

выбора административного центра Калмыцкого района.

Калмыки (самоназвание – хальмг) – народ, образовавшийся из разных племен монголов ойратской группы. На рубеже XVI–XVII вв. ойратские племена мигрировали в Северный Прикаспий и Нижнее Поволжье из восточных районов Центральной Азии. Кочевой народ выполнял важную роль в процессе укрепления позиций России на юге, в защите рубежей от крымских ханов и Порты. В 1771 г. большая часть калмыков ушла в Джунгарию.

Оставшиеся калмыки продолжали кочевать по просторам Прикаспия, Поволжья и Северного Кавказа. Перепись 1897 г. зафиксировала в Российской империи 190,6 тыс. калмыков [4]. На тот период они проживали в восьми улусах «Калмыцкой степи» Астраханской губернии (147 тыс. чел.), 13 станицах Сальского округа Области Войска Донского (31,5 тыс.), Большедербетовском улусе Ставропольской губернии (8,5 тыс.) и в восточных районах Терской области (ок. 4 тыс.) [5].

В результате Гражданской войны и голода начала 1920-х гг. численность калмыков значительно сократилась.

Национальное самоопределение российских калмыков в форме Калмыцкой автономной области (Калм. АО), с 1935 г. – автономной республики (АССР) дополнилось низовой автономией в соседнем Сальском округе бывшей Донской области. В 1928 г. в составе Сальского округа Северо-Кавказского края (СКК) был создан Калмыцкий национальный район.

После осуществления территориальных реформ на Юге России 1 июня 1924 г. решением Президиума ВЦИК была образована Юго-Восточная область, вскоре переименованная в Северо-Кавказский край (СКК). В списке его народов калмыки занимали 18-ю строчку – 11 976 чел. (9,3% от всего калмыцкого населения СССР) [6, с. 15, 107–118].

Создание на Юге России единого края знаменовало коренное изменение в конфигурации русских регионов, из которых было сформировано 14 округов. Так, на основе Донской области были созданы округа: Донецкий, Донской, Таганрогский, Шахтинско-Донецкий и Сальский (36,8 тыс. км²) с населением 471,9 тыс. чел. [7, с. 7].

К 1926 г. Сальский округ состоял из 1311 населенных пунктов, 125 сельсоветов и 10 районов: Белоглинского, Воронцово-Николаевского, Пролетарского, Зимовниковского, Романовского, Западно-Коннозаводческого, Цимлянского, Ремонтненского, Заветинского и Дубовского. В округе имелся один город – Сальск (6902 чел.), до 1926 г. называвшийся поселком Торговым [7, с. 12–13].

Калмыки, являясь старожилками в регионе, занимали 3-е место по численности населения

округа. В связи с голодом 1921–1922 гг. территориальными изменениями и особенно в связи с переселением в Калмыцкую АО численность донских калмыков сократилась в 3 раза. В 1928 г. в округе числилось 8400 калмыков. Они проживали в более ста населенных пунктах Сальского округа, преимущественно в Зимовниковском, Дубовском, Ремонтненском, Романовском, Западно-Коннозаводческом районах [1, с. 218–248, 485].

Партийно-государственная элита Калмыкии была заинтересована в увеличении удельного веса «титальной нации» в своей автономии за счет донских калмыков, имевших, по сравнению со своими соотечественниками из Нижнего Поволжья, более высокий образовательный уровень, опыт оседлой жизни и навыки земледелия. Кроме того, власти АО также стремились использовать переселение калмыков Дона для включения в состав своей автономии сопредельных районов Сальского округа. В этом они находили поддержку со стороны руководства Астраханской губернии, с 1928 г. – Нижне-Волжской области (края), куда входила автономия [8].

Весной 1928 г. Калмыцкий обком ВКП (б) отправил в Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б) (СК крайком) пространное письмо с обоснованием целесообразности переселения «оставшихся» в Сальском округе 9000 калмыков на «участок, называемый «Маньчский коридор», в размере 60 000 десятин, годных для занятия земледелием и скотоводством» [9, л. 28]. В документе отмечалось, что так как сальские калмыки занимаются, кроме скотоводства, полеводством, то возникает необходимость увеличения «Маньчского коридора» за счет земель Государственных Земельных Имуществ (ГЗИ), удобных для полеводства [9, л. 28–28 об.]. В случае присоединения новых земель, – отмечают авторы записки, – «на этой территории можно будет образовать отдельный район (улус) донских калмыков» [9, л. 28].

Руководители Сальского округа, не возражая против переселения калмыков в Калм. АО, категорически высказались против передачи части территории округа Нижне-Волжской области [3].

Центр нашел «компромиссный» вариант: отказать Калм. АО в присоединении части территории Сальского округа, но в пределах последнего создать национальный район для донских калмыков.

Можно предположить, что в Москве, исходя из внешнеполитических интересов (отношения с Внутренней и Внешней Монголией, строившей социализм «минуя буржуазную формацию», политические интересы в буддистском Тибете и в других странах, где проживали единоверцы калмыков), решено было максимально использовать «калмыцкую карту». В связи с этим отметим, что решение о создании национального района было принято не СКК, а Совнаркомом СССР в 1928 г.

[10, л. 4–37]. Почти одновременно с решением о создании Калмыцкого района Политбюро ЦК ВКП (б) 19 июля 1928 г. утвердило решение о посылке буддийской делегации в Тибет. В связи с предстоящей поездкой в Лхасу делегации советских буддистов помощник начальника Восточного отдела ОГПУ Х. С. Петросьян составил аналитическую записку «О буддийских районах», в которой отмечал, что «основные слои населения и ламства настроены против англичан» и констатировал изменения в отношениях Далай-ламы и большинства тибетского населения к СССР [11, с. 412].

В решении Центра, несомненно, присутствовали и внутривластные мотивы, особенно связанные с политикой раскулачивания и развертывавшейся коллективизацией. Калмыки в знак благодарности советской власти за предоставленные им особого территориального статуса должны были показать русским районам Сальской степи образец лояльности к партии и Советскому государству. Эта лояльность, а точнее преданность, должна была выражаться в готовности поддержать «социалистическое переустройство сельского хозяйства» в регионе, где в период Гражданской войны симпатии большинства населения были отнюдь не на стороне советской власти.

После принятого в Москве решения о необходимости создать нацрайон в крае развернулось обсуждение вопроса о целесообразности его создания. Крайком (первый секретарь А. А. Андреев) предложил Краевому национальному совету (Крайнацсовету) [12] рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с донскими калмыками. Крайнацсовет в своей записке, направленной в крайком, охарактеризовал позицию Сальского окружного исполкома, который, не возражая против переселения калмыков в АО, категорически выступал против создания национального района, мотивируя это «разбросанностью по округу калмыцкой народности». В документе Крайнацсовета за подписью Алиева подтверждалась целесообразность создания национального района для калмыков в составе округа [9, л. 29].

Сальский окружком ВКП (б) (секретарь Падэрин), получив указание от крайкома, согласился, естественно, вынужденно с идеей создания национального района и поручил партийной «фракции» в окружном исполкоме выступить с соответствующей «инициативой» в Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете (КИК). Крайисполком с 1929 по 1932 г. возглавлял И. Н. Пивоваров.

В отличие от других национальных районов, например, армянских районов на Дону и Кубани, где сельское население проживало компактно [13], в Сальском округе только в трех сельсоветах калмыки составляли значительное большинство (Граббевский, Кутейниковский, Стояновский). В других «смешанных» сельсоветах

калмыки по численности либо ненамного превосходили русское население (Батлаевский, Власовский, Старо-Беляевский), либо существенно уступали ему (Эркетинский, Ивановский). В этих сельсоветах насчитывалось 1227 калмыцких семей (7129 чел.). По числу жителей «чисто» калмыцкие станицы и хутора значительно уступали русским.

Сальский окрисполком (председатель Разоренов) для определения территории нацрайона и населенных пунктов, которые должны были войти в него, а также для изучения социально-экономического состояния калмыцких хозяйств и решения других организационных вопросов 4 июня 1929 г. создал комиссию. Через два месяца комиссия представила окрисполкому заключение, по результатам которого 3 августа окрисполком принял постановление. В нем признавалось целесообразным образование Калмыцкий район в составе 7 сельских советов с центром в поселке Зимовники, находившемся вне планируемых границ района [14, л. 20].

С августа по ноябрь 1929 г. на уровне краевых и окружных партийных и советских органов происходила интенсивная работа по согласованию организационных вопросов, связанных с образованием района.

По поручению крайкома 1 октября 1929 г. бюро Сальского окрком ВКП (б), рассмотрев вопрос о Калмыцком районе, приняло постановление, обязывающее фракцию окрисполкома потребовать от комиссии, созданной для практического разграничения территории района, составить сметы по финансированию и в целом завершить свою работу в течение одной недели и в середине октября созвать районный съезд советов [15, л. 8–12]. Там же для преодоления чересполосицы предлагалось включить в состав организуемого района 37 населенных пунктов, в том числе со смешанным населением.

Получив материалы из окружкома и КИК, секретариат СК крайкома 8 октября 1929 г. рассмотрел вопрос «О выделении Калмыцкого района в Сальском округе и организации Калмыцкого Райкома ВКП (б)». В его обсуждении приняли участие Гофферт, Молчанов, Беленький, Падэрин и Яновская. В первом пункте постановления записано: «Согласиться с предложением Сальского Окркома и фракции КИКа о выделении Калмыцкого района в Сальском округе» [16, л. 5 об.].

По указанию крайкома в октябре Сальский окркомитет утвердил персональный состав организационного бюро (оргбюро) в Калмыцком районе в составе: Беккемейстера (ответственный секретарь), Манжикова и Степанова. Они должны были предложить окружкому еще двоих членов в состав оргбюро из числа калмыков [15, л. 43–46].

Наконец, 14–15 октября в Зимовниках состоялся съезд советов Калмыцкого района, где

было объявлено о создании национального района. 21 октября окружком по представлению председателя Сальского окрисполкома Разоренова утвердил в этой должности Н. Н. Манжикова, его заместителем – Б. Л. Куюкинова, секретарем райисполкома – Долгинова. Утверждены в должностях: заведующий заводом К. М. Меньков, заводом народного образования Н. К. Манжикова, председатель райпотребсоюза Сасыков и др. Начальником райотдела НКВД назначен Н. С. Бурлуткин. Через год, в 1931 г., на очередном районном съезде советов председателем райисполкома был избран Б. Л. Куюкинов, секретарем – Н. Ц. Максимова [1, с. 495–495].

25–26 мая 1930 г. в Зимовниках состоялась Первая Калмыцкая районная партконференция, в которой приняли участие 42 члена партии. Конференция избрала бюро райкома ВКП (б) в составе: П. А. Голошубова (секретарь), Д. Орлова, Мишкина, кандидатом в члены бюро была избрана С. Кутушова [17, с. 13].

Президиум Северо-Кавказского крайисполкома 6 ноября 1929 г. утвердил внесенный комиссией проект постановления о создании Калмыцкого района с центром в поселке Зимовники. В состав района включались 9 сельсоветов: Граббевский из Ремонтненского района, Старо-Беляевский, Ивановский и Эркетинский из Дубовского района, Власовский, Стояновский и Кутейниковский из Зимовниковского района, Ново-Николаевский и Баглаевский из Романовского района, земли ГЗИ: дачи Зимовниковского и Романовского районов (20 тыс. га), допереселенческие доли общей площадью 12,7 тыс. га и племхоз № 4 АО «Овцевод» площадью 56 тыс. га [18, л. 204, 211, 371].

Для увеличения доли калмыцкого населения крайисполком предложил Сальскому окрисполкому организованно переселить 30 калмыцких хозяйств из станицы Бурульской (Зимовниковский район) на свободные земли Эркетинского сельсовета.

Всего Калмыцкий район имел общую площадь 174,9 тыс. га и состоял из 9-ти сельсоветов с 38-ю населенными пунктами. Население района составляло 9522 чел. (63,3% калмыки), в районе насчитывалось 1988 хозяйств (в том числе калмыцких 69,2%) [14, л. 21–22].

Историческая эпопея, связанная с образованием Калмыцкого национального района, завершилась зимой 1930 г. Вначале Административная комиссия при президиуме ВЦИК, заслушав 3 января 1930 г. вопрос о территориальном устройстве калмыков Сальского округа, постановила: «Образовать в составе Сальского округа Северо-Кавказского края национальный Калмыцкий район, с центром в пос. Зимовники», вопрос о передаче в состав Калмыцкой АО земель Сальского округа из фонда ГЗИ «в связи с образованием Калмыцкого района считать отпавшим» [14, л. 31–32].

Во время обсуждения данного вопроса в Москве А. М. Амур-Санан от имени руководства Калмыцкой АО теперь настаивал на включении этого района в состав Калмыцкой АО. В связи с этим Административная комиссия, несмотря на возражения со стороны представителя СКК Мелькумова, в заключительной части своего постановления записала: «Вопрос о возможности передачи Калмыцкого района в состав Калмыцкой области обсудить при рассмотрении проекта об уточнении границ между Северо-Кавказским и Нижне-Волжским краями» [19, л. 15, 49–50].

28 февраля 1930 г. президиум ВЦИК под председательством «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, рассмотрев вопрос об образовании в Сальском округе Северо-Кавказского края национального Калмыцкого района, принял постановление, внесенное секретариатом ВЦИК. Документ в своей содержательной части повторял предыдущие решения, но уже без какого-либо упоминания в возможности присоединения района к Калмыцкой АО [20, л. 1, 37, 96].

Итак, административным центром Калмыцкого района был определен поселок Зимовники, находившийся за его пределами и в абсолютном большинстве населенный славянами: русскими и украинцами.

Выбор поселка в качестве центра был обусловлен как выгодным месторасположением в транспортном отношении, так и историческими мотивами, важными для донских калмыков. О мотивах несколько подробнее.

История Зимовников связана со строительством в конце XIX в. железной дороги Тихорецкая – Царицын. Строительство дороги завершилось в конце июня 1899 г. Дорога проходила по территории проживания и кочевков донских калмыков. В силу этого новая станция получила название Калмыцкая. При ней, как правило, создавалась необходимая инфраструктура для обслуживания дороги. Вскоре вокруг нее вырос одноименный хутор. По берегам речек Гашунов и Куберле, вблизи сенокосных угодий калмыкскотоводы основали несколько десятков зимовий, или зимовников, для скота. Будущая станция как раз и находилась в центре этих зимовников. После постройки железной дороги станция Калмыцкая стала местом проведения ярмарок по купле и продаже скота. Купленный скот здесь же погружали в вагоны и отправляли в нужное место по железной дороге [21].

Хотя в 1904 г. станцию переименовали в Зимовники, поселение при станции вплоть до начала 1920-х гг. называлось хутор Калмыцкий.

В 1924 г. Зимовники становятся центром одноименного района Сальского округа, а с 1929 по 1932 г. – центром и Калмыцкого района. В 1926 г. в Зимовниках проживали 2885 чел.,

в том числе казаков – 189 (в переписи они упоминались отдельно), украинцев – 1731 и русских – 798 [22, с. 230].

Удобное расположение на железной дороге и прежнее историческое название поселка в определенной степени объясняет причину выбора Калмыцкого – Зимовники в качестве административного центра. Однако выбор Зимовников в качестве «столицы» Калмыцкого района оказался неудачным как в силу нахождения центра вне его границ, так и этнического состава населения, его менталитета, культурного облика населенного пункта, настроения его руководства и жителей, с которыми не согласовали это решение.

Уже первые крупные мероприятия: районный съезд советов, затем Первая Калмыцкая районная партийная конференция с многочисленными делегатами и гостями привнесли экзотику в жизнь русского поселка.

«Неожиданное» появление в поселке представителей администрации национального района, нуждавшихся в квартирах (номенклатура требовала для себя комфортное жилье), служебных помещениях для райкомов ВКП (б) и ВЛКСМ, райисполкома, редакции газеты «Улан малч» («Красный животновод») [23, л. 11] и других управленческих структур, полагавшихся им по «штатному расписанию», не могло не вызвать отрицательную реакцию как со стороны жителей, так и особенно властей Зимовниковского района.

Население Зимовников также опасалось, что с изменением демографической ситуации поселок может быть включен в состав Калмыцкого района, а вместе с ним в Калмыцкую АО, тем более что в 1930 г. по инициативе властей Калмыкии в Москве обсуждался вопрос присоединения национального района к этой автономии. Такие опасения подогревались тем, что в 1930 г. в результате административно-территориальной реформы Сальский округ (как и другие округа СКК) был упразднен, а прежние районы, теперь напрямую подчинявшиеся краю, подвергались реформатированию в сторону их укрупнения. Не забудем также, что в этот период происходила насильственная коллективизация, вызвавшая социальную напряженность в обществе, что не могло не повлиять на обострение межнациональных отношений.

Конфликты на указанной почве не заставили себя долго ждать. Местные и региональные власти (в том числе и на краевом уровне), озабоченные сложным периодом переустройства деревни, исходя из собственной безопасности, всячески старались преуменьшить их значимость. Однако долго скрывать многочисленные факты конфликтов в Зимовниках было невозможно, тем более что проблемы, возникавшие с коллективизацией, Центр и краевое руководство пытались свести к ошибкам или сознательному противодействию со стороны «недобитых» классовых врагов и их

«покровителей, окопавшихся в партии». Межнациональная напряженность в Зимовниках была удобным предлогом для смены руководства района, так как в этот период первого секретаря крайкома А. А. Андреева, переведенного в Москву, сменил на посту Б. П. Шеболдаев, до этого возглавлявший Нижне-Волжский край, куда входила Калмыцкая АО. Ему нужно было проявить себя решительным борцом с классовыми врагами.

Первая открытая реакция со стороны краевых властей на происходившие в Зимовниках конфликты последовала в завуалированной форме весной 1931 г. В краевой газете в заметке «Повысить боеспособность калмыцкой парторганизации» говорилось о том, что «несмотря на такое короткое существование, районные организации добились громадного успеха в области социалистического переустройства» [24]. Отмечалось, что наряду с другими успехами к 5 апреля в районе коллективизировано около 66% бедняцко-средняцких хозяйств. Автор материала, указывал на необходимость «территориального объединения населенных пунктов путем переселения и доселения калмыцких хозяйств», заключает: «Надо повести решительную борьбу с великодержавным шовинизмом – главной опасностью и местным национализмом» [24].

Естественно, как и в любом другом газетном материале этого периода, посвященном национальному вопросу, автор заметки ссылается на слова Вождя всех времен и народов, говоря, что «одним из серьезных недостатков является то, что некоторым районным организациям и работникам не понятно еще, что “период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме” (Сталин)» [24].

В том же номере газеты опять без какого-либо объяснения причин районный центр Калмыцкого района, находящийся в Зимовниках, предлагается перенести в калмыцкое село, что «имело бы громадное значение как с политической, так и с культурной точек зрения... А работникам района не хочется переносить центр в отсталое село, так как надо работать над его развитием» [24].

После такой «артподготовки» в печати Северо-Кавказский крайком ВКП (б) 13 июня 1931 г., рассмотрев вопрос «О положении в Зимовниковской организации», издал соответствующее постановление, в котором обвинил ряд руководителей Зимовников в нарушении «национальной политики партии» и в «великодержавном шовинизме». Крайком постановил исключить из рядов партии председателя станичного совета Зимовников Гриенко, а дело накануне снятого с должности председателя райисполкома (РИКа) Черкизова передать на рассмотрение в Краевую контрольную комиссию [25].

Через месяц в официальном органе крайкома ВКП (б) журнале «Партработник Северного Кавказа» (прежний орган журнал «Ленинский путь» влился в этот журнал) появилась объемная статья Г. Петрова под названием «Против извращений нацполитики партии», в которой достаточно подробно характеризовался конфликт между руководством двух районов, находившимся в одном центре, и местными жителями с небольшой калмыцкой общиной, представленной партийными и государственными служащими.

В начале статьи, посвященной не только Калмыцкому району, характеризуются успехи национальных районов в социалистическом строительстве. В частности, называется высокий уровень коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств в ряде национальных районов: по Шапсугскому району – 96,6%, Мясниковскому (армянскому) – 92%, Ванновскому (немецкому) – 91%, Калмыцкому – 82,5%. И дальше автор сосредоточивает внимание на недостатках и негативных моментах. В подавляющем большинстве случаев, по его словам, взаимоотношения с нацменрайонами установлены вполне доброжелательные, «Но, к сожалению, имеются факты, свидетельствующие о том, что отдельные организации не поняли необходимости и всей политической важности правильного осуществления национальной политики партии. Ярким выразителем искажения нацполитики является Зимовниковский район, где в течение значительного времени проявлялось великодержавное, шовинистическое отношение к калмыкам» [26, с. 13–14].

В указанном районе председатель Зимовниковского совета Гриенко, «сопровождая площадной бранью, заявил: “Квартиру калмыкам не дам, я бы их, гадов, всех повыбил”. Совершенно правильно Крайком партии постановил исключить Гриенко из рядов партии за проявление великодержавного шовинизма» [26, с. 13].

За последнее время, говорится в статье, отмечено до 36 случаев судебных и административных взысканий за оскорбления и попытки к избиению калмыков. «Несмотря на явно шовинистическую сущность – эти факты квалифицировались как простое хулиганство. Районные организации не учли политической важности разоблачения сущности вылазок классового врага и не мобилизовали бедняцко-средняцкую и колхозную массу и красных партизан на борьбу с великодержавным шовинизмом» [26, с. 13].

И далее: «Калмыцкий район, имея один районный центр с Зимовниковским, не получил не только нужной помощи от последнего, но не встретил даже чуткого, внимательного отношения к себе со стороны русских партийных, профсоюзных и советских организаций. Наоборот, наблюдались такие совершенно недопустимые явления, как отказ в предоставлении

помещений калмыкам, выселение отдельных работников-калмыков с квартир, отказ в отпуске горючего и пр. Все эти факты свидетельствуют о том, что классовый враг использовал политическую близорукость зимовниковского руководства и творит свою классовую политику, разжигая среди населения национальную рознь – наследие царского самодержавия» [26, с. 13].

В статье говорится о том, что случаи проявления «великодержавного шовинизма» продолжались в течение длительного времени, но ни калмыцкие организации, ни проведенное своевременное обследование калмыцкой организации «не обнаружили» этого, а отдельные работники «проявили прямое примиренчество к великодержавному шовинизму» [26, с. 13].

На совместном заседании бюро Зимовниковского и Калмыцкого райкомов ВКП (б), сообщает Г. Петров, «было установлено и единогласно признано, что Зимовниковский райком не выполнил решений партии о непримиримой борьбе с великодержавным шовинизмом и интернациональном воспитании масс. Однако на следующий же день, сообщается в партийном органе края, Зимовниковский райком собирает отдельное заседание бюро райкома с активом и по предложению секретаря райкома отказывается от единогласно принятого накануне решения о допущенных политических ошибках Зимовниковским райкомом. Руководство районом этим фактом проявило «двурушничество и вместо мобилизации актива и партийной массы на решительную борьбу с великодержавным шовинизмом, дезориентировало парторганизацию, затушевывая политическое значение борьбы за четкое проведение ленинской национальной политики партии» [26, с. 14].

И далее сообщается, что крайком партии решительно осудил действия бюро Зимовниковского райкома, не сумевшего мобилизовать массы на борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма и искривлением политики партии в национальном вопросе, объявил выговор всему бюро райкома и снял с работы секретаря райкома. Советские органы Зимовниковского района, в частности, прокуратура, суд и другие органы, допустили в своей практической работе явное искажение линии партии. «Работа этих советских органов должна быть проверена и решительно улучшена, а аппарат укреплен более крепкими, политически сильными работниками... Зимовниковский райком должен учесть и решительно исправить допущенные им политические ошибки и искажения линии партии по нацвопросу, а партийные организации края должны извлечь урок из практики Зимовников и повести решительную борьбу за четкое осуществление национальной политики партии», – завершает автор статьи материал, посвященный событиям в Зимовниках [26, с. 14].

В упомянутом постановлении крайкома от 13 июня 1931 г. в связи с конфликтом

в Зимовниках давалось поручение «фракции КИКА в десятидневный срок рассмотреть вопрос о выделении средств для устройства центра Калмыцкого района» [25].

Однако в августе 1931 г. крайком мог во второй раз наступить на одни и те же грабли при определении административного центра нацрайона. На заседании секретариата крайкома 12 августа рассматривался вопрос «О районном центре Калмыцкого района». С информацией «О переводе районного центра Калмыцкого района из поселка Зимовники в ст. Дубовскую» выступили секретарь Калмыцкого райкома П. А. Голошубов и другие ответственные работники края: Курбанов, Тищенко, Клейменов [27]. Предложение по станице Дубовской вызвало сомнения у партийного руководства края, вот почему в постановлении секретариата Калмыцкому райкому рекомендовалось вновь «обсудить вопрос о райцентре и свои предложения внести на рассмотрение Секретариата» [28, л. 9].

Перевод центра национального района в русский населенный пункт наверняка вызвал бы повторение «зимовниковской истории». Вполне понятно было желание администрации нацрайона поселиться в обустроенном месте, имеющем железнодорожную станцию. В калмыцких населенных пунктах следовало с нуля строить районный центр. В своих «чисто калмыцких» поселениях невзрачные жилища, напоминающие времянки и юрты, не привлекали чиновников райаппарата и членов их семей, желавших получить максимальный комфорт от своего высокого общественного положения. «Диктатура пролетариата» очень быстро превратилась в диктатуру партийно-государственной номенклатуры без смены вывески. Однако указание свыше необходимо было выполнить.

Выбор пал на небольшую станицу Кутейниковскую, расположенную на правом берегу р. Большая Куберле и в 26 км от Зимовников, населенную в рассматриваемый период калмыками. Согласно переписи населения 1926 г. в станице проживали 237 чел. За несколько лет число жителей Кутейниковской возросло, и она стала центром самого крупного населенного калмыками сельсовета в Калмыцком районе. Согласно данным крайисполкома, в 1930 г. в сельсовете проживали 1583 чел., в том числе 1169 калмыков и 414 представителей других национальностей (главным образом русских) [22]. Хотя Кутейниковский сельсовет уступал по численности только Эркетиному сельсовету (1748 чел.), но русское население в нем составляло большинство (977 – русских и украинцев и 771 калмык).

Наконец славная история станицы Кутейниковской символизировала содружество донских казаков и калмыков, доказавших на поле брани с петровских времен преданность своей родине – России. Истоки этого содружества начинаются

в эпоху императора Петра Великого, который повелел кочующих по Дону калмыков закрепить в казачьем сословии. При преемниках императора донские калмыки вошли в состав населения Войска Донского. В степной зоне, где они кочевали, были образованы Нижний, Средний и Верхний улусы, объединенные в 13 сотен. После введения станичного управления у донских калмыков сотни в Калмыцком (с 1884 г. – Сальском) округе Области Войска Донского были преобразованы в станицы. Бемдякинская и Гелендякинская сотни в 1877–1879 гг. основали станицу Кутейниковскую, названную по имени атамана Дмитрия Ефимовича Кутейникова (1766–1844) – генерала от кавалерии, сына походного казачьего атамана Войска Донского и полкового судьи [2].

В решении вопроса о том, чтобы сделать станицу Кутейниковскую центром района, плюсы перевешивали минусы. Получив соответствующее указание из крайкома, президиум СК КИК 29 ноября 1931 г. по вопросу «О центре Калмыцкого района» констатировал, «что нахождение в одном населенном пункте – поселке Зимовники центров двух районов (Зимовниковского и Калмыцкого) стесняет инициативу этих районов в развертывании строительства райцентра, как административно-культурного центра. Учитывая вместе с этим большие хозяйственно-культурные задачи, стоявшие перед Калмыцким районом, и территориально невыгодное положение в данное время его райцентра, затрудняющее обслуживание и связь с населенными пунктами, во исполнение постановления президиума крайисполкома от 27 июня 1931 г. центром Калмыцкого района, вместо намечаемой станицы Дубовской, утвердить станицу Кутейниковскую, как занимающую наиболее выгодное для райцентра территориальное положение и населенную преимущественно калмыками» [29, л. 58 об.]. После соответствующего утверждения Президиумом ВЦИК РСФСР данное решение вступило в силу.

На строительство административного центра района из союзного и краевого бюджетов выделялись значительные средства. Так, например, в краевой газете «Молот» в заметке «Калмыцкий район на подъеме» сообщалось, что «за короткое время одних только домов построено до 150» [30].

Национальный облик станице также придавало название колхоза им. Городовикова, организованного в 1929 г. Командующий 2-й Конной армией во время Гражданской войны Ока Иванович Городовиков (1879–1960) в тот период являлся самым известным советским калмыком.

Населенный пункт активно развивался, стал привлекательным для русских и представителей других национальностей. В ст. Кутейниковской в 1939 г. проживали 2812 чел., в том чис-

ле 1111 калмыков и 1427 русских, 150 украинцев, 64 немца, 2 армянина и 2 еврея [31].

Дальнейшая история Калмыцкого района не входит в задачу данной статьи, посвященной выбору административного центра национального района донских калмыков.

В заключение отметим, что станица Кутейниковская исполняла роль районного центра вплоть до упразднения Калмыцкого района. Следует отметить, что в предвоенные годы происходил постепенный отток донских калмыков в соседнюю Калмыцкую АССР. Этот процесс был вполне объективным, связанным с социально-экономическим, культурным и общественно-политическим развитием республики, где калмыки являлись «титальной нацией». Кроме того, немало донских калмыков выбрали в качестве места жительства другие регионы самого большого государства в мире. По Всесоюзной переписи населения 1939 г. в национальном районе проживали 3,8 тыс. калмыков, около 10 тыс. русских, 2,1 тыс. украинцев, 1,6 тыс. немцев, 4,1 тыс. представителей других национальностей [31]. То есть национальная структура населения района напоминала аналогичную характеристику районного центра.

27 декабря 1943 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и постановлением СНК СССР «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» в 1944 г. Калмыцкая АССР была упразднена, а население подверглось выселению в восточные районы СССР. Хотя в принятых нормативных актах указанные меры прямо не распространялись на донских калмыков, 9 марта 1944 г. Калмыцкий район также был упразднен, а немногочисленное калмыцкое население Ростовской области в соответствии с так называемой операцией «Улус» подверглось депортации. Административный центр упраздненного района был включен в состав Зимовниковского района Ростовской области [2].

Отмечая положительные явления, происшедшие в жизни донских калмыков в составе национального района (образование, завершение длительного перехода к оседлости, сохранение национального самосознания, сдерживавшего ассимиляцию), следует обратить внимание на искусственный характер создания этого национального района в условиях отсутствия компактного проживания донских калмыков, разбросанных по всему Сальскому округу. При его организации не учитывались интересы как инонационального (например, русско-казачьего) населения хуторов и станиц, включенных в состав района, так и значительной части самих калмыков, которые предпочли еще до ликвидации национального района переселиться в Калмыцкую АССР. Даже административный центр Калмыцкого района

так и не приобрел национального облика. Ко всему этому депортация «титального населения» автономной республики не спасла их соотечественников, оставшихся в национальном районе Ростовской области.

В изгнании, как и у других переселенных народов, имевших прочные родовые связи и разные субэтнические группы, происходил процесс этнической миксации отдельных родов. В результате чего сглаживались прежние родовые «границы», особенно различия между укладом жизни калмыков Дона и Поволжья. В феврале 1957 г. Верховный Совет СССР утвердил Указ Президиума от 9 января 1957 г. о воссоздании Калмыцкой АО (в 1958 г. – АССР), ускоривший процесс возвращения калмыков в места прежнего жительства. Возвращавшиеся из изгнания донские калмыки поселялись в Калмыцкой АССР (с 1992 г. – Республика Калмыкия), которая во многих отношениях стала для них более привлекательной. В то же время среди потомков донских калмыков сохраняется память о своих истоках и оставленных родных местах.

Список литературы

1. Максимов К. М. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д : Издательство Южного научного центра РАН, 2016. 584 с.
2. Алексеева П. Э. Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки. Элиста : АПП «Джангар», 2002. 256 с.
3. Кринко Е. Ф. Сальский инцидент, или о том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 787–798.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения : 22.04.2023).
5. Очиров У. Б. Калмыцкие национальные части в составе белого движения в период Гражданской войны // *Отечественная история*. 2004. № 5. С. 70–81.
6. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР : в 10 вып. Вып. 4 : Народность и родной язык населения СССР. М. : Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи, 1928. 138 с.
7. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю / сост. А. И. Гозулов и П. И. Яцков. Ростов н/Д : Северо-Кавказ. краев. стат. упр-ние, 1927. 534 с.
8. История административно-территориального деления Сталинградского (Нижеволжского) края. 1928–1936 гг. Справочник [сост. : Д. В. Буянов, Н. С. Лобчук, С. А. Норицына (отв. сост.)]. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2012. 575 с.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-7 (Северо-Кавказский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 744.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235 (Всероссийский Центральный

Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 124. Д. 76.

11. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

12. Акопян В. З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2 (74). С. 76–79.

13. Акопян В. З. «Великий перелом» в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 106–111.

14. ГАРФ. Ф. Р-5677 (Административная Комиссия при Президиуме ВЦИК). Оп. 9. Д. 274.

15. ЦДНИРО. Ф. Р-97 (Сальский окружной комитет ВКП(б), Северо-Кавказский край). Оп. 1. Д. 106.

16. ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 932.

17. Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах: к 7-й Крайпартконференции : в 11 вып. Вып. 11. Ростов н/Д : Сев. Кавказ, 1932. 128 с.

18. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1485 (Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 624.

19. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 51. Д. 28.

20. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 44. Д. 35.

21. Шевченко С. А. История Зимовниковского сельского поселения // Донской временник. Год 2016-й. URL : http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/30/art.aspx?art_id=1491 (дата обращения : 19.11.2022).

22. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю/ред. А. И. Гозулов. Ростов н/Д : Гостип. им. Коминтерна Севкавполиграфтреста, 1929. 547 с.

23. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 106 а.

24. Повысить боеспособность калмыцкой парторганизации // Молот. 1931. 9 апр.

25. Постановление Северо-Кавказского Крайкома ВКП (б) от 13 июня «О Положении в Зимовниковской организации» // Молот. 1931. 16 июня.

26. Петров Г. Против извращений нацполитики партии // Парработник Северного Кавказа. 1931. Июль. № 18 (20).

27. Дронов В. А. Исчезнувшие поселения Дубовского района // Донской временник. Вып. 28-й. URL : http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/50/art.aspx?art_id=1758 (дата обращения : 17.10.2022).

28. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1168.

29. ГАРО. Ф. Р-137 (Комитет по управлению архивным делом Администрации Ростовской области). Оп. 5. Д. 534.

30. Калмыцкий район на подъеме // Молот. 1934. 23 янв.

31. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1471 (дата обращения : 17.11.2022).

Поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 12.04.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 400–407

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 400–407

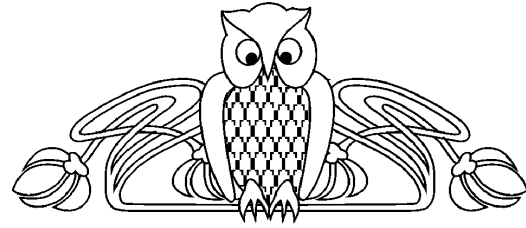
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-400-407>, EDN: TMTJZW

Научная статья

УДК [94:338](470.44/.47)|1937/1941|

Развитие промышленности Нижнего Поволжья в предвоенные годы (1937–1941)

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Аннотация. В статье рассматриваются особенности индустриального развития Нижнего Поволжья в предвоенные годы. Завершение строительства некоторых объектов, быстрые структурные сдвиги, освоение многих видов новой продукции, обеспечение достаточно высоких темпов развития способствовали превращению региона в крупный промышленный центр. Сравнительный анализ индустриального подъема региона в дореволюционный и советский периоды доказывает эффективность социалистической модели промышленного развития.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, третья пятилетка, индустриализация, тяжелая промышленность, темпы развития, энергетика

Для цитирования: Чолахян В. А. Развитие промышленности Нижнего Поволжья в предвоенные годы (1937–1941) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 400–407. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-400-407>, EDN: TMTJZW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Industrial development of the Lower Volga region in the pre-war years (1937–1941)

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Abstract. The article deals with the features of the industrial development of the Lower Volga Region in the pre-war years. The completion of some facilities, the implementation of rapid structural changes, the development of many types of new products, and the provision of sufficiently high rates of development contributed to the transformation of the region into a major industrial center. A comparative analysis of the industrial development of the region in the pre-revolutionary and Soviet periods proves the effectiveness of the socialist model of industrial development.

Keywords: Lower Volga Region, third five-year plan, industrialization, heavy industry, development rates, energy

For citation: Cholakhyan V. A. Industrial development of the Lower Volga region in the pre-war years (1937–1941). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 400–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-400-407>, EDN: TMTJZW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мобилизационная модель индустриализации СССР в годы первых пятилеток сыграла решающую роль в преодолении стадийного отставания советской промышленности от европейских стран и способствовала укреплению обороноспособности страны. Несмотря на различные точки зрения на проблемы индустриализации как проявления глобального процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу, большинство исследователей сходятся в том, что в 1930-х гг. в народном хозяйстве СССР появились все признаки, характерные для экономики

военного времени, превратившей страну в экономически независимую, индустриально-развитую державу, способную иметь и динамично развивать все, без исключения, виды производства продукции военного потребления.

Выбор советской концепции ускоренной индустриальной модернизации страны в 1920-е гг. предусматривал интенсивное промышленное развитие Нижнего Поволжья. Одним из условий реализации программы индустриализации стала административно-территориальная реформа в 1928–1929 гг., превратившая регион в крупную

хозяйственную единицу – Нижне-Волжский край, включавший в свой состав три губернии (Саратовскую, Сталинградскую и Астраханскую), Автономную республику немцев Поволжья и Автономную Калмыцкую область с центром в Саратове. Это позволило сократить советский управленческий аппарат с 5 тыс. штатных единиц до 3 тыс., выстроить строгую вертикаль власти, более полно использовать природные богатства края [1, с. 105].

Не менее важным оказалось перераспределение руководящих работников, а часто и замена их на новых, пришедших к власти на местах на волне борьбы с нэповскими «вредителями». Именно они принялись рьяно проводить генеральную линию партии на индустриализацию. В 1932 г. центр Нижне-Волжского края переместился в Сталинград, а в 1934 г. произошло разделение его на Саратовскую и Сталинградскую области. Регулярное, раз в 3–5 лет, изменение административно-территориального деления страны стало эффективным средством борьбы с региональными элитами.

Коренная техническая реконструкция народного хозяйства на основе электрификации, строительство новых предприятий, подготовка индустриальных кадров высокой квалификации на базе широкой сети средне-специальных и высших учебных заведений обеспечили рост трудовой активности населения. В результате Нижнее Поволжье, некогда типично аграрный регион, в котором к 1928 г. 80% валовой продукции давало сельское хозяйство, за годы первых двух пятилеток превратился в один из индустриальных центров: к концу второй пятилетки в нем было освоено производство тракторов, комбайнов, аккумуляторов, высококачественных сталей, зуборезных станков и т. д.

Ускоренный переход от аграрного общества к индустриальному в условиях социально-экономической отсталости неизбежно привел к формированию мобилизационной модели экономики в ответ на возникшие тогда угрозы существованию страны. В отличие от классической, либеральной модели советская модернизация опиралась не на рыночные механизмы, а на административные директивы. Ее особенностями являлись крайняя идеологизированность под знаменем социального равенства, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, господство государственной собственности. На основе централизованной системы управления и планирования Советское государство играло ключевую роль в аккумуляции ресурсов для становления и развития промышленности. Власти удалось внедрить в традиционное российское общество идеи индустриализации и веру в реальность построения социализма без эксплуатации человека человеком, без частной собственности, без тех последствий, лишений и жертв, которые принес людям капитализм.

Успехи в развитии промышленности в годы второй пятилетки стали основой для разработки и принятия третьего пятилетнего плана (1938–1942 гг.), в котором ставились амбициозные задачи увеличения объема промышленной продукции почти в 2 раза. Особое внимание в новом пятилетнем плане уделялось качественным показателям: повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции, обновлению основных фондов, самостоятельному развитию научно-технического прогресса для обеспечения эффективной экономики.

В условиях нарастающей военной опасности предполагалось создать крупные государственные резервы и мобилизационные запасы, прежде всего по топливу и оборонной продукции, а также предприятия-дублиеры по машиностроению, химической промышленности и нефтепереработке в Поволжье и на Урале, вдвое увеличить ввод в действие мощностей электростанций, соответственно, и производство электроэнергии [2, с. 564].

Возросшие масштабы народного хозяйства неизбежно привели к росту числа хозяйственных наркоматов и управлений. К 1940 г., в сравнении с 1936 г., число союзных и союзно-республиканских наркоматов удвоилось и достигло 37 [3, с. 183]. Одновременно возникло 10 управлений хозяйственного типа и 7 комитетов, находившихся в ведении Совнаркома СССР. Для координации их деятельности было образовано 6 хозяйственных советов [4, с. 230].

Одновременно усиливалась руководящая роль ВКП (б) в управлении экономикой. Местные партийные органы обеспечивали межотраслевую хозяйственную координацию на своей территории, контролировали повседневную деятельность советских и хозяйственных органов различных уровней, прежде всего по подбору руководящих кадров этих организаций. В соответствии с изменениями в Уставе партии, принятом на XVIII съезде ВКП (б) в 1939 г., декларировалось право контроля партийных организаций над работой производственных предприятий на решающих участках социалистического строительства [5, с. 245].

В Нижнем Поволжье к началу третьей пятилетки сформировались два крупных индустриальных узла: Саратовский и Сталинградский, а также Астраханский район как центр пищевой промышленности (рыбной и консервной). В годы третьей пятилетки в Саратовской области продолжалось строительство подшипникового завода, возводилась 3-я очередь СарГрэса и 4-я очередь завода Крекинг. Впервые за годы реконструкции народного хозяйства планировалось строительство предприятий пищевой промышленности: дрожжевого завода, макаронной и кондитерской фабрики, дух хлебозаводов.

В 1937–1941 гг. особое внимание уделялось укреплению обороноспособности страны.

В частности, 5 августа 1937 г. в соответствии с решением СТО СССР Саратовский завод комбайнов был перепрофилирован на производство авиационной техники, получив название «Завод № 292 НКАП». В 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, в Саратове насчитывалось более 10 подобных номерных заводов. Темпы роста военной продукции втрое превышали общепромышленную динамику [1, с. 247].

В начале третьей пятилетки возникли трудности и противоречия, ставшие причиной невыполнения годовых плановых заданий. Прежде всего, сказалось значительное сокращение новых капиталовложений в промышленность Саратовской области: в 1939 г. они составили 72,3% в отношении плана, а в 1940 г. – 67,4%. Соответственно, в 1939 г. промышленность союзного подчинения выполнила производственный план только на 87,1%, в 1939 г. – на 95,1%, а в 1940 г. – на 90,1% [6, л. 1, 4, 5]. Недостаточное финансирование стало причиной срыва сроков ввода в эксплуатацию подшипникового завода, 10-го крекинга, оцинковального цеха метизного завода им. Ленина и ликерного цеха Саратовского ликероводочного завода [7, л. 1–2].

На темпах развития промышленности региона сказались и массовые репрессии хозяйственных и прочих руководящих кадров, развернувшиеся в конце второй и в начале третьей пятилеток. Власть быстро осознала эту опасность и с приходом к руководству НКВД Л. П. Берии несколько ослабила репрессивную политику. В докладе председателя СНК СССР В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП (б) в марте 1939 г. отмечалось, что «по таким важным отраслям тяжёлой индустрии как чугун, уголь, нефть план оказался значительно невыполненным» [5, с. 284].

В предвоенные годы, в условиях нараставшей военной опасности руководство страны увидело главную причину возникших проблем в ослаблении трудовой дисциплины и текучести рабочей силы, т. е. в стихийном передвижении рабочих с одного предприятия на другое. 26 июня 1940 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». За самовольный уход рабочие и служащие подлежали преданию суду и тюремному заключению от 2 до 4 месяцев, а за прогул без уважительной причины (опоздание на работу на 21 мин и более) приговаривались к исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25% [8, с. 43–45].

Дела рассматривались в течение 5 дней, а приговоры приводились в исполнение немедленно. Ответственность за выпуск брака и несоблюдение технических нормативов также ужесточилась. Теперь это приравнивалось к вредительству. Вместе с трудовыми договорами

формальным стало и заключение коллективных договоров.

Руководители предприятий и учреждений несли уголовную ответственность за укрывательство виновных. Однако на практике они довольно часто шли на известный риск, не информируя правоохранительные органы о фактах нарушения трудовой дисциплины. Об этом, в частности, говорилось в докладе Г. М. Маленкова на Пленуме ЦК ВКП (б) 29–31 июля 1940 г., указавшего на неудовлетворительное проведение в жизнь Указа от 26 июня 1940 г. и падение производительности труда в промышленности [3, с. 194–195].

В продолжение данного Указа Президиума Верховного Совета СССР СНК СССР принял 26 июня 1940 г. Постановление «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день», в соответствии с которым повышались нормы выработки при сохранении без изменений дневных тарифных (или учетных) ставок и месячных должностных окладов рабочих и служащих [9].

Вскоре вышла серия указов Президиума Верховного Совета СССР по вопросам трудовых отношений в промышленности: от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями», от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие», от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах», от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» [10].

В результате столь жестких законодательных мер произошло закрепление рабочих на производстве, значительно сократилась текучесть кадров. Так, по предприятиям черной металлургии она уменьшилась с 4,2% до 1,9% в месяц [11, с. 81]. На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) во второй половине 1940 г. текучесть кадров снизилась на 27% в сравнении с аналогичным периодом 1939 г. Сократился и процент прогулов по неуважительным причинам – с 0,26% в 1939 г. до 0,15% в 1940 г. [12, л. 20].

В предвоенные годы наряду с увеличением норм выработки росла и заработная плата рабочих: на СТЗ в период с 1938 по 1940 г. нормы выработки увеличились на 2,4%, а среднегодовая зарплата – с 3608 руб. до 4450 руб. (на 18,9%); на заводе «Красный Октябрь» соответственно нормы выработки выросли на 9,9%, а заработная плата – с 4680 руб. до 5356 руб. (на 12,6%). Кроме того, развивалась премиальная форма оплаты труда: в 1940 г. премии в сумме зарплаты рабочих

данных предприятий составляли 4,5%, а инженерно-технических работников – 11% [13, л. 52].

Из года в год, пусть незначительно, но росли бюджетные ассигнования государства в общественные фонды потребления промышленных предприятий. Например, на СТЗ в 1938 г. бюджетные средства социального страхования составили 7 тыс. 501 руб., в 1939 г. – 8 тыс. руб., а в 1940 г. – 9 тыс. руб. В 1939 г. во втором полугодии 558 чел. получили материальную помощь в размере 37 тыс. руб., а за 9 месяцев 1940 г. – 290 чел. на сумму 45 тыс. 847 руб. [14, л. 18–19].

Реализация законодательных актов 1940 г. в совокупности с мерами материальной и моральной мотивации труда рабочих на предприятиях создавала условия для улучшения количественных и качественных показателей: за 1938–1940 гг. выпуск промышленной продукции Саратовской области союзного подчинения увеличился на 45%, а республиканского – на 30%. Одновременно выработка на одного рабочего в 1939 г. выросла в сравнении с 1938 г. на 24,6%, а в 1940 г. – на 27,3% [15, л. 56, 70, 74].

В электроэнергетике после некоторого спада в 1938 г. наметился прогресс в 1940 г.: если в 1932 г. было произведено 125,7 млн кВт, то в 1940 г. – 208,8. Производство стали в 1940 г. так и не достигло уровня 1937 г. Стабильно развивалась цементная промышленность, а в остальных отраслях наибольший прогресс был достигнут в НК Пищепрома, выпуск продукции которого увеличился более чем в 2,5 раза [16, л. 47–48].

Значительное место в промышленности Саратовской области продолжали занимать мелкие предприятия. В соответствии с данными Всесоюзной переписи социалистической промышленности 1938–1939 гг. в регионе числилось 7608 мелких предприятий с числом рабочих 17378 чел. Большая часть их представляла окружную промышленность в сельской местности и занималась переработкой сельскохозяйственного сырья, а также изготовлением одежды, обуви и предметов повседневного спроса для жителей деревни. Объем валовой продукции мелкой промышленности в 1939 г. составил 70633 тыс. руб., что уступало лишь пищевкусовой и металлообрабатывающей отраслям крупной индустрии [17, л. 1–4].

Более динамично развивалась тяжелая промышленность (машиностроение и металлургия) Сталинграда. За годы первой пятилетки в городе был построен тракторный завод (СТЗ), который в апреле 1932 г. вышел на проектную мощность – 144 машины в день. В годы второй пятилетки завод работал стабильно и к 15 мая 1937 г. выпустил 207036 тракторов СТЗ-1 [18].

Сталинградский тракторный завод занимал приоритетное место в государственных планах по укреплению обороноспособности страны. В 1932 г. на его производственной площадке был организован Конструкторско-экспериментальный отдел (КЭО) для разработки гусеничного

трактора с возможностью его использования для военных нужд в качестве тягача. Главным конструктором КЭО был назначен В. Г. Станкевич, стоявший у истоков строительства СТЗ.

Уже в 1933 г. конструкторы КЭО совместно со специалистами Научно-исследовательского тракторного института (НАТИ) разработали опытный образец гусеничного трактора, а в 1935 г. выпустили три машины – сельскохозяйственный СТЗ-3 (более известный под появившейся позже маркой СТЗ-НАТИ), транспортный СТЗ-5 и тягач СТЗ-6. Демонстрационный показ руководству страны новых гусеничных тракторов марки СТЗ и ХТЗ (Харьковский тракторный завод) состоялся 16 июля 1935 г. на опытном поле в Лихоборах под Москвой. В результате испытаний и сравнительного показа предпочтение было отдано тракторам СТЗ [19].

Высокие эксплуатационные показатели тракторов марки СТЗ подтвердились в ходе их пробега из Сталинграда в Москву. 22 ноября 1935 г. три гусеничных трактора СТЗ своим ходом отправились в столицу. Первый из них вез на платформе тонну груза и две прицепных повозки с общим весом в 3,5 т, другой шел с одной повозкой, а третий – без груза. Такой подбор позволил более точно выявить тяговые качества трактора в различных условиях. Весь путь от Сталинграда до Москвы трактора под руководством командора В. Н. Тюляева прошли за 95 ходовых часов и 5 декабря, преодолев расстояние в 1098 км, прибыли в столицу [20, л. 35 об.].

Успешные испытания новых машин подтвердили правильность выбора сталинградского варианта гусеничного трактора в качестве основного в процессе модернизации производства. Правительственная комиссия поручила специалистам СТЗ, ХТЗ и НАТИ сформировать объединенное конструкторское бюро по подготовке тракторов СТЗ-3 и СТЗ-5 к серийному производству. Вместе с тем выявившиеся в ходе пробега неполадки потребовали внесения конструктивных изменений в моторной части. К декабрю 1936 г. главный конструктор СТЗ В. Г. Станкевич вместе с группой молодых техников-конструкторов разработал новый дизель-мотор для гусеничного трактора [21, л. 21, 24 об.].

В 1935 г. партийно-техническая конференция на СТЗ приняла программу перехода к производству гусеничных тракторов СТЗ-3. Модернизация производства потребовала одновременного решения нескольких задач: строительство новых цехов, укомплектование и монтаж нового оборудования, подготовка кадров. Под руководством В. Г. Станкевича в КЭО СТЗ сформировались высококвалифицированные специалисты в области тракторостроения, чьи оригинальные технические решения, заложенные в СТЗ-НАТИ, до сих пор используются в производстве тракторов Волгоградского, Харьковского заводов, китайских тракторов ЮТО [22].

Руководству и трудовому коллективу завода удалось в короткие сроки перестроить производственный процесс, и 11 июля 1937 г. первый гусеничный трактор СТЗ – НАТИ сошел с конвейера. Несколько позже, 17 сентября того же года, в Харькове началось массовое производство трактора под маркой СХТЗ-НАТИ, или ХТЗ-НАТИ. Уже к ноябрю 1937 г. с большого конвейера СТЗ сошло 60 гусеничных тракторов [23, л. 7, 13 об.]. На Всемирной промышленной выставке в Париже в 1938 г. трактор СТЗ-НАТИ получил Большую Золотую медаль и диплом Гран-при. К десятой годовщине СТЗ, 17 июня 1940 г., с конвейера сошло 25664 гусеничных трактора [24, с. 84].

Параллельно с модернизацией тракторного производства на заводе еще в 1932 г. был создан Специальный конструкторско-экспериментальный отдел (СпецКЭО) под руководством Н. Д. Вернера по проектированию и производству танков Т-26. Затем на предприятии было освоено производство танков КВ-1, а в январе 1941 г. начался выпуск средних танков Т-34–76 и двигателей В-2. Летом 1941 г. на Сталинградском тракторном заводе перешли к серийному изготовлению танков следующего поколения модели Т-34 [25].

Достижения коллектива СТЗ были неразрывно связаны с реконструкцией и развитием металлургического завода «Красный Октябрь», ставшего за годы второй пятилетки основным поставщиком автотракторной и авиационной промышленности. Завод освоил производство многочисленных видов и профилей высококачественных сталей, освободив страну от необходимости их импорта. В 1938 г. производство стали составило 744,6 тыс. т, или 102% плана, в том числе качественной – 735 тыс. т, проката – 550,4 тыс. т (100,3%) [26, с. 223].

В прошедшее пятилетие завод освоил 70 млн руб., в том числе на жилищное строительство – 12,4 млн руб. За перевыполнение плана и успешное освоение производства качественных сталей коллектив Сталинградского завода «Красный Октябрь» был награжден высшей правительственной наградой – орденом Ленина. Орденами и медалями Союза ССР были награждены также 17 лучших работников завода [27, л. 34–35].

В 1939 г. в связи с возникновением военной угрозы завод «Красный Октябрь» получил ряд ответственных заданий по освоению новых видов

продукции и профилей металла (высокохромистая марка 53, 15, хромокремнемарганцевистая 15 СХГ, медистоникелевая, алюминиевая МА и др.) и в целом успешно справился с ними. В результате осуществления механизации трудоемких процессов потребность в рабочей силе сократилась на 14,3%, производительность труда возросла в 1939 г. на 8%, а в 1940 г. – на 16,1%. Этому, прежде всего, способствовало увеличение среднемесячной заработной платы металлургов в 1940 г. в сравнении с 1939 г. на 11,4% [28, л. 50–51].

В предвоенные годы на Сталинградских предприятиях «Красный Октябрь», СТЗ, «Баррикады» и других шла напряженная работа по расширению выпуска продукции оборонного значения. Накануне Великой Отечественной войны почти 80% всей промышленной продукции Сталинграда приходилось на машиностроение, металлообработку и другие отрасли группы «А» [29, с. 83].

Среди других отраслей экономики Сталинградского края наиболее динамично развивалась пищевая промышленность, – традиционно одна из основных в регионе. За годы первых пятилеток она подверглась масштабной реконструкции, в корне изменившей ее технический уровень: вместе с расширением и развитием старых отраслей (рыбная ловля, мукомольная, маслособойная и соляная промышленность) появились новые, из которых ведущую роль играла рыбоконсервная в Астраханском округе. Этому способствовал рост капиталовложений: в 1932–1933 гг. в рыбную промышленность было вложено 32,2 млн руб., а за вторую пятилетку в целом – 123 млн руб. [30, с. 82].

Рыбная промышленность Волго-Каспийского района развивалась стабильно, наращивая ежегодные объемы валового производства (табл. 1). Среднегодовая численность рабочих в рыбном хозяйстве в 1939 г. достигла 52315 чел. Вместе с тем улов рыбы оставался на прежнем уровне и значительно уступал дореволюционным показателям (469 тыс. т). Хотя в Астраханском районе было коллективизировано более 94% ловцов, реконструкция основного капитала рыбной промышленности коснулась лишь отдельных ее участков. Морской транспортный флот государственной промышленности оставался в основном парусным, а механизированные суда моторно-рыболовных станций составляли всего 3,8% [32, с. 40].

Таблица 1

Развитие рыбоконсервной промышленности Сталинградского края [31, л. 61]

Валовое производство рыбоконсервной промышленности	1932	1937	1940
Улов рыбы, тыс. т	183,2	240,7	220,8
Продукция рыбной промышленности, тыс. руб.	65435,7	98739,0	108003,0
Выработка консервов, тыс. условных банок	39202 (73,4% от плана)	42271 (77,4% от плана)	70341 (95,1% от плана)

В результате промышленного строительства в Сталинградской области в годы предвоенных пятилеток появились два крупных индустриальных узла: Сталинградский, включавший основные предприятия тяжелой промышленности, и Астраханский район, ставший центром пищевой промышленности (рыбной и консервной), а также общего и специального судостроения.

На основании имеющихся в нашем распоряжении статистических данных переписи социалистической промышленности (1938–1939 гг.) можно констатировать, что за период 1932–1939 гг. число предприятий в Сталинградской области увеличилось более чем в 2 раза, рабочих – на 40%, а валовой объем производства – на 263%. По числу предприятий и объему валовой продукции ведущее место в 1939 г. занимала пищевкусовая отрасль (496 предприятий, выпустивших продукцию на 372657 тыс. руб.). На втором месте (350 предприятий) оказалась металлообрабатывающая отрасль, объем производства которой вместе с черной металлургией составлял 359407 тыс. руб. [17, л. 13–16].

Перепись позволяет судить о распределении рабочих по отраслям промышленности. По этому показателю также впереди была пищевкусовая отрасль, на предприятиях которой трудились 65680 чел.; на втором месте – металлообработка (24452 чел.); на третьем – деревообработка (11560 чел.) и на четвертом – черная металлургия (9502 чел.). Статистические данные свидетельствуют о значительном удельном весе мелкой промышленности в экономике Сталинградской области. Так, в 1939 г. здесь насчитывалось 8493 таких предприятия и свыше 24 тыс. рабочих, выпустивших продукцию на сумму 96089 тыс. руб., что уступало аналогичным показателям лишь пищевой и тяжелой промышленности [31, л. 60–61].

Сопоставление данных о состоянии промышленности за 1913 г. и 1939 г. позволяет сделать вывод о коренных изменениях в структуре экономики Сталинградской области. Число предприятий увеличилось более чем в 4 раза, а рабочих – на 125%. Резкое увеличение производственных фондов в 1928–1940 гг. более чем в 6 раз позволило обеспечить быстрый экономический рост: объем валовой продукции в 1939 г. в сравнении с 1913 г. увеличился на 805,5%. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в отраслях тяжелой промышленности: металлургическое производство увеличилось в 12 раз, а металлообработка – в 28,5 раза [17, л. 13–16].

Справедливости ради следует признать, что подобные сравнения темпов индустриального роста в стоимостных выражениях, почти повсеместно применяемых советскими историками и экономистами да и многими нынешними российскими учеными, вряд ли могут служить основанием для воссоздания объективной динамики развития экономики по целому ряду обстоятельств.

Во-первых, точное измерение темпов требует сопоставления обобщенных показателей прироста промышленной продукции, выраженной в сравнимых ценах. В связи с тем, что дореволюционные цены явно устарели, для определения объема и динамики производства с 1927/28 г. стали использоваться неизменные цены 1926/27 г.

Во-вторых, в эпоху быстрых индустриальных сдвигов 1930-х гг. резко менялась структура производства, появлялись новые отрасли и виды продукции, стоимость которых невозможно привести к ценам 1926/27 г., поскольку такой продукции тогда просто не было.

В-третьих, в конце 1920-х гг. была ликвидирована статистика оптовых цен, а розничные, даже по официальным данным за 1928–1940 гг., увеличились более чем в 6 раз, что чаще всего в скрытом виде проявлялось в связи с обновлением номенклатуры продукции.

В-четвертых, неотъемлемым элементом утвердившейся административно-командной системы управления стали искажения экономической информации, призванные затушевывать ее провалы и показывать несуществующие достижения (в январе 1930 г. ЦСУ СССР был включен в состав Госплана СССР). И хотя в январе 1932 г. Политбюро приняло решение об уголовной ответственности за предоставление неверных сведений о выполнении народнохозяйственных планов, тем не менее рост продукции промышленности продолжали исчислять в неизменных ценах 1926/27 г., а индекс стоимости строительства систематически не исчислялся.

В связи с этим стоимостные данные о восьмикратном увеличении промышленного производства в Саратовской и Сталинградской областях на протяжении довоенных пятилеток, на наш взгляд, требуют проверки другими, нестоимостными формами учета. Для этого можно использовать натуральные показатели, прямо характеризующие изменение выпуска ключевых видов промышленной продукции в тот или иной период. Весьма убедительно сопоставление некоторых из таких показателей за 13 лет развития Саратовской губернии перед Первой мировой войной (1900–1913 гг.) и 12 лет довоенных пятилеток (1928–1940 гг.). Так, в 1914 г. Царицынский металлургический завод «Урал-Волга» выплавил 173,9 тыс. т стали и 128,3 тыс. т проката, а в 1938 г. – соответственно 744,6 тыс. т и 550,4 тыс. т, что дает общий рост производства в 4,2 раза, а по официальным стоимостным показателям – в 12,1 раза [31, л. 60–61]. Аналогичная картина складывалась и в цементной промышленности (табл. 2).

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что за 14 дореволюционных лет производство цемента в Саратовской губернии выросло в 6,2 раза, в то время как за предвоенные советские пятилетки – в 2 раза при росте числа рабочих в 1939 г. в сравнении с 1914 г. в 2,5 раза. Доля вольских цементных

Таблица 2

Динамика развития цементной промышленности [33, с. 263]

Годы	Численность рабочих, чел.	Валовая продукция, тыс. т
1900	817	51,2
1914	2242	321,6
1927/28	3355	262,9
1932	4664	220,5
1933	4514	201,7
1934	4360	435
1935	4867	457
1936	5993	673
1937	4658	485,1
1938	4395	601,4
1939	5705	599,8
1940	5712	545,8.

заводов в общероссийском цементном производстве в 1914 г. составляла 13,7%, а в 1937 г. – 14% [34, с. 68].

Статистические данные улова рыбы за тот же период характеризовались отрицательной динамикой (табл. 3).

Наиболее высокие показатели демонстрировали металлообрабатывающие и машиностроительные отрасли. Довольно быстрое обновление номенклатуры промышленной продукции в результате создания новых отраслей производства в условиях не менее быстрого роста цен, которые теряли почти всякую связь с действительным уровнем общественных затрат труда, чрезвычайно затрудняло выявление натуральных показателей в названных отраслях. А вот данные развития электроэнергетики свидетельствуют о создании принципиально новой энергетической базы для реконструкции всех отраслей народного хозяйства (табл. 4).

На основании данных, приведенных в табл. 4, можно говорить о довольно значительном росте производства электроэнергии за 1928–1940 гг.: Саратовской области в 5,3 раза, Сталинградской – в 7,8 раза, а в сравнении с уровнем 1914 г. увели-

чение в 1940 г. составило соответственно в 35,8 и 76 раз.

Разумеется, скачок в энергетике, машиностроении и металлургии важен был не только сам по себе: за ним стояли преобразования и реконструкция всей промышленности. В 1930-е гг. в Нижнем Поволжье появились новые современные отрасли и подотрасли, такие как электротехническая, машиностроительная, тракторостроение, комбайностроение и другие, которых не было до форсированной индустриализации.

В Нижнем Поволжье, по официальным стоимостным показателям, общий объем валовой промышленной продукции за 1928–1940 гг. увеличился в 8 раз (в неизменных ценах 1926/27 г.), а численность работающих – примерно в 3,5–4 раза. Однако официальная статистика не учитывала рост цен и прочие факторы, о которых говорилось выше. Натуральные показатели, тоже неточные, свидетельствуют о 4-5-кратном увеличении промышленного производства.

Анализ экономического развития Нижнего Поволжья в предвоенные годы показывает, что, несмотря на отмеченные выше издержки и трудности, плановая социалистическая экономика сумела успешно решить такие важные задачи, как

Таблица 3

Улов рыбы в Астраханском регионе, тыс. т [35]

1914	1926	1928	1932	1937	1940
445	441,3	232,3	183,2	240,7	220,8

Таблица 4

Производство электроэнергии в Нижнем Поволжье, млн кВт [35]

Регион	1914	1928	1927	1940
Саратовская область	5,6	37,3	185,2	201
Сталинградская область	5,9	58,0	342,2	452

осуществление быстрых структурных сдвигов и освоение многих видов новой продукции.

Список литературы

1. Чолахян В. А. Промышленный потенциал Нижнего Поволжья накануне первой пятилетки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 105–110. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-105-110>
2. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1957. 888 с.
3. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / отв. ред. и сост. С. С. Храмов : в 2 ч. Ч. 2. М. : Издательский центр Института Российской истории РАН, 1999. 304 с.
4. КПСС в резолюция и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. 9-е изд., доп и испр. М. : Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
5. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. : Госполитиздат ; ОГИЗ, 1939. 744 с.
6. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372 (Госплан СССР). Оп. 37. Д. 525.
7. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 526.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20. 252 с.
9. Постановление СНК СССР «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день». URL : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4253.htm (дата обращения : 26.01.2023).
10. Указы Президиума Верховного Совета СССР. URL : <http://museumreforms.ru/node/13834> (дата обращения : 26.01.2023).
11. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930 – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003 / отв. ред. Л. И. Бородкин. 2004. М. : РОССПЭН, 2004. 600 с.
12. РГАЭ. Ф. 8115 (Наркоматы и Министерства среднего, автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР). 1939–1957. Оп. 2. Д. 67.
13. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 2085 (Плановая комиссия Исполнительного комитета Волгоградского областного Совета народных депутатов (Облплан). Оп. 1. Д. 5а.
14. ГАВО. Ф. 6032 (Сталинградский тракторный завод). Оп. 2. Д. 1. Л. 18–19.
15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 523.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 706.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374 (Центральное Статистическое Управление (ЦСУ) Оп. 15. Д. 2602.
18. За индустриализацию. 1937. 17 мая.
19. СТЗ-3, СТЗ-НАТИ, СТЗ-НАТИ 1ТА. URL : <http://nashi-avto.ru/ru/stz-vgtz/s/stz-нати.html> (дата обращения : 26.01.2023).
20. РГАЭ. Ф. 7622 (Главное управление автотракторной промышленности народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (ГУТАП). Оп. 1. Д. 1957.
21. РГАЭ. Ф. 7622 (Главное управление автотракторной промышленности народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (ГУТАП). Оп. 1. Д. 1963.
22. Косенко В. В. Первый главный конструктор СТЗ. URL : http://www.techstory.ru/fin/85_stz_ogk_2018.htm (дата обращения : 26.01.2023).
23. РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 1974.
24. Водолагин М. А. Первый тракторный. М. : Политиздат, 1968. 112 с.
25. Волгоградский тракторный завод: разрушен, но не сдан. URL : <https://rostec.ru/news/volgogradskiy-traktornyy-zavod-razrushen-no-ne-sdan/> (дата обращения : 26.01.2023).
26. Индустриализация Нижнего Поволжья / отв. ред. С. И. Светлов. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1984. 319 с.
27. Государственный архив новейшей истории Волгоградской области (далее – ГАНИВО). Ф. 113 (Сталинградский крайком ВКП(б)). Оп. 11. Д. 86а.
28. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 2. Д. 8.
29. Ванчинов Д. Л. Военные годы Поволжья. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1980. 242 с.
30. Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) краевой партконференции Сталинградского и Саратовского краев / ред. В. О. Серов. Саратов : ОГИЗ РСФСР, Нижне-Волжское краевое отд., 1934. 342 с.
31. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 873.
32. Народное хозяйство Астраханской области за 50 лет : стат. сб. / отв. ред. В. Н. Виноградов. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1967. 340 с.
33. Чолахян В. А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.) : исторический опыт и уроки. Саратов : Научная книга, 2007. 318 с.
34. Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.) : статистический сборник / ред. И. В. Саутин. М. : ГОСПЛАНИЗДАТ, 1939. 348 с.
35. Чолахян В. А. Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. – 1930-е гг.) // Российская история. 2012. № 3. С. 20–32.

Поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication 12.04.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

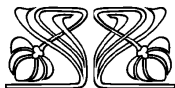
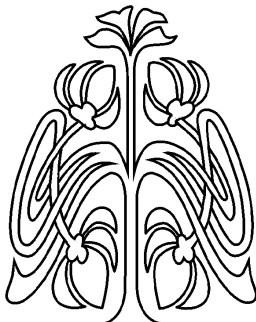
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 408–412

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 408–412

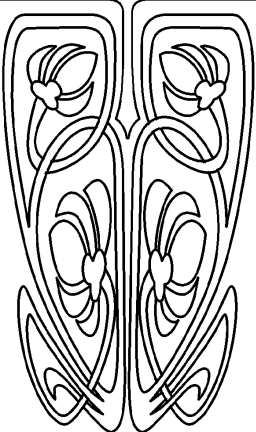
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-408-412>, EDN: TXVHWN

Рецензия

УДК 94(470+571)|17|(093)(049.32)

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Новый французский источник о России восемнадцатого столетия в жанре исторического анекдота

Рецензия на монографию: Мезин С. А. Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской». Санкт-Петербург : Изд-во «Европейский Дом», 2019. 156 с.

Ю. Н. Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, AuthorID: 647784

Аннотация. Представлена рецензия на книгу С. А. Мезина и на публикацию в ней интересного исторического источника, написанного в 1757 г. шевалье д'Эоном, дипломатом и авантюристом. Рукопись «Секретных анекдотов о дворе императрицы Всероссийской» впервые публикуется и на французском языке, и в русском переводе. В рецензируемом издании качественно сделаны источниковедческий обзор и анализ содержания рукописи, научные комментарии, дано обстоятельное исследование французской россики 1725–1762 гг.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., историография, источниковедение, новые публикации, исторический анекдот, шевалье д'Эон, императрица Елизавета Петровна

Для цитирования: Смирнов Ю. Н. Новый французский источник о России восемнадцатого столетия в жанре исторического анекдота // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 408–412. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-408-412>, EDN: TXVHWN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

A new French source about Russia in the eighteenth century in the genre of historical anecdote

Review of: Mezin S. A. *The Unknown Work of the French Rossica of the mid-18th century "Anecdotes Secrètes about the Court of the All-Russian Empress"*. St. Petersburg : European House Publ., 2019. 156 p. (in Russian).

Yu. N. Smirnov

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Yuri N. Smirnov, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, AuthorID: 647784

Abstract. A review of the book by S. A. Mezin and the publication of an interesting historical source written in 1757 by Chevalier d'Eon, a diplomat and adventurer is presented. The manuscript "Secret Anecdotes about the Court of the All-Russian Empress" is published for the first time both in

French and in Russian. In the peer-reviewed book the source characteristic and the analysis of the manuscript, scientific comments, the detailed essay on French studies of Russia in 1725–1762 were qualitatively made.

Keywords: Russia in the 18th century, historiography, source studies, new publications, historical anecdote, Chevalier d'Eon, Empress Elizaveta Petrovna

For citation: Smirnov Yu. N. A new French source about Russia in the eighteenth century in the genre of historical anecdote. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 408–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-408-412>, EDN: TXVHWN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С. А. Мезин известен как авторитетный исследователь прошлого русско-французских отношений. Прежде всего, интерес вызывают его работы, посвященные французским источникам по российской истории XVIII столетия и французским сочинениям о России того времени, всему тому, что принято называть французской «россикой».

В трудах этого автора русское «осмнадцатое» столетие показано и глазами французов, рассматривавших реформаторскую деятельность Петра I [1], и через сочинения французских энциклопедистов-просветителей, многого ожидавших от «философа на троне» в лице Екатерины II [2]. Таким образом, С. А. Мезину свойственно приветствуемое в современной историографии преодоление «резко очерченной грани, привычной для российского научного дискурса, между "эпохой Просвещения" и предшествующими десятилетиями» [3, с. 373]. В этой связи стоит обратить особое внимание на детальную проработку С. А. Мезиным сочинений французских авторов, писавших о России в «период дворцовых переворотов», который следовал за петровскими преобразованиями и предвещал переход к «просвещенному абсолютизму». Следует приветствовать его стремление к расширению числа источников по данной теме, реализованное изданием достаточно объемной рукописи «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской», которая долгое время оставалась неизвестной и не была введена в научный оборот [4].

Дело в том, что «Секретные анекдоты» до сих пор не издавались даже на языке оригинала, хотя вышли из-под пера исторического лица, привлекавшего внимание не только зарубежных и отечественных ученых, но также беллетристов и кинематографистов. По мнению рецензируемого российского историка и ряда его французских коллег, создателем данного сочинения явился небезызвестный шевалье д'Эон (он/она же мадемуазель де Бомон). Правда, его манифестационное поведение, трансгендерный эпатаж, репутация дуэлянта во время пребывания в России (апрель 1756 – весна 1757, сентябрь 1757 – август 1760 гг.), по мнению С. А. Мезина, еще не сказывались вопреки «остросюжетным» домysłам в исторических романах, например, в книге В. Пикуля «Пером и шпагой». Это дало основание историку при публикации «Секретных

анекдотов», а вслед за ним и рецензенту, воздержаться от экскурсов в эксцентричную часть биографии Шарля д'Эона де Бомона (1728–1810) и остановиться, собственно, на источниковедческой и историографической оценке его недавно выявленного любопытного сочинения о России.

Оно, как и прочие сочинения д'Эона, вполне укладывается в рамки типичных для французской россики середины XVIII в. записок дипломатов, шпионов, путешественников: маркиза де Ла Шетарди, графа Дальона, маркиза де Лопиталь, де Ла Мессельера и др. Все они не были лишены авантюрной жилки и самолюбования, не являя своим поведением ничего из ряда вон выходящего.

В этом можно убедиться благодаря интересным и полезным особенностям издания, подготовленного С. А. Мезиным. Оно включает французский текст и русский перевод «Секретных анекдотов» (сделанный самим историком) с необходимыми комментариями, указателем имен, двумя предпосланными статьями источниковедческого («Когда и кем были написаны "Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской"?») и содержательно-аналитического характера («Императрица Елизавета Петровна и Россия середины XVIII века глазами французского дипломата»). Также в данном издании содержится обширный очерк «Французская россика середины XVIII века (1725–1762)», который по своему объему и глубине исследования может рассматриваться как небольшая монография.

В итоге к удовольствию специалистов и всех любителей российской истории сделан ценный вклад в историографию менее других изученного отрезка XVIII столетия между правлениями Петра I и Екатерины II, в источниковедческую характеристику данного периода, в современную публикаторскую практику. Правда, археографическая характеристика «Секретных анекдотов» является не совсем полной, поскольку в распоряжении С. А. Мезина имелась только транскрипция рукописного текста, а также его описание, сделанное французскими коллегами. Сам подлинник, обнаруженный лишь в 2013 г. и находящийся сейчас в частном собрании, остался недоступным российскому исследователю [4, с. 7].

Выход в свет «Секретных анекдотов» именно в России и оказанное им здесь внимание вполне объяснимы. Они были написаны в Париже между двумя поездками в Россию, вероятно,

в июне 1757 г. [4, с. 52]. В них мало содержится того, что можно было бы добавить в историю собственно франко-русских отношений или в скандальное жизнеописание самого шевалье д'Эона, привлекающее уже два с половиной века внимание как европейского научного сообщества, так и широкой публики. Для отечественной же истории находка нового сочинения хорошо информированного иностранца о людях и нравах послепетровской России представляет несомненную ценность.

Интересно сравнить отношение к «Секретным анекдотам» с тем вниманием, которое было оказано другим сочинениям молодого дипломата, приступившего в октябре 1757 г. к выполнению обязанностей первого секретаря французского посольства [4, с. 53]. Приобретя некоторый опыт, он написал немного позднее новые труды: «Записка о России в 1759 году шевалье д'Эона», «Персоны первых рангов этого двора» (1759), «Размышление о легкости переворота в России по смерти императрицы с планом, которому должно следовать для достижения успеха, и о возможности его дальнейшего исполнения» (март 1762). В них были включены собственные наблюдения и аналитическая информация, более полезная для французского короля и руководства внешнеполитического ведомства [4, с. 41–42]. Она вызывает интерес и у современных французских исследователей, что привело к публикации «Записки о России» и связанных с ней сочинений на родине д'Эона [5]. В эту публикацию, как и в прочие, «Секретные анекдоты», о чем уже говорилось, не были включены.

С. А. Мезин указал также на сфальсифицированные тексты, бесосновательно приписываемые шевалье. Речь идет о его вымышленных «мемуарах», из которых взялись и никогда не бывалые «приключения юного кавалера в женском облике при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны», и «одна из самых известных исторических мистификаций» – пресловутое «Завещание Петра Великого» [4, с. 52–53].

Несмотря на создание д'Эоном по прошествии некоторого времени пребывания в России более обстоятельных и проработанных записок о стране, «Секретные анекдоты» не потеряли значения ценного исторического источника, что показал С. А. Мезин. Во-первых, шевалье использовал разный ракурс и масштаб при рассмотрении российских реалий в «Записке о России» («вид с высоты птичьего полета») и в анекдотах («подглядывание в замочную скважину»). Во-вторых, текст и информация анекдотов прямо не повторяется в других сочинениях д'Эона [4, с. 50].

К своей миссии в России шевалье подошел весьма основательно. Он познакомился с имевшейся на французском языке оригинальной и переводной литературой о стране, с донесениями

французских послов и даже приступил к изучению русского языка, пополнив свою библиотеку несколькими русскими книгами. Однако отложив задуманные первоначально серьезные штудии истории, наук и искусств России, д'Эон, прежде всего, начал писать о том, что действительно его увлекало, «о дворе, о склонностях придворных, об их связях, интригах и интересах, ... жанр анекдотов в полной мере соответствовал его устремлениям» [4, с. 55–56].

С. А. Мезин приводит определения литературного (не фольклорного!) жанра исторического анекдота, которые были распространены тогда во Франции. Основными были два: 1) истории, которые «говорят слишком свободно, слишком откровенно о нравах и поведении лиц высшего ранга» или 2) «истории, посвященные тайным и секретным делам монархов». Традиционно ученый возводит появление и название этого жанра к труду византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, а возрождение – к концу XVII в. в Европе [4, с. 56].

Позволим сделать уточнение, поскольку представляется более обоснованным мнение, согласно которому начало этому жанру было положено именно во Франции в XVII в. Тогда забытый на тысячу с лишним лет политический памфлет был заново обнаружен, переведен с греческого на латинский язык и опубликован в 1623 г. в Лионе для публики, читающей по-латыни. В нем обличались греховные нравы и постыдные причины деяний императора Юстиниана, его супруги Феодоры и приближенных. Найденное сочинение не имело названия, но в средневековом византийском лексиконе X в. оно было упомянуто как «анекдота», т. е. «неопубликованное» («неизданное»). Это слово и стало названием данного сочинения, потом – появившихся подражаний ему и, наконец, обозначением целого жанра. В пояснение незнакомому греческому слову в заголовке включили латинское выражение «Historia Arcana» – «тайная / секретная история» («Procopii Caesariensis Anecdota seu Arcana Historia»). Популяризации и утверждению нового жанра во французской литературе и историографии в значительной степени поспособствовала вышедшая в 1685 г. книга А. де Варийяса. Ее заголовок уже на живом языке объединил «анекдот» и пояснение к нему – *Les Anecdotes de Florence ou l'Histoire secrète de la maison de Médicis* («Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи»). Кроме того, де Варийяс расширил пространство исторического анекдота, описывая не только скрытые пружины известных деяний и поступков, как это делал Прокопий, но и вынося на публику некие «потаённые события» [6, с. 229, 231–232, 237].

Возвращаясь из этого экскурса в историю жанра анекдота – к сочинению д'Эона, уже в его заголовке становятся заметны стилистические огрехи. «Секретные анекдоты» – это, во-первых,

тавтология («масло масляное»), а, во-вторых, перебор в пафосности. Не случайно С. А. Мезин одной из главных личных особенностей этого автора среди других представителей французской россики XVIII в. считает «бахвальство» [4, с. 46]. Никаких глубинных тайн, подобных «византийским» или «медицейским», шевалье читателю не открывает, потому что попросту их не знает, не будучи допущен к императрице. Он пользуется слухами и сплетнями, фактами «из вторых рук», правда, иногда довольно осведомленных. Среди его информаторов есть вельможи, придворные музыканты, художник, врач, шут [4, с. 57–58].

Претендовать на принадлежность к жанру исторического анекдота сочинению д'Эона позволила произошедшая в XVIII в. дальнейшая экспансия этого жанра из событийной в бытовую сферу. С. А. Мезин упоминает французскую писательницу того времени М. де Гомес, которая в своей книге «Анекдоты, или тайная история Оттоманского Дома» (1722) придала определению анекдота особую коннотацию: «Домашняя история государей» [4, с. 57]. Поддерживая подобную трактовку, французские авторы (Псевдовильбуа, Вольтер) еще до д'Эона стали писать свои рассказы о правителях России, прежде всего о Петре Великом, в жанре исторического анекдота, не претендуя при этом на изложение особых сокровенных тайн и громкие разоблачения [4, с. 58].

Можно согласиться с С. А. Мезиным в том, что исторические анекдоты в сложившемся в XVIII в. виде тяготеют к устным источникам, их записи можно рассматривать в какой-то мере как фиксацию «устной истории» своего времени [4, с. 57]. Для эпохи перехода к обществу модерны вообще была характерна постепенная замена традиционного вербального выражения исторической памяти письменными, литературными формами. По мере осознания правителями и их подданными значимости слова, они старались оставить важные высказывания в виде записей [7, с. 531].

Текст самих «Секретных анекдотов» разбит на четыре части. Они не озаглавлены и не отличаются особой стройностью. С. А. Мезин выявил включение следующих сюжетов по порядку этих частей: 1) распорядок дня, стол и фавориты императрицы; 2) ее круг общения, одежда и приемы во дворце; 3) общение императрицы с дипломатами, практикуемые ею наказания, её личные качества; 4) театр, свадьбы при дворе, гвардейцы [4, с. 59].

Особенно подробно составитель и переводчик вслед за д'Эоном останавливается на следующих деталях:

описании внешности и нарядов императрицы Елизаветы Петровны;

примерах её доброты и набожности;

подчеркивании дипломатом симпатий императрицы к Франции и королю, которые, правда, остаются нереализованными из-за слабости ее характера и зловредности некоторых лиц из близкого окружения;

привычках и распорядке дня императрицы, обращается внимание на поздний отход ко сну и частые ночные хождения по дворцу и гвардейским караулам, что объясняется страхом перед возможными заговорами;

роли влиятельных придворных и круге общения Елизаветы;

дворцовых приемах, одежде и украшениях у придворных, которые, будучи закуплены в Париже и Лионе, приносят немалую выгоду французским промышленникам и торговцам;

итоговых выводах, сводимых к повторяемым дипломатом стереотипам изначального «русского варварства», «дикого», «рабского» и по-звериному «злобного» народа, у которого даже «добрый» по характеру правитель может быть только деспотом [4, с. 60–65].

Даже из рассмотрения преимущественно быта и повседневности далекой северной страны шевалье делает не оригинальный для ряда своих соотечественников вывод, согласно которому в интересах Франции следует не просвещать русских, а с целью их дальнейшего ослабления культивировать имеющиеся пороки и насаждать новые. Его радует, что достижению этой цели уже немало поспособствовали многие заезжие французы, выдававшие себя за актеров и учителей, а на самом деле являвшиеся настоящим «отрепьем» и даже клейменными преступниками [4, с. 66, 68].

К досаде создателя «Секретных анекдотов» и других записок о России, как и для ряда его современников – авторов произведений французской россики и их высокопоставленных адресатов, надежды на недоброе будущее нашей страны не претворились в действительность. Российская империя стояла на пороге нового взлета могущества и очередных шагов по пути модернизации. Не оправдались также надежды на удовлетворение карьерных амбиций и личного тщеславия, с расчетом на которые писались подобные сочинения. Единственными «благоприобретателями» от их появления в свет спустя четверть тысячелетия оказались специалисты и любители истории, расширившие источниковую базу своих изысканий и увлеченный. За одно это можно поблагодарить пусть даже пристрастных и не совсем доброжелательных наблюдателей русской старины. Однако, прежде всего, надо отдать должное очередной высокопрофессиональной научной работе, сделанной С. А. Мезиным, и тем коллегам во Франции и России, которые помогли ему в ее выполнении.

Список литературы

1. Мезин С. А. Свидетели петровской эпохи (издания французской россики конца XVII – начала XVIII века в научной библиотеке Саратовского государственного университета) // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2018. № 4 (417). С. 110–127.
2. Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 156 с.
3. Артамонова Л. М. Век Просвещения в “Quaestio Rossica” // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 372–379.
4. Мезин С. А. Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской». СПб. : Европейский Дом, 2019. 156 с.
5. Liechtenhan F.-D. En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon. Paris : L'inventaire edition, 2006. 196 p.
6. Голубков А. В. Анекдот как альтернативная биография во французской культуре XVII века // W kręgu problemów antropologii literatury. W stronę antropologii niezwykłości, studia pod redakcją Wandy Supy. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2013. S. 229–242.
7. Артамонова Л. М. Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II : от «культурного шока» – к модернизационным практикам // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 2. С. 525–538.

Поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 12.04.2023

ХРОНИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 413–418

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 413–418
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-413-418>, EDN: TYFYWB

Сообщение
УДК 930.2+929Стам

Окно в мастерскую историка-медиевиста (к 110-летию со дня рождения С. М. Стама)

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творческого метода видного советского и российского историка-медиевиста, заслуженного профессора Саратовского государственного университета С. М. Стама (1913–2010). В качестве важнейшего источника выступают воспоминания ученого, в которых вопросам научного поиска уделяется большое внимание. Констатируется, что главный секрет высокого качества научного наследия С. М. Стама состоит в сочетании смелых методологических исканий и тщательно выверенного и многократно переосмысленного анализа источников.

Ключевые слова: С. М. Стам, московская школа российской медиевистики, Саратовский университет, саратовская школа средневековой урбанистики, методы научного исследования, марксистская методология, материалистическая диалектика

Для цитирования: Галямичев А. Н. Окно в мастерскую историка-медиевиста (к 110-летию со дня рождения С. М. Стама) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 413–418. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-413-418>, EDN: TYFYWB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Communication

Window to the workshop of the Medieval historian (To the 110th Anniversary of the birth of S. M. Stam)

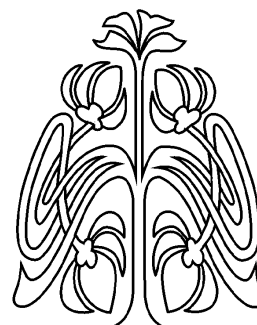
A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

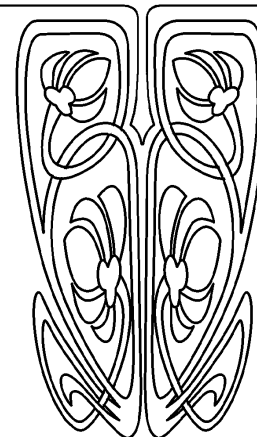
Alexander N. Galyamichev, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Abstract. The article examines the features of the creative method of the prominent Russian and Soviet historian-medievalist, Honored Professor of Saratov State University S. M. Stam (1913–2010). The most important source is the memoirs of the scientist, in which great attention is paid to the issues of scientific search. The author shows that the main secret of the high quality of S. M. Stam's scientific heritage consists in a combination of bold methodological searches and a carefully verified and repeatedly rethought analysis of sources.

Keywords: S. M. Stam, Moscow school of Russian Medieval Studies, Saratov University, Saratov school of medieval urban studies, methods of scientific research, Marxist methodology, materialistic dialectics

ПРИЛОЖЕНИЯ

For citation: Galyamichev A. N. Window to the workshop of the Medieval historian (To the 110th Anniversary of the birth of S. M. Stam). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 413–418 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-413-418>, EDN: TYFYWB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

21 ноября 2023 г. исполняется 110 лет со дня рождения видного представителя отечественной медиевистики, заслуженного профессора Саратовского университета Соломона Моисеевича Стама (1913–2010).

С. М. Стам прошел большой жизненный путь. Он родился в Казани в семье столяра-белодеревщика и фельдшерицы. Закончив в родном городе школу с педагогическим уклоном, он начал трудовую деятельность в качестве сельского учителя в Красноборском районе Татарской АССР. В 1932 г. С. М. Стам поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы (знаменитого МИФЛИ) и закончил его в 1939 г. (в 1934–1935 гг. в числе наиболее одаренных студентов он был направлен в Особый японский сектор при Московском институте востоковедения для изучения японского языка и по окончании обучения в 1935–1936 гг. работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока). В 1939 г. поступил в аспирантуру при МИФЛИ, где под руководством будущего академика С. Д. Сказкина начал работу над кандидатской диссертацией «Иоахим Калабрийский». В 1941 г. С. М. Стам встал в ряды Московского народного ополчения, принимал участие в обороне Москвы, а с весны 1942 г. до окончания Великой Отечественной войны служил в качестве офицера 7-го отдела политуправления 17-й армии, дислоцировавшейся в Монгольской народной республике. В критический момент войны стране оказались крайне необходимы творческие люди, владевшие японским языком, а за особые заслуги в период проведения Маньчжурской операции в августе 1945 г. С. М. Стам был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Вернувшись по окончании войны в аспирантуру (МИФЛИ к тому времени был влит в состав Московского университета), С. М. Стам закончил работу над диссертацией и успешно защитил ее в конце 1947 г.

В 1949 г. С. М. Стам переехал в Саратов, возглавив кафедру истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. До 2000 г. он жил и работал в Саратове, оставаясь заведующим кафедрой в течение 42 лет (до 1991 г.), защитил докторскую диссертацию «Экономическое и социальное развитие раннего города», написал множество научных трудов, воспитал несколько поколений преданных науке учеников, составивших признанную в России и за рубежом саратовскую школу историков средневекового города.

Обращаясь к творческому наследию ученого, мы прежде всего отмечаем глубину и ориги-

нальность его теоретических обобщений, широту и многосторонность сравнительно-исторических наблюдений. Он был одним из немногих наших медиевистов, способных самостоятельно творчески мыслить в русле марксистской методологии исторического исследования и достигать интересных для мировой науки результатов.

Наиболее ярким примером этого является разработанная С. М. Стамом концепция развития средневекового города, ставшая методологической основой не только его собственных урбанистических исследований [1–7], но и работ других представителей саратовской школы историков средневекового города.

Наряду с разработкой методологических вопросов урбанистики следует вспомнить интересные теоретические работы С. М. Стама о природе феодализма [8–10], Реформации в Германии [11, 12], культуре Возрождения [13–17], посвященные другим вопросам истории Средних веков и раннего Нового времени [18–20], в которых ярко раскрылась самобытность его исследовательского дарования.

Следует отметить, что множество интересных идей, наблюдений и предположений С. М. Стама остались неопубликованными: они высказывались им на заседаниях кафедры истории средних веков СГУ, методологического семинара исторического факультета, руководителем которого С. М. Стам являлся в течение долгих лет, во время консультаций и занятий с молодыми учеными, аспирантами и студентами, с которыми он щедро делился своими наблюдениями.

В этом смысле С. М. Стам был продолжателем традиций воспитавшей его московской школы российской медиевистики, для которой с изначальных времен изучения проблем всеобщей истории в России был характерен пристальный интерес к постановке коренных теоретических вопросов и поиску их разрешения на основе новых философско-методологических подходов. Заложенные в дореволюционный период традиции нашли продолжение в трудах советских ученых – учителей С. М. Стама С. Д. Сказкина, Е. А. Косминского и А. И. Неусыхина, уроки которых он с благодарностью вспоминал на протяжении всей жизни.

Глубина философско-методологического мышления составляет основу результативности научного творчества историка: именно здесь определяется решение такой важной задачи, как постановка проблемы исследования. Это решение во многом определяет судьбу еще не начатой работы: даже многолетний труд может оказаться малопродуктивным для науки, если он направлен

на решение мнимой проблемы, оставляя за пределами внимания главные движущие пружины изучаемых событий и процессов.

С. М. Стам постоянно повторял на занятиях со студентами и аспирантами, что историк должен искать не ответ на вопрос «Как?» [происходили те или иные события], а стремиться выяснить ответ на вопрос «Почему?» [они происходили или происходили именно таким образом].

В случае с С. М. Стамом мы имеем возможность проследить сам ход решения вопроса о постановке проблемы исследования, результатом которого стало создание оригинальной концепции средневекового городского развития, позволившей по-новому взглянуть не только на историю городов, но и на судьбы средневекового общества в целом.

Поиск проблемы исследования нашел отражение на страницах воспоминаний С. М. Стама «Моя жизнь, учителя, друзья и наука» [21]. Отметим, что вопросы научного творчества занимают видное, более того – главное место в воспоминаниях и поэтому представляют большой интерес для молодых историков, вступающих на поприще ученого.

В воспоминаниях С. М. Стама можно найти ответ на вопрос о том, как он, с первых шагов исследовательской деятельности в области медиевистики интересовавшийся прежде всего вопросами истории духовной жизни западноевропейского средневекового общества, стал заниматься изучением экономического и социального развития городов.

После защиты кандидатской диссертации, которая была посвящена мировоззренческим исканиям самобытного итальянского мыслителя второй половины XII – начала XIII в. Иоахима Флорского (Калабрийского) С. М. Стам решил обратиться к очевидно значимому, но не ставившемуся прежде в научной литературе вопросу о социальных истоках средневековых еретических движений.

С. М. Стам в своих воспоминаниях описывает ход авторских размышлений следующим образом: «Где же лежит моя научная перспектива? Иоахим ввёл меня в проблематику средневековой ереси» [21, с. 209]. Внимание ученого не могли не привлечь другие явления этого ряда, в частности, ересь альбигойцев, охватившая в конце XII – начале XIII в. Юг Франции и оставившая глубокий след в истории средневекового Запада. «Но об альбигойцах уже восемьдесят лет назад писал Николай Осокин. Углублять, вносить поправки? Вообще проблемы, которую нужно решить, я здесь не нахожу... Но так ли? Нет проблемы? Ведь давно признано, что и альбигойство, и другие наиболее значительные ереси XII–XIII веков выросли на городской почве. Но что представляла собой эта «почва»? [21, с. 209]. [Историк продолжает]: «Нужно понять средневековый город глубже, особенно на его ранней

стадии развития. Меня при этом более всего привлекали южно-французские, собственно, лангедокские города, социально-экономическая почва которых вызвала к жизни широкое еретическое движение альбигойцев» [21, с. 210].

Обратившись к изучению ранней истории средневекового города, С. М. Стам установил, что в зарубежной историографии в середине XX в. «шумно заняла авансцену... антиисторическая концепция “континуитета”, непосредственной преемственности в развитии города – от Античности через Средневековье – к Новому времени. Неподвижная история?» [21, с. 210].

Подобного рода концепция, не дававшая ответа на вопрос об истоках огромной преобразующей силы городов в развитии средневекового общества, представлялась С. М. Стаму малоубедительной. На всем протяжении научного творчества он оставался последовательным сторонником материалистической диалектики в подходе к изучению исторического процесса. Главной задачей ученого он считал поиск скрытых от поверхностного взгляда движущих противоречий исторического развития. Итогом его размышлений о природе средневекового города стал вывод о том, что, выступая носителем общественно-экономического уклада простого товарного производства, город стал формой частичного разрешения основного экономического противоречия феодализма (между крупной земельной собственностью и мелким крестьянским хозяйством), очагом экономической свободы при сохранявшемся до конца средних веков преобладании отношений внеэкономического принуждения в окружающей города феодальной деревне.

Как отмечал С. М. Стам, историк обязан неустанно «работать, упорно работать, работать аналитически, пока не докопаешься до смысловых корней, пока не сумеешь убедительно, строго обоснованно источниками, ответить на главный вопрос, завещанный науке ещё Аристотелем: ПОЧЕМУ? И так ответить, чтобы читателю был ясен ответ и на второй очень важный вопрос: ЧЕМ ДОКАЗУЕТСЯ?» [21, с. 179].

Ответ на второй вопрос применительно к работе историка предполагает тщательное изучение источников. Как отмечал С. М. Стам, «битву исторических идей решают факты, источники эпохи и их правильное истолкование. Поэтому для историка всегда остается свят научно понятый лозунг, брошенный ещё романтиками: «Ad fontes!» («К источникам!»)» [21, с. 211].

Поиск источников, который в первые десятилетия второй половины XX в. был сопряжен с теми трудностями, которые не вполне понятны историкам эпохи Интернета, оказался очень сложным делом, но благодаря целеустремленности, настойчивости и изобретательности исследователя ему удалось обнаружить обширный корпус источников по истории городов средневекового Лангедока.

Погрузившись в чтение источников, С. М. Стам вскоре «почувствовал себя стоящим на берегу моря с кружкой в руках, пытаясь это море вычерпать» [21, с. 234].

Такое ощущение возникло не только по причине огромного объема собранного материала, но и в силу того, что его осмысление требовало колоссальной работы. Наиболее подробное объяснение этого и вместе с тем – основ источниковедческого анализа – содержится в главе «Может – перелистать?» воспоминаний С. М. Стама. Историк пишет: «Однажды вечером, когда я ломал голову над одной грамотой XIII века (в библиотеке во время научной командировки в Ленинград. – А. Г.), кто-то легонько тронул меня за плечо. Я оглянулся. Это был знакомый мне преподаватель филфака Саратовского педагогического института, симпатичный и кое-что писавший о современной немецкой литературе человек. Мы обменялись улыбками. Он с некоторым недоумением смотрел на лежавший передо мной фолиант, до краев полный латынью.

– А нельзя – вот так? – спросил он, пробуя мой фолиант «перелистать», перебрасывая пачками листов по пятьдесят.

Я не мог не улыбнуться. Сказал тихонько:

– Давайте выйдем в вестибюль.

Мы вышли, и я ответил на его вопрос.

– Нет, перебрасывать никоим образом нельзя. Конечно, не каждая грамота мне необходима. Но для того, чтобы выяснить, нужна она мне или нет, может быть, касается совсем других вопросов, я должен прочитать по крайней мере ее начало – о чем тут идет речь? Если, к примеру, это какой-то акт чисто межфеодальных отношений, вассалитета и т. п. – это меня не интересует. Хотя и тут иногда могут быть затронуты какие-то моменты из жизни и интересов города или даже крестьянства, – внимательно «пробежать» грамоту не мешает. Иначе легко промахнуться. Вот на днях я пропустил, как для меня «пустую», небольшую грамоту о размерах чинша с какого-то держания. Я ее прочитал и перелистнул. А потом, гораздо дальше, натолкнулся на типологически схожую грамоту о городском держании – и совершенно другая картина. Я вдруг понял, как было бы показательно сопоставить с нею ту, чисто феодальную, которую я отбросил «за ненужностью». Было мне работы снова разыскать ее. Зато читатель получит на редкость яркое, осязаемое, самой жизнью порожденное противопоставление экономических отношений в феодальном поместье и средневековом городе» [21, с. 212–213].

Следует обратить внимание на важную особенность исследовательского почерка С. М. Стама – его пристальный интерес к вопросам исторической географии, хозяйственного быта, истории техники. Оставаясь в «подводной части» исследовательского айсберга, эти вопросы играют важную роль при анализе данных источников.

В этой связи уместно привести яркую характеристику основных этапов развития мукомольного промысла в средневековой Тулузе, составившую один из разделов книги воспоминаний историка, в котором природные и технологические факторы прописаны более отчетливо, чем на страницах монографии [2, с. 261–294]: «В середине XVI века великий французский писатель-гуманист Франсуа Рабле предпринял путешествие по наиболее замечательным городам Франции. Побывал он и в Тулузе. И был поражен невиданным множеством больших и очень производительных водяных мельниц, которыми был уставлен весь берег Гаронны. Он сказал, что в Париже ничего подобного не видел (не говоря уж о других городах). И ничего подобного не мог себе представить. Конечно, это уже XVI век. Но это «тулузское чудо» зародилось и быстро расцвело еще тремя-четырьмя столетиями ранее, в недрах средневекового города. И в самом деле, средневековое тулузское мукомольное дело – явление, можно сказать, уникальное. Казалось бы, все очень просто: город расположен посреди хлебоднейшего края, потребность в размолотом зерне самая настоятельная. Рядом – река, горная, полноводная, – только ставь мельницы. Но достоинства Гаронны обусловили и ее недостатки. Горная (ее исток находится на высоте 576 м над уровнем моря), полноводная, она очень своенравна, то течет быстро, то спокойно, то вздувается, бушует и смывает все на своем пути. Обуздать, использовать энергию такой реки – для средневековой техники задача почти неразрешимая. Пробовали тулузцы ставить обычные береговые мельницы, – вскоре река их начисто смывала. Придумали ставить мельничные колеса и жернова на больших баржах, а баржи закреплялись в речном потоке несколькими якорями. Стало надежней, но в периоды жаркой погоды и усиленного таяния горных снегов река вздымалась стремительно и срывала тяжелые баржи с якорей.

Но люди не сдавались. Они вернулись к береговым мельницам, но стали строить их гораздо основательнее, с частичными плотинами, на огромных баржах с огромными же жерновами, и бушевавшая Гаронна уже не могла остановить развития тулузского мельничного дела. Но все эти сооружения стоили дорого: одному, даже богатому горожанину не под силу. Уже с конца XII века тулузские мельницы эксплуатируются паевыми товариществами» [21, с. 248–249].

Эти мельничные товарищества, как показывает С. М. Стам, опираясь на знания в области технологии средневекового мельничного дела, имели принципиально новую для средневекового общества, раннекапиталистическую природу, преобразуя структуру социально-экономических отношений и порождая парадоксальные, на первый взгляд, явления: «Паевые компании решили интенсифицировать работу мельниц: стали возводить не очень большие, но все-таки плотины –

крепкие, высокие колья плотно обтягивались плетнем и забивались в дно реки чуть выше мельницы. Уровень воды на этом участке повышался, и она падала с этой высоты на верхние лопасти теперь уже верхнебойного колеса, которое вращалось теперь гораздо быстрее, чем прежде. Быстрее вращались и тяжелые жернова. Производительность мельниц значительно повышалась – повышались и доходы вкладчиков мельничных компаний. Мельницы начинают приносить большие доходы. В паевые компании начинают вступать и знатные городские патриции.

И не удивительно. Наверное, в то время ни для кого в Тулузе не осталось секретом то любопытнейшее событие, которое произошло в мельничном товариществе на плесе Дорад. Здесь береговая линия принадлежала небольшому монастырю (Дорад), и мельничное товарищество регулярно платило аббату как сеньору прибрежного участка земли и воды, каковой компания «держала» от аббата, – оговоренный денежный чинш. Но в один прекрасный день аббат понял, что пайщики мельничной компании получают доход несравнимо бóльший, чем тот феодальный чинш, какой взыскивает с них сеньор-аббат. Тогда сей феодал сам купил мельничный пай и сделался сам у себя «держателем». Оказалось, что быть таким держателем гораздо доходнее, чем быть феодальным сеньором» [21, с. 250–251].

Современный читатель имеет редкую возможность проследить ход исследовательской мысли С. М. Стама благодаря публикации в переводе на русский язык главного корпуса источников по социально-экономической истории средневековой Тулузы – Картулярия Тулузского консулата XII–XIII в. Тщательно выверенный перевод был выполнен известным в России знатоком латинского языка (включая особенности латыни средневековья) Л. М. Лукьяновой, а С. М. Стам подготовил вступительную статью – «Окно в мир средневекового города», в которой содержится развернутая источниковедческая характеристика картулярия и раскрывается его эвристический потенциал [22].

Во вступительной статье С. М. Стама содержится обобщающая характеристика его научного метода, предполагающего неторопливую, вдумчивую работу над текстами источников, позволяющую «замечать как бы мимоходом брошенные, но весьма существенные детали; за, казалось бы, совершенно ясным текстом улавливать скрытый, но многозначительный *подтекст*»: «Исторические источники бесценны. Это запечатленный голос прошедшего. Это – свидетельства самой эпохи. Но это не бесстрастно-объективное зеркало времени. В источнике не просто фиксация фактов, в них *живые интересы*, борьба интересов – классовых, сословных, групповых. Они

не лежат на поверхности. Их, как правило, стараются спрятать, замолчать, скрыть за красивыми словами. До них нужно докопаться. Маркс говорил, что, если бы смысл исторических событий лежал на поверхности, не было бы нужды в самой науке истории. Разве можно, к примеру, поверить, что граф Тулузский отменил весьма важные и выгодные для него торговые пошлины с тулузцев «по своей доброй и щедрой воле и без всякого принуждения», как пишется чуть ли не в каждой грамоте? И – задаром?

Поверхностно прочитанный источник зачастую остается лежать перед историком молчаливым камнем. Источник нужно *раскрыть*, если хотите, – расколоть, – заставить его заговорить. Для этого нужно научиться *спрашивать* источник, научиться правильно ставить вопросы» [22, с. 19–20].

Таким образом, главный секрет высокого качества научного наследия С. М. Стама состоит, как представляется, в органическом сочетании смелых методологических исканий и скрупулезного, тщательно выверенного и многократно переосмысленного анализа источников.

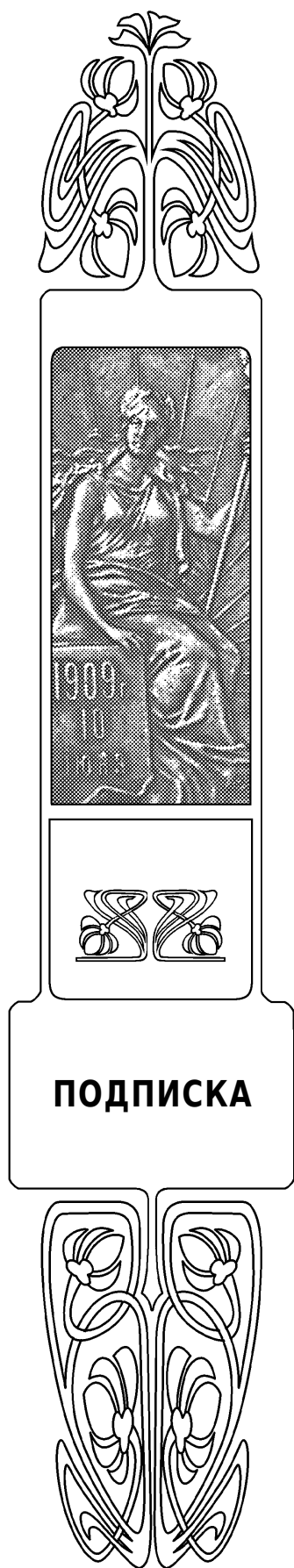
Список литературы

1. *Стам С. М.* Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93–105.
2. *Стам С. М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов : Издательство Саратовского университета, 1969. 469 с.
3. *Stam S. M.* Die ökonomischen Grundlagent der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt in West- und Mitteleuropa // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin : Akademie-Verlag, 1978. Bd. 2. S. 73–100.
4. *Стам С. М.* Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город : межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. Вып. 6. С. 3–19.
5. *Стам С. М.* К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе // Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник / отв. ред. В. В. Мавродин. Л. : Издательство ЛГУ, 1982. С. 95–106.
6. *Стам С. М.* Средневековый город и развитие социальной структуры феодального общества // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З. В. Удальцовой. М. : Наука, 1988. С. 40–49.
7. *Стам С. М.* Город и развитие политической структуры феодального общества // Власть и политическая культура в средневековой Европе / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : ИВИ РАН, 1992. С. 264–280.
8. *Стам С. М.* О некоторых экономических закономерностях феодализма // Научный ежегодник Саратовского университета за 1954 год / ред. С. С. Хохлов. Саратов : Коммунист, 1955. С. 127–130.
9. *Стам С. М.* Об основном экономическом законе феодализма. Выступление в дискуссии // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 85–86.

10. *Стам С. М.* К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма // Учёные записки Саратовского университета. 1958. Т. 66. С. 264–277.
11. *Стам С. М.* О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии // Учёные записки Саратовского университета. 1954. Т. 39. С. 293–322.
12. *Стам С. М.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 100–113.
13. *Стам С. М.* Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 75–93.
14. *Стам С. М.* Гуманизм и церковно-реформационная идеология // Культура эпохи Возрождения и Реформации / отв. ред. В. И. Рутенбург. Л. : Наука, 1981. С. 29–39.
15. *Стам С. М.* Высокое Возрождение: идейное содержание, социальные истоки, общественное значение // Культура Возрождения и общество / отв. ред. В. И. Рутенбург. М. : Наука, 1986. С. 110–119.
16. *Стам С. М.* Проблема соотношения культур Средних веков и Возрождения: вековой спор // Культура Возрождения и Средние века / ред. Л. С. Чиколини. М. : Наука, 1993. С. 172–185.
17. *Стам С. М.* Место культуры Возрождения в историческом процессе секуляризации мысли и знания // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи / под ред. Л. М. Брагиной. М. : Наука, 1997. С. 76–87.
18. *Стам С. М.* Разложение феодализма и проблема истоков абсолютизма. Выступление на научной сессии 11–13 мая 1966 г. // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма : материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. / отв. ред. С. Д. Сказкин. М. : Наука, 1969. С. 150–157.
19. *Стам С. М.* Диалектика общности и личности в средние века // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 34–47.
20. *Стам С. М.* К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город : межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, 1998. Вып. 13. С. 87–100.
21. *Стам С. М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 364 с.
22. *Стам С. М.* Окно в мир средневекового города // Картулярий Тулузского консулата (XII–XIII века) / пер. с лат. Л. М. Лукьяновой ; вступ. ст., ред., прим. С. М. Стама. Саратов : Научная книга, 1998. С. 3–23.

Поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 12.04.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2023.
Том 23, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

